

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 7 (150)

Academic Journal

Series:
Philosophy. Sociology. Art Studies

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ
№ 7 (150)

Научный журнал

Серия
«Философия. Социология. Искусствоведение»

Москва
2015

УДК 101(05)+316(05)+7.01(05)
ББК 87я5+60.5я5+85я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная Школа Хартий, Сорбонна, Франция), И. Клюканов (Восточно-Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ВНИИДАД), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Ин-т геополитики, Париж-VIII, Франция), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), Е. ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ун-т Ратгерс, США), И. Фолтыс (Политехнический ин-т г. Ополе, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Редакционная коллегия серии

Ж.Т. Тощенко, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Л.Н. Вдовиченко, зам. гл. ред., д-р социол. н., проф. (РГГУ), В.А. Колотаев, зам. гл. ред., д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.И. Резниченко, зам. гл. ред., д-р филос. н. (РГГУ), О.В. Китайцева, отв. секретарь, канд. социол. н. (РГГУ), Х. Варгас (Ун-т Кали, Колумбия), Н.М. Великая, д-р полит. н., проф. (РГГУ), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), В.Д. Губин, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Дж. Дебарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), Е.Н. Ивахненко, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В. Кейдан (Ун-т Карло Бо, Италия), С.А. Коначёва, д-р филос. н. (РГГУ), Л.Ю. Лиманская, д-р искусствоведения, проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), А.В. Марков, д-р филол. н., доц. (РГГУ), С. Масамичи (Ун-т Чуо, Япония), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), П. Новак (Ун-т Белостока, Польша), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия)

Ответственные за выпуск: Е.А. Колосова, канд. социол. н. (РГГУ), И.О. Шевченко, канд. ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Социология жизни

Ж.Т. Тоценко

Жизненный мир – методологическая характеристика
социологии жизни 9

Н.В. Романовский

Пример для подражания нашим молодым социологам –
кейс Джеффри Александера 15

Р.И. Анисимов

«Сетевое общество» как форма адаптации населения России
к процессам глобализации 27

Е.А. Ирбетская

Жизненный мир как основа трудовой деятельности
современного человека 33

А.В. Кученкова

Интерес к политике в структуре жизненных ориентаций россиян 39

О.В. Китайцева

Доверие в национальных интеграционных объединениях
и жизненный мир человека 47

М.Б. Буланова

Образование в жизненном мире российской молодежи 54

А.А. Жирикова

Театр и его место в культурно-досуговой практике россиян 58

М.А. Кокоулина

Роль социальных медиа в развитии гражданских инициатив 65

Экономическая социология

М.С. Черкасова

Парадоксы трудовой занятости в регионе 73

И.В. Василевская

Трудовая миграция на постсоветском пространстве:
опыт союзного государства России и Беларуси 80

<i>И.В. Воробьева</i> Отношение к трудовым мигрантам в сознании студенческой молодежи Москвы	85
--	----

<i>С.Н. Майорова-Щеглова</i> Социологическая методика «Тайный посетитель»: особенности и технология проведения	90
--	----

<i>Т.М. Нетусова</i> Любительский фотопортрет в современной культуре	96
---	----

Социология здоровья и демография

<i>Н.И. Белова</i> Здоровье в жизненном мире россиян: противоречия и парадоксы	101
---	-----

<i>Е.В. Белова</i> Феномен лоббирования в российском здравоохранении	106
---	-----

<i>Е.В. Кузьмина</i> Оценка пациентами и врачами государственной программы по оказанию помощи населению	111
---	-----

<i>Е.И. Жук</i> Теоретическое основание для анализа демографической ситуации в России	116
---	-----

Социология детства

<i>Е.А. Колосова</i> Чтение российских детей и подростков в трансформирующемся обществе	123
---	-----

<i>С.Ю. Митрофанова</i> Точки отсчета и конструкты «взрослости» в представлениях детей о своей будущей жизни	131
--	-----

<i>А.Ю. Губанова</i> Классификация электронного контента сайтов для детей: социологический анализ	139
---	-----

<i>И.О. Шевченко</i> Представления россиян об отцах и отцовстве	144
--	-----

Abstracts	153
-----------------	-----

Сведения об авторах	162
---------------------------	-----

CONTENTS

Sociology of Life

<i>Zh. Toschenko</i>	
Lifeworld – methodological characteristics of sociology of life	9
<i>N. Romanovskiy</i>	
Example for our young sociologists to follow. The case of Jeffrey Alexander	15
<i>R. Anisimov</i>	
“Network society” as a form of adaptation of Russian population to the processes of globalization	27
<i>E. Irsetskaya</i>	
Lifeworld as the basis for working life of modern man	33
<i>A. Kuchenkova</i>	
Interest in politics within the structure of Russians’ attitudes toward life	39
<i>O. Kitaitseva</i>	
Trust in national integration associations and human lifeworld	47
<i>M. Bulanova</i>	
Education in the lifeworld of the Russian youth	54
<i>A. Zhirikova</i>	
The place of the theatre in cultural and recreational practices of Russians	58
<i>M. Kokoulina</i>	
The role of social media in the development of civil initiatives	65
<hr/>	
Economical sociology	
<i>M. Cherkasova</i>	
Paradoxes of the employment in a region	73
<i>I. Vasilevskaya</i>	
Labour migration in the post-soviet space. The experience of the union state of Russia and Belarus	80

<i>I. Vorobyeva</i>	
Attitude to migrant workers in the minds of students of Moscow	85
<i>S. Mayorova-Scheglova</i>	
Sociological methodology “Mystery Visitor”. Features and technology of carrying it out	90
<i>T. Netusova</i>	
Amateur photo portrait in contemporary culture	96

Sociology of Health and Demography

<i>N. Belova</i>	
Health in the lifeworld of Russians. Contradictions and paradoxes	101
<i>E. Belova</i>	
The phenomenon of lobbying in Russian system of healthcare	106
<i>E. Kuzmina</i>	
Evaluation by patients and doctors of the state program to assist people	111
<i>E. Zhuk</i>	
The theoretical basis for the analysis of the demographic situation in Russia	116

Sociology of Childhood

<i>E. Kolosova</i>	
Reading of Russian children and teenagers in transforming society	123
<i>S. Mitrofanova</i>	
The reference points and the constructs of “adulthood” in the views of children about their future life	131
<i>A. Gubanova</i>	
Classification of electronic content websites for children. Sociological analysis	139
<i>I. Shevchenko</i>	
Russians’ ideas about fathers and fatherhood	144
Abstracts	153
General data about the authors	164

Социология жизни

Данный раздел представляет первый опыт анализа жизненного мира в рамках гранта Российского научного фонда № 14-18-02016 «Жизненный мир россиян и эволюция форм участия в реализации государственных и общественных преобразований (1980–2010-е гг.)».

Ж.Т. Тощенко

ЖИЗНЕННЫЙ МИР – МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ*

Появление понятия «жизненный мир» означает реакцию на неудовлетворенность имеющимися теоретическими концепциями и методическим измерением социальной реальности. В поисках рационального решения новых потребностей познания было обращено внимание на возможность осмысления окружающего мира посредством принципиально нового подхода к интерпретации общественных процессов, происходящих изменений. В статье раскрываются сущность и содержание жизненного мира как социальной реальности, как ведущих (основных) практик и как объекта исследования.

Ключевые слова: философия жизни, феноменология, повседневность, социология жизни, жизненный мир.

Теоретическую основу исследования составляют концепции – философия жизни и феноменология. Основополагающие положения *философии жизни* состоят в том, что ее внимание сосредоточено на проблеме человека, попытках рассмотреть его в целостности и во всем многообразии его физических и душевных сил.

Наиболее яркими представителями философии жизни в XIX в. стали А. Бергсон и В. Дильтей, которые подвергли критике рационализм, трактуя «жизнь как поток», который

© Тощенко Ж.Т., 2015

* Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 14-18-02016.

богат многими как предвиденными, так и случайными (специфическими) формами ее проявления¹. В XX в. эти идеи развивали Г. Зиммель, М. Шелер, О. Шпенглер, которые предприняли попытку своеобразного соединения философии жизни и феноменологии². Вместе с тем интерпретация и чрезмерное преувеличение значения иррациональных аспектов философии жизни привели к тому, что их, особенно Ницше, стали обвинять в том, что своими трудами они подготовили почву (уже в реальной жизни) для оправдания нацизма, тоталитарных форм правления и даже фашизма.

Попытки преодолеть абстракции философии жизни привели основоположников *феноменологии* к обоснованию понятия «жизненный мир», которое впервые было употреблено Э. Гуссерлем в 1910-х годах, но широко начало использоваться им в 1930-х годах. Это понятие было скорее описательным, чем строго логически определенным феноменом. Но определения этого понятия Гуссерлем и его последователями дают возможность выявить ряд положений, которые позволяют учесть некоторые принципиальные соображения: это действительный окружающий мир, основа («почва и горизонт», по выражению Гуссерля) теоретической и внетеоретической (жизненной) практики. Анализ его работ и трудов его последователей (феноменологов) позволяет сделать умозаключение, что это не просто конкретный мир, но мир, имеющий общую структуру; это единство научного и обыденного, осознание жизненного опыта, учет исторически сложившихся жизненных форм существования людей³.

В то же время вряд ли можно согласиться с подходами феноменологов, которые сводят жизненный мир исключительно к духовной сфере, к представлению о нем только как о «духовном образовании», к тому, что при всем его разнообразии он понимается как один-единственный мир, имеющий одну всеобщую структуру. Вызывают сомнение и рассуждения Э. Гуссерля о проблемах познания жизненного мира как анализ возврата к «изначальному жизненному опыту», преувеличение роли предшествующих этапов в развитии человечества, а также возведение понятий и методов, норм науки к очевидностям жизненной практики человечества. Стоит также отметить (что особенно нашло отражение у А. Шюца) стремление абсолютизировать значение субъективных компонентов жизни, дать анализ возможности искажения изучаемого мира в силу погруженности социального теоретика в структуры этой жизни.

Начальные методологические предпосылки исследования жизненного мира составили концепции повседневности. В настоящее время существует множество определений повседневности; на наш взгляд, можно согласиться с определением, что «это процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий»⁴. На этой основе осуществляется осмысление единообразия восприятия ситуаций взаимодействия со всеми участниками жизненных процессов. Повседневность противопоставляется в таких формах: будни – празднику, действительность – идеалу, жизненная рутинa – мгновениям острого напряжения и озарения, общедоступные формы деятельности – ее специализированным формам. Так, в работах А. Хеллер повседневность трактуется как посредник между природой и культурой. По ее мнению, в повседневности происходит реализация насущных потребностей человека, которые при этом приобретают культурную форму и значение⁵. При этом она и А. Лефевр считают, что необходимо новое обретение мира повседневности, в котором человеческие взгляды и действия ориентировались бы не на абстрактные и анонимные институты, а обрели бы прямо ощутимый человеческий смысл⁶. При таком подходе концепция повседневности в методологическом измерении является воплощением жизненного мира, что позволяет говорить о том, что она (повседневность) в определенном смысле конструируется.

Важный вклад в познание повседневности внесли П. Бергер и Т. Лукман, предложив рассматривать повседневность как определенным образом сконструированную реальность, состоящую из множества специфических проявлений действий и взаимодействий, но имеющую четко фиксируемую определенность⁷.

Свое представление о повседневности, имеющее важное методологическое значение, дала этнометодология, в которой процесс конструирования мира повседневности представлен как процесс, состоящий из деятельности (вернее, ее интерпретации) самих участников повседневных взаимодействий⁸.

В современной социологии огромный вклад в познание и трактовку повседневности внесли П. Штомпка и З. Бауман, которые рассмотрели ее как текущую современность, полную не только смыслообразующих компонентов, но и коллизий, вносящих много неопределенностей и неожиданностей в жизненный мир человека⁹.

В отечественной социологии изучение повседневности ассоциируется с именем Н.Н. Козловой (1946–2002). В ее работах с боль-

шой обстоятельностью и основательностью анализировались жизненные практики простых советских людей во всей их сложности, противоречивости и неоднозначности¹⁰. Но первым приближением к анализу повседневного бытия людей в отечественной традиции, на наш взгляд, стал труд Л. Гордона (1930–2001) и Э. Клопова (1930–2010) «Человек после работы». По духу этот анализ всех сторон жизни людей в нерабочее время олицетворял концепцию повседневности. Вместе с тем эта работа затрагивала не только текущие проблемы окружающего мира людей, но и выходила на освещение таких аспектов их жизни, которые имели социально значимый характер и по сути приближались к социологической концепции социологии жизни¹¹.

Анализ трудов современных зарубежных и отечественных социологов позволяет сделать вывод, что в центре их внимания оказывается человековедение, анализ самоочевидностей сознания и поведения, схем типизации форм социальной практики¹². Вместе с тем повседневность как объект научного анализа принесла несколько неожиданных поворотов при ее трактовке и изучении. Что касается объектов изучения реальности, то в качестве таковых стали выдвигаться специфические и, я бы сказал, мелкотравчатые формы проявления жизни, которые не имеют никакого отношения к науке и значимой практике, например изучение любителей мороженого или сравнение левшей и правшей.

Все это позволяет сделать вывод, что изучение жизненного мира через повседневность, которая не имеет четко выраженных в научном смысле ограничений, имеет свои пределы. *Поэтому, на наш взгляд, более приемлемы и значимы концепции социологии жизни.*

Анализируя процесс вызревания идей социологии жизни, которые важны для изучения жизненного мира, стоит отметить идеи Ж.Ж. Гюйо, который впервые еще в XIX в. употребил это понятие. Однако разработка этих идей активизировалась только во второй половине XX в., когда начала обосновываться идея о роли человека как *активного социального субъекта*, под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микросреде. Ряд утверждений, которые можно считать предшественниками идей социологии жизни, можно обнаружить в произведениях А. Турена, П. Монсона, у Э. Гидденса («Социология – наука о социальной жизни человека, групп и обществ»)¹³. В отечественной социологии ряд идей, которые могут быть соотнесены с концепцией социологии жизни, были высказаны Н.И. Лапиным¹⁴. О философских основаниях социологии жизни высказался Ю.М. Резник¹⁵. В своей трактовке виталистской социологии С.И. Григорьев

использует понятия, которые роднят его с понятийным аппаратом социологии жизни¹⁶.

При изучении жизненного мира важно обратить внимание на то, имеет ли человек возможность проявить созидательные характеристики поведения и образа жизни, когда он действует как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, а также творчества участников реального исторического процесса.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что *предмет социологии жизни включает: реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей. Социология жизни* оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут¹⁷. В этой ситуации уместно напомнить, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, об этом говорит и такое образное выражение английского историка и философа Т. Карлейля (1795–1881): «Революции происходят не на баррикадах – они проходят в умах и сердцах людей».

Таким образом, теоретико-методологической базой настоящего исследования является концепция социологии жизни, а ее эмпирическим выражением – жизненный мир.

С позиций анализа *сущности и содержания понятия «жизненный мир»* следует отметить, что это предполагает: а) выявление состояния и тенденций развития и функционирования основных форм сознания (экономического, политического, нравственного, исторического и др.); б) определение устойчивых и изменяющихся форм деятельности (поведения) во всех основных сферах жизни общества – экономике, политике, социальной и духовной сферах; в) характеристику состояния и тенденций внешних условий существования и функционирования сознания и поведения россиян, главным образом социальной инфраструктуры и ее влияния на сознание и поведение людей; г) определение форм участия населения и их эволюции в процессе государственных и общественных преобразований; д) выявление спонтанных, агрессивных и деформированных форм сознания и поведения, препятствующих реализации движущих сил современного социально-исторического процесса. Таким образом, *жизненный мир – это мир Человека, мир людей, мир в человеческом измерении, мир существования и функциони-*

рования человеческого потенциала, мир возможностей человека, его восприятия и реакции на происходящие в обществе перемены, его готовности понять, принять/не принять, содействовать/быть пассивным/противостоять осуществляемым государством и обществом преобразованиям.

Примечания

- ¹ *Бергсон А.* Творческая эволюция. СПб., 1914; *Дильтей В.* Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., 2000.
- ² Цит. по: *Михайлов И.А.* Философия жизни // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 2004. С. 210–211.
- ³ Подробнее см.: *Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. М., 1991. С. 29.
- ⁴ *Ионин Л.Г.* Повседневность // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 2004. С. 200.
- ⁵ *Ионин Л.Г.* Методология социально-гуманитарного знания. История философии наук. М., 2011.
- ⁶ *Ионин Л.Г.* Повседневность.
- ⁷ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
- ⁸ *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
- ⁹ *Бауман З.* Текущая современность. М., 2008; *Штомпка П.* Социология: анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М., 2005.
- ¹⁰ *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996.
- ¹¹ *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972.
- ¹² Подробнее см.: *Романовский Н.В.* Эволюция теоретической мысли в социологии. Комментарий к проблеме // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 3–13.
- ¹³ *Гидденс Э.* Социология. М., 2005.
- ¹⁴ *Лапин Н.И. и др.* Регионы России. Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.
- ¹⁵ *Резник Ю.М.* Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.
- ¹⁶ *Григорьев С.И.* Виталистская социология. Барнаул, 2000.
- ¹⁷ *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2.

ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ НАШИМ МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ – КЕЙС ДЖЕФФРИ АЛЕКСАНДЕРА*

Как стать крупным специалистом в современной теоретической социологии? Ответ на этот вопрос особо важен для российской социологии на ее нынешней стадии развития. В статье сделана попытка дать ответ на материале биографических данных и научных успехов признанного специалиста в этой области Дж.С. Александера. Выделены две группы факторов: первая относится к формированию стратегических целей жизни и усилий по ее достижению, вторая – к формам и методам придания должной известности получаемым научным результатам среди профессионалов и общественности.

Ключевые слова: крупный специалист, теоретическая социология, Дж.С. Александер, биографические факторы, жизненные цели, результаты научных трудов.

Российская социология достаточно развита, чтобы зазвучать в мировой социологии. Это относится и к способности отечественных ученых создавать общесоциологические теории, признаваемые мировым профессиональным сообществом. Недостаёт знания методов, способов конструирования и предъявления научному миру совершаемых открытий. В этом отношении показателен пример Дж. Александера. Труды его, содержащие биографические и научные поиски и доступные в Интернете¹, делают такую задачу выполнимой.

Исходный пункт – 1960-е годы, место действия – Университет Беркли на Тихоокеанском побережье США. Александеру 20 лет (родился в 1947 г.), примерно столько же, сколько тем, к кому в первую очередь обращена данная статья: обдумывающие жизнь

© Романовский Н.В., 2015

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00352.

студенты, аспиранты. В этом возрасте людям, как правило, приходится делать выбор на всю жизнь. В случае Александра не было ни карьерных соображений, ни выбора по инерции или по подсказке. Выбор делался осознанно и на перспективу, на годы, десятилетия упорного сфокусированного труда, что свидетельствует о четкой, страстной мотивации к тому, чтобы всю жизнь двигаться по пути, контуры которого в начальной точке далеко не очевидны.

Цель, которую ставил перед собой молодой студент, была большой и благородной – преобразовать жизнь человечества. С начала 1970-х годов Александр, сохраняя верность выбору цели (изменение социального мира) и предельную концентрацию на средствах ее достижения, меняет сами эти средства. Преобразование социального мира революционным путем отошло на задний план, став поводом для со временем сошедших на нет нападков слева. Для изменения мира его нужно сначала понять – средствами социологии. Политически такой шаг означал перемещение в стан «новых левых».

Эволюцию Александра на этом отрезке жизни можно проследить по его статье о марксизме², отразившей влияние на него в Беркли М. Поланьи, Л. Лёвенталья, Г. Маркузе. В 1960-е годы эти экс-революционеры, марксисты, антифашисты завершали жизненный путь в роли левых интеллектуалов, наставников студенчества, властителей дум его левой части. Они знали, что значит разочароваться в марксистских пророчествах, в освободительных идеалах 1917 г. В начале 1970-х годов Александр позиционирует себя как левый интеллектуал, активист избирательной кампании президента США, которую выиграл кандидат правых Р. Никсон³. Но верность целям освобождения человечества остается, давая нам ключ к пониманию запредельных усилий в науке, вылившихся с конца 1970-х годов в поток публикаций, сопровождающих научную карьеру Александра.

В 1978 г. он защищает докторскую (PhD) диссертацию и еще пять лет доводит рукопись диссертации до публикации как научной монографии. «Теоретическая логика в социологии» (ТЛС) выйдет в свет в 1980–1984 гг. в четырех томах, В них Александр обобщает представления о формировании теоретических основ социологической науки. В центре – наследие Маркса, Дюркгейма, Вебера, Парсонса (1902–1979), вопросы, над которыми работала теоретическая мысль социологов XX в. Монографию не очень хвалили, но и не ругали беспощадно; в центре споров была оценка Т. Парсонса как центральной фигуры современной теоретической социологии.

Докторская диссертация Дж. Александра завершала его становление. Он стал заметной фигурой среди мэтров социологии в

США. Открывались новые горизонты. Превосходное знание трудов классиков социологии делают его сильным полемистом. Он обращается к их трудам, находя нужные мысли и стимулы, пытаясь проникать во внутренние установки (*gestalts*)⁴ авторов, в их теоретические формулировки.

На этом этапе ученый: а) вышел на ведущие позиции в ключевой проблематике социологической науки – в теории и истории социологической мысли; б) выработал оригинальные подходы к философским проблемам социального знания; в) сформировал общественно-политические взгляды и установки; г) приобрел институциональный ресурс, позволивший делать новые шаги в познании; д) не утратил мотивации на дальнейшие шаги в научной карьере, на их конвертацию в средство достижения перемен в обществе.

После выхода «ТЛС» Александр заметно интенсифицирует публикаторскую деятельность по ключевым проблемам современной социологической теории. В 1987 г. он выпустил «Двадцать лекций: социологическая теория после Второй мировой войны»⁵. «Лекции» создали Александру известность за пределами страны. Его начинают переводить, к нему обращаются с просьбами об интервью по проблемам науки и событиям в мире.

Александр-теоретик сумел подняться над некоторыми спорными на тот момент вопросами развития социологии. Первое и центральное место у Александра заняла структурно-функциональная теория Т. Парсонса, отношение к которой он позднее выразит словами: «Какими бы недостатками ни обладал проект функционалистов, альтернативы ему были намного хуже»⁶.

Критикуя просчеты Парсонса-теоретика, Александр воздаст должное его пионерской роли в выстраивании социологических теорий нового типа, открывших дорогу социологическим теориям, возникавшим на волнах критики и в развитие его взглядов. Была восстановлена справедливость оценок роли Парсонса в современной социологии: теория его отныне выглядела не прологом к грядущему кризису (тема, широко распространенная с легкой руки А. Гоулднера и – несколько ранее – Ч.Р. Миллса), но стимулом развития социологии – в мультипарадигмальном виде. Более того, Александр сумел представить теорию Парсонса как программу собственного теоретизирования, прологом движения к неофункционализму.

Неофункционализм Александра характеризуется отказом от ряда обнаруживших свою ошибочность положений Парсонса.

1. Он возвращает в пантеон теоретической социологии К. Маркса, игнорировавшегося Парсонсом. Отсюда и признание справед-

ливости критики Парсонса начиная с Р. Мертонa, говорившей о необходимости учета противоречий и конфликтов вопреки нормативным требованиям общества модерна. Конфликтное видение социума стало в социологии столь же легитимным, как и поиск упорядочивающих его начал.

2. Александр отказался от взгляда Парсонса на модерн (по лекалам США) как перспективный образец для подражания всему миру.

3. Он аргументированно опровергает не вполне корректные обвинения в адрес Парсонса в том, что он выбросил из социологии идею эволюции.

4. Он реконструирует взгляды Парсонса на актора: отводит обвинения в «методологическом антигуманизме», в то же время указав на противоречия между парсоновскими постулатами а) рационализма «современного общества» и б) волюнтаризма актора.

5. Александр корректирует взгляды Парсонса на культуру в «системе современных обществ». Он подчеркивает ошибочность приравнивания культурной общности к консенсусу в обществе, полагая, что культура играет роль, выходящую далеко за пределы одной из функций социетальной интеграции. Это прозрение стало предпосылкой к созданию его культурсоциологии.

На протяжении 1980-х годов Александр выходит на более высокий уровень своей научной траектории. На этом этапе, отслеживая новинки социальной и социологической теорий, Александр ценит тех, чьи взгляды давали важные стимулы его собственным поискам, особенно К. Гирца, Ш. Эйзенштадта, Р. Беллаха, Н. Смелзера. Александр как-то заметил: занятия социологической теорией – это почти всегда упражнения в критике⁷. В полемике с оппонентами задиристость – не его стиль. Критические замечания его остры, он жестко отстаивает свои позиции. К примеру, в полемике с Ю. Хабермасом в связи с выходом «Теории коммуникации» последнего он так формулирует свое ключевое возражение: Хабермас коммуникацию фактически приравнял к соглашению (соглашательству? – agreement)⁸. Его критика в подобных случаях по большей части благожелательна; он не замалчивает сильных сторон оппонентов, их теоретических удач, достижений; в полемике не оглядывается на имена. Его резкие, вызывающие порой протесты оценки затрагивали таких социологов, как Дж. Коулмен, Дж. Хоманс, П. Бурдьё, Э. Гидденс. Для иллюстрации приведу пассаж по поводу герменевтики Гидденса: «Это совмещение герменевтики с возможностями и с мерой знания акторов – в принципе или в позднем модерне – глубоко искажает герменевтическую традицию в социальной теории и, что важнее, подрывает спо-

способность герменевтики обеспечить социологам эмпирически обоснованные выводы»⁹.

Александр наращивает успех, связанный с благоприятно принятым социологической общественностью неофункционализмом. Его статья «Неофункционализм сегодня: реконструируя одну теоретическую традицию» (1990 г.), написанная вместе с одним из его учеников, публикуется в 1992 г. в «Социологических исследованиях»¹⁰. В 1998 г. С.И. Григорьев, готовя коллективную монографию о контурах социологии XXI в., обратился к Александру с просьбой принять участие в проекте. Он получает (и публикует) текст: «После неофункционализма...»¹¹.

Особенно стоит отметить важную черту его творчества – он мастер работы «в команде». Он с начала научной карьеры сотрудничает в изданиях совместных семинаров, конференций, проектов учеников по теоретическим проблемам социологии. Часто он соавтор коллективных трудов, осуществленных совместно с Н. Смелзером (1988), Э. Гидденсом, Дж. Тернером (1989), Дж. Ритцером (1992) и другими. Наконец, он и сам формировал «команды», реализуя свои задумки. Не менее 15 коллективных трудов увидели свет и продолжают появляться при участии или под руководством Дж. Александра либо как реализация его творческих замыслов, как правило, по самым актуальным на данный момент проблемам социологии и общества. Среди них заметна хрестоматия по теоретической социологии. Она включает две серии по четыре тома каждая. Одна посвящена европейской «классической традиции»¹² в теоретической мысли, вторая – американской традиции в теоретической социологии¹³. Надо отметить, что работать в команде над осуществлением важных проектов Александру помогала современная инфраструктура западной социальной, гуманитарной науки, пока отсутствующая у нас в стране, – центры по разработке актуальных направлений наук об обществе и человеке. И, конечно, участие в них открывало путь в большую науку многим его ученикам.

Александр постоянно обращается к творческому наследию классиков; у них находит мысли, служащие исходными точками собственных поисков и открытий. В одной из таких публикаций¹⁴ он дает обновленную интерпретацию идей Э. Дюркгейма, обнаруженных в его поздних трудах: «Духовная программа последних трудов Дюркгейма так никогда и не получила признания»¹⁵. Эта находка оказалась поворотной. Александр начинает движение за пределы неофункционализма; отныне речь для него идет не просто о развитии идей предшественников, а о собственном слове в теоретических разделах социологического знания.

Открытие Александера относится к роли и месту культуры в социальном мире и в социологической теории. В нашей литературе есть три варианта перевода александровского термина «cultural sociology»: культурная социология¹⁶, культуральная социология¹⁷ и культурсоциология¹⁸. Основные контуры этой концепции сложились у Александера, видимо, в процессе переработки идей Парсонса в их связи с Вебером и особенно с Дюркгеймом. Сжато суть «культурсоциологии» (и ядра неофункционализма как развития теории структурного функционализма Парсонса–Мертонса) выражена в формуле «Культура становится структурой столь же объективной, что и любой более материальный социальный факт»¹⁹, и в этом смысле она – «независимая переменная» всякого социологического исследования и теоретизирования наравне с экономикой, политикой, социетальной сферой, нормами морали и права.

В итоге неофункционализм Александера обрел завершённый вид, сделав автора создателем одной из современных социальных теорий. Благодаря трудам Александера в словарь социологов вошли термины *символы, смыслы, иконки, иконность, коды* и др.

Здесь пора вернуться к биографическому аспекту статьи. Джеффри С. Александер как гражданин не отделяет науку от общественно-политических проблем. Он отслеживает теоретические подвижки «слева», в современном марксизме, в критической социологии наследников Франкфуртской школы, анализирует текущие политические события и процессы в США, президентские кампании, поведение страны на международной арене. Александер делает показательное в личностном и методологическом планах признание: «Я пытался держаться курса посередине между соображениями долго- и краткосрочными, между убеждениями и практичностью, между отстаиванием и объяснением». Во многих трудах он напоминает социологам о глубоком социальном смысле их теоретических поисков²⁰. Для современной российской науки, когда «безответственность» начинает выходить за рамки массовых СМИ и управляемой политикой сферы, эти мысли важны. Примечательны выступления Александера по поводу возможных идеологически опасных последствий массовой компьютеризации²¹.

Предъявляя и к себе требование «ответственности», Александер «конвертирует» теоретические наработки в общественно значимые (публичные в терминологии М. Буравого) идеи, проделав путь от социалистической революции к идеалу гражданского общества в контексте обсуждения проблем развития современной социологической теории и в тесной связи с ним (развитием). Этот переход пришелся на время, когда история убирала с мировой арены аль-

тернативу «общества модерна» – общество «реального социализма». В 1990 г., совместно с П. Штомпкой переосмысливая прогресс как идею и практику XX в.²², ученый выдвигает гражданское общество на первый план. В 1991 г., после событий «последних 18 месяцев»²³ (добавлю – и последних месяцев существования КПСС и СССР), Александр ставит гражданское общество в центр научной и партийной программы. Логично полагать: гражданское общество для Александра заняло место революции и социализма. Позднее Александр заговорит о «глобальном гражданском обществе», ведущем к большей демократии и равенству (эгалитаризму), достигаемым в ходе борьбы. В отличие от постмодернистов, которые в конце 1980-х заговорили о конце истории, для Александра история начиналась.

Запомнилось личное впечатление от выступления Александра перед российскими социологами на общенациональном конгрессе 2009 г. с докладом о гражданском обществе. Старый школьный зал в Б. Гнездиновском переулке был переполнен. Выступление американского гостя переводил ныне покойный профессор В.П. Култыгин, кажется, с письменного текста (потом опубликованного в журнале «Социологические исследования»)²⁴. Александр, выглядевший усталым, пытался реагировать на аудиторию интонациями; звучали даже проповеднические нотки. Он как бы внушал аудитории: «Знаю, трудно идут дела с гражданским обществом в России; но не отчаивайтесь; нам тоже пришлось пройти через эту полосу. Мы были в таком же положении в США в свое время, лично я. Не оставляйте стараний, боритесь, и ситуация начнет разворачиваться в лучшую сторону. Иного не дано». Во всяком случае, тогда представлялось, что для ученого эта тема – глубоко личный мотив в его научной работе.

Еще одна встреча (через Интернет) с Александром была в 2002 г. Журнал МСА опубликовал его статью «Прочные (robust) утопии и гражданский ремонт». Статья явно показывала не просто поиски, но и движение к социологии завтрашнего дня. Кратко ее содержание таково: «Марксизм как утопия будущего умер; но общественно-политическая мысль, наука без утопий не могут развиваться. Такой утопией я считаю постоянно ремонтируемое гражданское общество – ремонтируемое самими гражданами». Дж. Александр в ответе на нашу просьбу о согласии на перевод и публикацию (авторские права!) статьи, присовокупил строчки: «Хотел бы, чтобы моя статья была понята так: утопии – в качестве теории – могут сохраняться и жить, чтобы избежать тотализирующих утопичных схем, которые едва не погубили ВСЕХ нас»²⁵. Главный редактор

журнала тогда решил открыть этой статьёй очередной номер, отдав должное сформулированным в ней мыслям.

Глобальное гражданское общество как свое политическое кредо Александер связывает с разработкой проблематики культурсоциологии. Последняя придала неофункционализму подлинно глобальный характер. Включение в анализ в качестве независимой переменной культуры позволяет учитывать специфику любой страны, каждого народа. В этом смысле на последнем всемирном конгрессе МСА речь шла о *восточно-азиачивании* (East Asianizing) Александера²⁶; с таким же основанием можно говорить об *александеризации* социологии стран этого региона; оптика Александера начинает применяться ко многим странам мира, где ведут исследования социологи.

Александер, наращивая потенциал своей теоретической конструкции, делает ряд важных дополнений к ней. Он на эмпирическом материале демонстрирует роль смыслов (meaning) в культурсоциологии: осмысливание человеком событий, фактов или артефактов несет на себе неистребимый отпечаток культуры. Культурсоциологию Александер применяет к экономической жизни, к рынкам, хозяйственным процессам, отношению к которым раскалывает современное западное общество. Он показывает на ряде кейсов роли и историческое значение культурной травмы. Подобный подход мог бы разъяснить многое из истории СССР и процессов на постсоветском пространстве. Выходя на новый уровень в критике «волюнтаризма» парсоновского «актора», Александер вносит еще один важный вклад в делящийся десятилетия дискурс «индивид/общество» (при множестве вариаций). Здесь уместно сравнение с теорией креативности Г. Йоаса. Йоас к действию «актора» Парсонса и Вебера добавляет новый его элемент – креативное (творческое) действие. Александер целиком замещает понятие действия понятием «перформанс» (прилагательное – перформативный). У него актер/агент не просто действует; он реализует исполнение своей социальной роли, своих планов, предназначения, социального сценария²⁷.

Еще раз подчеркну, что Александера (в отличие, например, от Гидденса) трудно заподозрить в пренебрежении ключевой ролью эмпирического материала в социологическом теоретизировании. Его «кейсы» тщательно подкреплены материалом, в частности в жанре исторической социологии, теоретические конструкты прочно аргументированы.

В последние годы историзм у Александера находит кульминацию в стремлении проникнуть в суть современной (modern) эпохи.

Отклики на исторические события XXI в. демонстрируют его статус одного из ведущих социальных теоретиков современного мира. О том, к каким глубоким оценкам он пришел, можно судить по вышедшей в 2013 г. книге «Мрачная сторона современности (modernity)»²⁸. Автор как бы предупреждает: современность – двуликый Янус, время опасное, не допускающее поверхностного к себе подхода. С этой стороной поисков Александра можно ознакомиться в его книге «Смыслы социальной жизни: культурсоциология» (глава «Модерн, анти-, пост- и нео: как интеллектуалы объясняют “наше время”»)²⁹. Александр не просто участвует в спорах о модерне, модерности, «диалектике Просвещения» и т. п., а пытается делать шаги к постижению содержания современной эпохи.

В современной исторической ситуации Александр занимает позицию ответственного оптимиста, особенно если вспомнить фразу советских времен: «пессимист – это хорошо информированный оптимист». Его оптимизм – скорее результат понимания силы науки, нежели анализа совокупности реально происходящих событий. И все же он, на мой взгляд, склоняется к позиции М. Вебера, полагаясь на человеческий разум, на рациональность. Такая позиция в среде социологов не редкость. Современная эпоха дает человеку выбор между прогрессом и апокалипсисом; во всяком случае, утверждает он, «социология стремится к рациональности, универсализму и теоретическому обобщению»³⁰. Другое дело, каковы результаты проверки этой рациональности общественной практикой.

Собственно, можно уже подвести итоги изложения исторических и биографических обстоятельств формирования крупного ученого, которые могут стать примером для подражания («Потомству в пример», как начертано на одном памятнике в Севастополе). Но нельзя обойтись и без критики. Не нахожу ответа на вопрос: почему в суждениях Александра нет П. Сорокина, а) ставившего культуру во главу угла анализа социальной динамики и самого социума, б) сыгравшего определенную роль в формировании среди социологов той атмосферы 1960-х годов, в которой начинал свой путь Александр³¹? Результат ли здесь влияния *мейнстрима* в социологии США, маргинализирующего этого социолога, или за этим стоят некие резоны? Более существенной представляется еще одна сторона трудов ученого. «Гражданское общество» и «демократия» в качестве концептов-идеалов весьма специфичны. Они, говоря словами самого Александра, «richly evocative» – вызывают множество воспоминаний (и вкладываемых в них смыслов).

Итак, жизненный путь и творчество Дж. Александра могут быть сведены к стратегическому выбору жизненных целей и инструментальным средствам их достижения. Начну с первых: 1) гражданско-освободительная мотивация неустанных научных поисков способна генерировать энергию, необходимую для научного подвижничества; 2) важны надежный фундамент работы в профессии и постижение сущностных основ избранного круга научных проблем; 3) итог – завоевание позиции властителя дум мыслящей части человечества, роль диагноста времени, эпохи (Зиммель, Хабермас).

Средствами достижения целей видятся: 1) создание оригинальной теоретической конструкции; 2) исполнение роли крупного социолога в серии исследовательских проектов с коллегами и учениками, демонстрация потенциала теории в анализе общественной практики современности; 3) критическое отслеживание процессов и явлений в профессиональной сфере; 4) устойчивость к жесткой критике, разумно бойцовские качества в отстаивании своей позиции и раскрытии ошибок оппонентов. Инструментальная сторона вопроса укладывается в александровское понимание перформанса как мастерства того, кто исполняет социальную роль ученого-социолога.

Примечания

- ¹ Jeffrey C. Alexander [Электронный ресурс] // Yale University. URL: <http://ccs.research.yale.edu/alexander/articles/> (дата обращения: 22.10.2014).
- ² *Александр Дж.* Марксизм и дух социализма: культурные истоки антикапитализма // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 3–16.
- ³ *Alexander J.* The sixtieth and me: From Cultural Revolution to Cultural Theory // The Disobedient Generation. Theorists in the Sixtieth / Ed. by A. Sica, S. Turner. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 47.
- ⁴ *Alexander J.* Rethinking Durkheim's Intellectual Development, Part II: Working Out a Religious Sociology // International Sociology. 1986. Vol. 1. № 2. P. 198.
- ⁵ *Alexander J.* Twenty lectures: Sociological Theory since World War II. N. Y.: Columbia University Press, 1987.
- ⁶ *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г. Ольховикова; Под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. С. 69.
- ⁷ *Alexander J.* Sociological Theory and the Claim to Reason: Why the End Is Not in Sight // Sociological Theory. 1991. Vol. 10 (2). P. 152.

- ⁸ *Alexander J.* Habermas' New Critical Theory: Its Promise and Problems // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. P. 414.
- ⁹ *Александр Дж., Рид А.* Социальная наука как чтение и перформанс: культурно-социологическое понимание эпистемологии // *Социологические исследования*. 2011. № 8. С. 15.
- ¹⁰ *Александр Дж., Коломи П.* Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // *Социологические исследования*. 1992. № 10. С. 112–120.
- ¹¹ *Александр Дж.* После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // *Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований* / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера М.: РУСАКИ, 1999. С. 186–205.
- ¹² *The classical tradition in sociology: The European tradition* / Ed. by R. Boudon, M. Cherkaoui, J. Alexander. Vols. 1–4. L.: Sag, 1997.
- ¹³ *The classical tradition in sociology: The American tradition* / Ed by J. Alexander et al. Vols. 1–4. L.: Sage, 1997.
- ¹⁴ *Alexander J.* Rethinking Durkheim's Intellectual Development, Part I: On 'Marxism' and the Anxiety of Being Understood // *International Sociology*. 1986. Vol. 1. № 1. P. 91–107; *Idem.* Rethinking Durkheim's Intellectual Development, Part II. P. 189–201.
- ¹⁵ *Alexander J.* Rethinking Durkheim's Intellectual Development, Part II. P. 189.
- ¹⁶ *Култыгин В.П.* Методологическая инноватика Дж. Александра // *История социологии: Учеб.* / Отв. ред. Г.В. Осипов, В.П. Култыгин. М.: НОРМА, 2009. С. 1036–1044.
- ¹⁷ *Кравченко С.А.* Культуральная социология // *Кравченко С.А. Социология: Учеб.* Т. 2. М.: Юрайт, 2014. С. 561–570.
- ¹⁸ Из уважения к труду по изданию такого перевода и к его качеству я пользуюсь термином *культурсоциология*.
- ¹⁹ *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. С. 89.
- ²⁰ *Alexander J.* Must We Choose Between Criticism and Faith? Reflections on the Later Work of Benjamin Barber // *Sociological Theory*. 1990. Vol. 9 (1). P. 127–128.
- ²¹ *Alexander J.* Sacred and Profane Information Machine: discourse about computer as ideology // *Archives des sciences sociales et religions*. 1990. 35-e année. № 69. P. 161–171.
- ²² *Alexander J.* Between Progress and Apocalypse: Social Theory and the Dream of Reason in the Twentieth Century // *Rethinking Progress* / Ed. by J. Alexander, P. Sztopka. Boston: Unwin Hyman, 1990. P. 15–39.
- ²³ *Alexander J.* Bringing Democracy Back In: Universalistic Solidarity and the Civil Sphere // *Intellectuals and Politics: Social Theory in a Changing World* / Ed. by C. Lemert. Newbury Park, CA: Sage, 1991. P. 155.
- ²⁴ *Александр Дж.* Власть, политика и гражданская сфера // *Социологические исследования*. 2009. № 10. С. 3–17.

- ²⁵ *Александр Дж.* Прочные утопии и гражданский ремонт // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 3–11.
- ²⁶ См.: XVIII ISA World Congress of Sociology “Facing an unequal world: challenges for Global Sociology”, Yokohama, Japan, 13–19 July 2014 [Электронный ресурс] // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2014/rc/rc.php?n=RC16> (дата обращения: 22.10.2014).
- ²⁷ *Alexander J.* Performance and Power. N. Y.: Polity Press, 2011.
- ²⁸ *Alexander J.* The Dark Side of Modernity. N. Y.: Polity Press, 2013.
- ²⁹ *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культурсоциология. С. 505–600.
- ³⁰ *Alexander J.* Local cosmopolitanism // Global Dialogue. 2012. Vol. 2. № 3. P. 7–9.
- ³¹ *Tityakian E.A.* Introduction to the transaction edition. Updating Sorokin // Sociological theory, values, and sociological change. Essays in honor of Pitirim A. Sorokin. New Brunswick; L., 2013. P. XIV–XVIII.

«СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО» КАК ФОРМА АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ К ПРОЦЕССАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

В статье рассмотрены формы адаптации населения к процессам глобализации. Делается предположение, что реакцией на глобализационные процессы стал рост числа межличностных неформальных связей – «сетевое общество». «Сетевое общество» выполняет латентную функцию – служит формой адаптации населения к глобализации.

Ключевые слова: глобализация, унификация, сетевое общество, латентная функция, адаптация, метис.

В начале 1990-х годов Россия активно «входила в европейский дом» и «приобщалась к общечеловеческим ценностям», т. е. включалась в глобализационный процесс. Великие империи древности являлись первыми попытками создания глобального мирового порядка с однородным экономическим, политическим и культурным пространством. Интенсивность глобализация приобретает в наши дни. Одним из составных элементов процесса глобализации является унификация. Унификация понимается нами как социальная технология по нивелированию качественных отличий объекта унификации и созданию внутренне однородных (гомогенных) товаров, услуг, отношений на основе абстрактных количественных характеристик. Абстрактность этих характеристик позволяет применить их к любым объектам унификации, вне зависимости от их свойств, истории, локального расположения и т. д., т. е. позволяет привести все разнообразие человеческих и природных феноменов к общему знаменателю, а количественный подход дифференцирует уже объединенные абстрактными правилами объекты по принципу «больше–меньше», отождествляемому

с «лучше–хуже». Примерами этой унификации служат звездность гостиниц, уровень экономики, демократичность политической системы, качество жизни, уровень экологии и т. д.

В современном глобальном мире можно выделить две группы стран. Первая группа создает основные модели и технологии, вторая группа перенимает их. Примеры первых – это США, Великобритания, примеры вторых – это Турция начала XX в., Южная Корея, Индия, Россия. По отношению ко второй группе стран, вставших на путь глобализации, раньше использовались термины «вестернизация» или «догоняющая модернизация». Причем если для первой группы выработанные социальные модели и технологии являются следствием их исторического опыта, традиций, менталитета и поэтому органичны для них, то для второй группы стран эти социальные инновации являются чужеродными абстрактными схемами. Внедряясь в другую социальную систему, они разрушают социальные связи на макро- и мезоуровнях общественной жизни. Разрушение социальных связей происходит вследствие непонимания реформаторами общества как сложной социальной системы. Части этой системы хотя и взаимосвязаны, но разнородны и обладают различными социальными нормами и ценностными ориентациями. Руководствуясь при проведении реформ простыми схемами, реформаторы разрушают сложный общественный организм. Общество создает свои защитные механизмы, которые ограничивают, смягчают или нивелируют реформы. Обратимся к примерам.

К. Маркс, описывая развитие капитализма в Индии, утверждал, что его внедрение в традиционное общество по сути уничтожило это общество¹. Капитализм разрушил индийскую общину, разорвал вековые традиции и ценности, заставил миллионы людей сменить традиционную сферу занятости, разрушил семьи. К. Поланьи в «Великой трансформации»², изучая возникновение капитализма в Англии, описал похожую ситуацию. Но в отличие от колониальной Индии британцы в ответ на возникновение, развитие и распространение рыночной экономики на все сферы жизни создали защитные механизмы в виде роста общественных движений, направленных на сдерживание рыночной экономики (чартистское движение, фабианское общество, коммунизм). В России этого не произошло. М. Буравой, анализируя процессы становления капиталистической экономики в нашей стране, констатирует не всплеск общественной активности и в конечном итоге становление гражданского общества, а самозащиту и уход в себя³. Инструментом самозащиты оказались неформальные связи – российский аналог гражданского общества. «Вместо гражданского общества появи-

лось *сетевое общество* – тонкие нити взаимосвязанных натуральных домохозяйств без институциональных узлов, характерных для развитого капитализма»⁴.

Сетевое общество возникло на пересечении экономической и социальной подсистем. В России образовалась огромная серая зона скрытых социально-экономических взаимодействий, принимающих форму неформальных межличностных отношений. Они слабо отражены в данных официальной статистики и социологических опросов. Их можно обнаружить только по косвенным данным, но именно они играют огромную роль в жизненном мире россиян, их повседневности. Это работа без оформления трудового договора, «премии в конвертах», «блат», коррупция.

Такие процессы не способствуют формированию современного общества, а образуют квазифеодальный социум. Российское общество формально соответствует основным унификационным маркерам (рыночная экономика, частная собственность, выборность, разделение властей), но реально состоит из неформальных групп с различным социальным капиталом, которые и определяют практически всю экономическую, политическую и общественную жизнь нашей страны.

Неформальные социальные связи выполняют латентную функцию, они способствуют адаптации населения к глобализационным процессам, происходящим в России. Коррупция является своеобразным механизмом защиты общества от разрушающих последствий глобализации.

Абстрактные схемы, используемые бюрократами для разнообразных реформ, неизбежно терпят крах в силу сложности и многообразия самого общества, которое не вмещается в эти абстракции⁵. Люди видоизменяют эти абстрактные схемы под свои потребности. Аналогичным образом Россия адаптировалась к рыночной экономике. Людям выгоднее обходить закон, чем следовать ему. В исследовании, проведенном в октябре 2012 г. социологическим факультетом РГГУ⁶, только 20,2 % признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа была официально оформлена трудовым соглашением с работодателем или уполномоченными органами⁷.

О. Голодец отметила, что «наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам», в различных секторах экономики сегодня заняты 86 млн чел., но лишь 48 из них задействованы «понятно где». Остальные 38 млн чел. трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества⁸. Доходы этих 38 млн, а это практически половина трудоспособного

населения России, не отражаются в официальных статистических данных, и мы имеем искаженную картину материального обеспечения россиян.

Аналогичная ситуация складывается и с другими сферами общества. Мы можем наблюдать своеобразный консенсус между обществом и властью, складывающийся из формального согласия граждан с реформами и законом, и согласие власти на практически неизбежное нарушение этих законов. В результате реформы половинчатые, государство опутано коррупционной сетью неформальных взаимоотношений, экономика зависит от продажи энергоресурсов, но в то же время благосостояние людей растет.

Иначе говоря, конкурентная рыночная стихия вступила в противоречие с социальной межличностной солидарностью, а экономика с обществом. В результате этого столкновения образовалось две реальности. Одна, имеющая все атрибуты успешной рыночной экономики, и вторая, расцветающая внутри первой. Эти реальности базируются на альтернативных ценностных иерархиях, что соответствует различным подсистемам общества (экономической и социетальной), поэтому нельзя судить о том, какая из них хуже или лучше. Конкуренция повышает производительность и эффективность, но влечет за собой вражду, агрессию и в конечном итоге деструктивна, если распространяется на все общество. Товарищество, эмпатия, помощь и взаимовыручка – не самые плохие качества, если они относятся к социетальной подсистеме, но они превращаются в коррупцию, «кумовство» и клановость, проникая в экономику и управление. Сетевое общество, распространяясь в экономической подсистеме, ограничивает действие рынка, так как обеспечивает выход из конкурентной среды отдельных акторов.

Почему так произошло? Ответ нам видится в особенностях социального устройства советского государства. Союз был сверхсоциальным государством. В конечном итоге государство превратилось в единственный источник помощи и поддержки советских граждан. Государство и общество в советский период отождествились. Поэтому после краха советского государства большинство его социальных функций оказались не обеспечены материальными ресурсами. Граждане вынуждены были искать альтернативные способы адаптации. В итоге большинство населения Российской Федерации нашли его в семье и в друзьях – социальных институтах. Например, в нашем исследовании был вопрос: «Если Вы оказались в затруднительном (сложном) положении, к кому обратитесь в первую очередь за помощью?»⁹ Ответы показали, что именно семья и близкие оказались основной опорой в жизни большинства людей. Другими источниками

социальной адаптации стали социальные образования, относительно независимые от государства в силу специфики своей деятельности. Все эти социальные образования (семья, друзья и частично организации, этнические сообщества) держались на неформальных отношениях, ставших в конечном итоге базой теневого сектора экономики, а нередко и криминала, коррупции.

Формальные показатели не могут уловить эти формы, они не представлены в данных, но являются существенным компонентом «жизненного мира» россиян. Эти формы вербализуются в слова «договориться», «решить проблему», «свой человек», а при описании формальной стороны жизненного мира используются слова «типа» и «как бы». Создание и распространение этих слов среди населения России свидетельствует о серьезном разладе в жизненном мире россиян. Распространяется «культура цинизма», недоверие к власти и государству. В то же время население активно приобретает навыки «метиса». Впервые это понятие в научный оборот ввел американский социолог Дж. Скотт, анализируя практики адаптации населения к модернизационным проектам, проводимым государством. «Метис» – это местное, контекстуальное знание, практические навыки¹⁰, позволяющие населению минимизировать и смягчить последствия проводимых реформ. В социологии существует похожий термин «глокализм», понимаемый как встраивание локальных практик в глобальные процессы¹¹. Они похожи, но между ними есть принципиальное различие. Локальные практики видоизменяются под влиянием процессов глобализации, но существовали изначально. «Метис» возникает вследствие сопротивления общества абстрактным унификационным схемам. «Метис» не традиция, «метис» – новация, свидетельствующая об активности человека. Дж. Скотт, описывая «метис», использует выражение Ч. Линдблома «наука выкарабкивания»¹², что на наш взгляд адекватно передает сущность «метиса».

Примечания

- ¹ *Маркс К.* Британское владычество в Индии // Маркс К. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 303–310.
- ² *Полањи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени: Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
- ³ *Буравой М.* Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 3.

- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчанинова. 2-е изд. М.: Университетская книга, 2010. 576 с.
- ⁶ Опрос проводился 5–10 октября 2012 г., опрошен 1201 человек в возрасте 18 лет и старше в 12 субъектах РФ (в Красноярском, Ставропольском, Хабаровском краях, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской областях, Москве и Санкт-Петербурге), по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности.
- ⁷ Данные исследования «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–2010-е гг.)».
- ⁸ *Голодец О.* 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. 2013. 3 апр.
- ⁹ Данные исследования «Жизненный мир россиян...».
- ¹⁰ *Скотт Дж.* Указ. соч. С. 498–507.
- ¹¹ *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5 / Пер. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2011. С. 429.
- ¹² Цит. по: *Скотт Дж.* Указ. соч. С. 517.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР КАК ОСНОВА ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА*

Отношение к труду имеет исключительно важный социальный смысл, позволяет определить то место, которое труд занимает в системе ценностей жизненного мира человека. Человек трудится не только ради приумножения материального благосостояния, но и ради духовного удовлетворения. В последние годы ценность труда не фигурирует в числе основных ценностей россиян. Одним из эффективных решений на пути повышения ценности труда для сотрудника является подход соучастия в управлении. Благодаря этому становится возможным формирование принципиально новой картины социально-трудовых отношений в стране.

Ключевые слова: ценности, жизненный мир, соучастие в управлении, социальное управление.

Философское значение термина «жизненный мир» связано с поляризацией двух представлений о мире. Первое из них предполагает различие между человеческим миром, сформированным культурой и наукой, и миром органической и неорганической природы. Второе основано на различии дорефлексивного мира интересубъективного существования и мира предметной среды, сформированного наукой и техникой¹.

Вслед за Ю. Хабермасом мы будем понимать жизненный мир как сферу, в которой существуют наши социальные отношения: работа, семья, друзья и др.² Главную особенность развития человечества на рубеже XX–XXI вв. Хабермас усматривает в том, что определенное облегчение эксплуатации в экономической сфере сопровождается деформацией (под воздействием, в частности, средств массовой информации и массовой культуры) структур жизненного

мира (жизни семьи, быта, отдыха, досуга, труда, мира мыслей и чувств индивида), которые превращаются в «чуждые» ему формы и координации действия. Отношение человека к труду, его восприятие себя и своего положения в современных организациях представляется значимым для изучения.

В России в последние годы произошли коренные изменения практически во всех областях жизни общества, в том числе в сфере экономических отношений. Изменилось и отношение к труду. Можно выделить три основных периода, на протяжении которых происходили значительные изменения в трудовом поведении и мотивации россиян.

Первый период – 90-е годы XX в. В это время страна переживала смену социально-экономического строя. Широкое распространение получили такие формы адаптации к кризисной ситуации на рынке труда, как неполный рабочий день, вынужденные административные отпуска, подработки, задержки заработной платы и выплаты ее натуральными продуктами, теневая оплата труда. Главное, что ценилось в работе, – это ее гарантированность (т. е. низкий уровень опасений, что рабочее место может быть сокращено), размер заработной платы и регулярность ее выплаты. Люди были согласны работать за низкую оплату, лишь бы не потерять рабочее место, поскольку найти другое было нелегко. Многие готовы были работать ради успеха предприятия больше, чем положено, поскольку надеялись, что в этом случае они смогут сохранить работу, получить заработную плату и обеспечить финансовую стабильность³. В этот период ориентация на духовно-нравственные ценности не обеспечивала даже минимальный декларируемый обществом достаток, резко снизилось значение одной из самых важнейших в 1960–1980-е годы ценностей – работы – в формулировке «интересная работа». Она опустилась на 12-е место против второго-третьего, которое занимала в начале 80-х годов⁴.

Второй период – с 2000 по 2009 г. Этот период связан с начавшимся в 2000 г. экономическим ростом, что вызвало ряд позитивных перемен и изменило к лучшему ситуацию на рынке труда. К этому времени массовое высвобождение рабочей силы закончено, начавшийся рост экономики увеличил спрос на труд до нормального уровня занятости и сокращения безработицы до 5–7 %. Заработная плата росла ежегодно в среднем на 10–20 %. Изменилась отраслевая и профессиональная структура рабочей силы. Высвобождение рабочей силы с промышленных предприятий привело к повышению занятости в сфере услуг, где в настоящее время работает до 60 % всех занятых. Такая структурная перестройка рынка труда

привела к необходимости для значительной части работников изменить свою профессию, овладеть новыми знаниями и навыками⁵.

Отношение россиян к труду изменилось. Работа продолжала оставаться важным элементом жизни, но если раньше она рассматривалась как цель и способ достижения различных благ – материальных, социального статуса, общественного уважения, самореализации, то теперь работа воспринималась большинством как средство достижения материального благополучия. Ценность «интересной работы» в иерархии жизненных целей упала с 41 до 29 %⁶. Зато россияне демонстрируют высокую степень «включенности» в работу – это очень важная сфера жизни для 61 %, а среди работающих – для 67 %. Это говорит о значимой роли профессиональной идентичности в жизни россиян. В 1990-е годы работа имела высокую значимость для 46 %⁷.

Третий период – с 2009 г. по н.в. Сегодня ценность труда не входит в первую пятерку приоритетов россиян. Для жителей Москвы ценность труда находится на 11-м месте, в первую пятерку попали такие ценности, как семья, справедливость, достоинство, права человека, совесть⁸. Труд воспринимается как источник средств существования, другие его стороны (содержание, общественная значимость, возможность продвижения и достижения успеха) играют меньшую роль в трудовой мотивации. 51 % работающих россиян считают, что получаемое ими денежное вознаграждение соответствует объему и сложности работы, которую они выполняют. Чувство несправедливости, несоответствия труда и вознаграждения испытывают 43 % – оно тем острее, чем ниже заработная плата⁹.

Необходимо принятие ряда мер для поднятия ценности труда в жизненном мире современного работника. Человек трудится не только ради материального благосостояния, но и ради духовного удовлетворения. В эпоху постиндустриализма труд должен быть не просто ориентирован на заработок, а призван совершенствовать потенциал работника, удовлетворять его потребность в самовыражении, творчестве, помогать достижению внутренней гармонии. Трудолюбие в совокупности с целеустремленностью, интеллектуальными и творческими способностями, социальной мобильностью, коммуникабельностью, честностью способны сформировать успешную, конкурентоспособную личность постиндустриальной культуры.

Одно из эффективных решений на пути повышения ценности труда для сотрудника – его соучастие в управлении. То есть необходимо перенести усилия с «грубой покупки» рабочей силы, которая осуществлялась через материальное стимулирование, к более «тонким» духовным и социально-психологическим инструмен-

там – заинтересованности человека в принятии решений, определяющих не только личную судьбу, но и будущее организации. Соучастие складывается из следующих компонентов: 1) регулярное полное информирование работников; 2) обсуждение информации; 3) учет и поощрение передовых идей; 4) привлечение общественных организаций к решению проблем производства; 5) согласование интересов, обеспечение сотрудничества; 6) делегирование полномочий; 7) фиксация полномочий работников на всех уровнях управления¹⁰.

Сегодня 64 % работающих россиян знают, как улучшить рабочий процесс в своей организации. 19 % из них делятся своими мыслями исключительно с коллегами, 12 % – с начальством, а 25 % – и с теми и с другими; 8 % работающих своими идеями ни с кем не делятся: «это мое личное мнение», «в этом нет смысла». При этом 32 % тех, у кого возникали такие идеи, утверждают, что их предложения были реализованы¹¹.

Чтобы понять эффективность управленческих решений в трудовой организации, необходимо учитывать личный вклад руководителя в управление. Большинство подписываемых руководителем приказов не связаны с его индивидуальными решениями, их содержание не отражает его личность. К процессу подготовки решения необходимо привлекать больше средних и низовых работников, что позволит повысить результативность решений. Организация тем эффективнее, чем ниже в ней уровень формирования решений. Надежность и осуществимость управленческих решений тем выше, чем больше вовлечены в процесс их выработки те, кому предстоит их выполнять¹².

На современном этапе процесс принятия и реализации управленческих решений должен задействовать *диалогический потенциал* – значимый ресурс развития современного общества, организаций, а также критерий оценки цивилизационной зрелости социума. А.И. Пригожин отмечает, что совершенно недостаточно понимать диалог лишь как средство взаимодействия по «горизонтали», т. е. между равными, взаимонезависимыми партнерами. Высокий уровень диалогического потенциала может проявляться или, напротив, отсутствовать также во взаимодействии по «вертикали», хотя и в специфических, дозированных вариантах – в отношениях руководства с подчиненными. Важной задачей является научиться управлять диалогом с целью повышения эффективности от принимаемых управленческих решений.

Ярким примером диалогического решения может выступать сделка¹³. Особенность организации переговорного процесса в такой

форме состоит в стремлении в ходе принятия управленческого решения не только понять другого, но и соблюсти его интересы. Для руководителей предприятий, их подразделений переговорность представляет значимый социальный капитал, ресурс жизнеспособности. Основной механизм осуществления сделки – переговорный процесс. Он дает возможность участникам понять интересы и цели партнера, его возможности. Переговорные отношения развивают и обогащают не только самих участников, но и социальную среду посредством формирования определенной культуры соглашений и через выработку конкретных решений. В результате переговоров возникает феномен коммуникативной рациональности¹⁴, которая строится на взаимопонимании и направлена на него. Коммуникативная рациональность в свою очередь сопряжена с жизненным миром работника – символическим миром смыслов.

Отметим, что проблемы отношения к труду, а также организации труда и управления во многом отражают проблемы общества в целом. Глубокие изменения в сфере труда и занятости привели к возникновению принципиально новой картины социально-трудовых отношений в стране. Все эти процессы нашли отражение и в жизненном мире россиян. Так, ценность труда и отношение к труду претерпели ряд качественных изменений. Сегодня необходимо формировать новое отношение к ценности труда, что должно найти соответствующее отражение в жизненном мире сотрудника. Труд в организации прежде всего должен быть средством самореализации и проявления творческого потенциала работника. Способствовать данному процессу – одна из важнейших задач управления. Поэтому вопросы современного управления организациями должны во многом опираться на использование диалогического потенциала, а диалог должен стать основой технологий поиска и принятия управленческих решений.

Примечания

¹ *Касавин И.Т.* Мир науки и жизненный мир человека. М., 2002.

² *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма [Электронный ресурс] // Портал «Изда-Читальня». URL: <http://uchebnikfree.com/page/sotciolog/ist/ist-5--idz-ax253--nf-11.html> (дата обращения: 21.11.2014).

³ *Хахулина Л.* Труд в системе жизненных ориентаций россиян // Демоскоп Weekly. 2007. № 291–292. 4–17 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/tema01.php> (дата обращения: 21.11.2014).

- ⁴ Опрос проведен лабораторией социальной психологии НИИ комплексных социальных исследований С.-Петербургского университета. 1990 г., охватил 1000 человек. С.-Петербург.
- ⁵ *Хахулина Л.* Указ. соч.
- ⁶ *Миланченко А.О.* Ценность труда в современном российском обществе // Молодой ученый. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moluch.ru/archive/39/4593/> (дата обращения: 21.11.2014).
- ⁷ Двадцать лет реформ глазами россиян: Аналитический доклад [Электронный ресурс] // Новороссийская Торгово-промышленная палата. URL: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20_years_reform_vlfbsonfhkxvop.pdf (дата обращения: 21.11.2014).
- ⁸ Чем мы дорожим? [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://fom.ru/TSennosti/10994> (дата обращения: 21.11.2014).
- ⁹ *Васильева Е.* Работающие россияне о справедливом вознаграждении за труд [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://fom.ru/blogs/11228> (дата обращения: 21.11.2014).
- ¹⁰ *Тощенко Ж.Т.* Социология управления: Учебник. М., 2011.
- ¹¹ Инициатива на работе [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11177> (дата обращения: 21.11.2014).
- ¹² *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995. С. 150.
- ¹³ *Пригожин А.И.* Диалогические решения // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 54.
- ¹⁴ *Хабермас Ю.* Указ. соч.

ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ В СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЯН*

В статье рассматриваются состояние, динамика и факторы интереса россиян к политике. Определяется место политики среди жизненных ориентаций. Интерес к политике раскрывается во взаимоотношении с частотой отслеживания политических новостей, событий и обсуждения политических вопросов с близкими и друзьями. Проверяются наличие и сила взаимосвязи между интересом к политике и политическим поведением.

Ключевые слова: интерес к политике, политическое сознание, политическое поведение.

Интерес к политике – ключевая характеристика политического сознания, закладывающая основу для формирования политической компетентности, осознанного выбора определенных политических предпочтений и ориентаций, а также для политического участия в самых разнообразных формах – от выборов федерального и регионального уровней до акций протеста. Отсутствие интереса к политической сфере жизни общества и к политическим событиям в сочетании с уверенностью в невозможности оказывать влияние на власть приводит к общественной, политической апатии и отстраненности. Подобное отчуждение от участия в политической жизни не способствует развитию гражданского общества, формированию ответственности не только за близкий круг родных и близких, но и за решение общественных вопросов как на местном, так и на более высоком уровне. В этой связи актуализируется потребность в изучении состояния, динамики и факторов уровня интереса к политике для того, чтобы оценить потенциал развития этого показателя.

В повседневной жизни людей события политической жизни общества занимают второстепенное положение, в то время как на первом плане были и остаются крепкая семья, постоянная и приносящая материальную независимость работа, надежные друзья. Интересы и жизненные приоритеты индивида определяются его ближайшим окружением, теми, с кем человек вступает в ежедневные коммуникации, от кого зависит его личное благополучие. Только 6 % опрошенных россиян в 2009 г. отмечают, что политика для них очень важна¹. Полученная оценка согласуется с данными Европейского исследования ценностей, согласно которым в 2008 г. доля россиян, для которых очень важна семья, составила 82 %, работа – 50,6 %, свободное время – 36,9 %, друзья – 35,3 %, религия – 16,5 %, политика – 7,8 %. По сравнению с 1999 г. совокупная доля респондентов, для которых политика важна или очень важна, сократилась с 38,8 до 35,2 %.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что важность политики признает лишь небольшая доля россиян. При этом если вопрос формулируется более конкретно, не о политике в целом, а о политических событиях, то доля заинтересованных возрастает. Так, в 2006 г. 17 % россиян отмечали, что для них очень важно быть в курсе событий в стране². В этой связи уровень интереса населения к политике необходимо рассмотреть подробнее и во взаимосвязи с другими характеристиками.

В опросах общественного мнения интерес к политике измеряют с помощью трех показателей: субъективная оценка индивидом собственного интереса к политике; частота обсуждения политических событий с родственниками, друзьями, коллегами; частота слежения за политическими новостями в различных СМИ.

По данным Европейского исследования ценностей в 2008 г. 7,2 % россиян очень интересовались политикой, 27,6 % – в некоторой степени, 43,6 % не очень интересовались, 21,6 % совершенно не интересовались. Эти данные согласуются с оценками других исследований. Например, Левада-центр³ с 2003 по 2007 г. фиксировал от 5 до 7 % респондентов, очень интересовавшихся политикой, и от 28 до 37 % скорее интересовавшихся. Тем самым можно утверждать, что в 2000-е годы чуть более трети населения заявляли о той или иной степени интереса к политике.

В 1990-е годы россияне в большей степени проявляли интерес к политике, чем в 2000-е. В 1994 г. значительный интерес к политике проявляли 9 % населения, средний – 28 %, малый – 34 %, отсутствие интереса – 28 %. А в 1999 г. уровень интереса был еще более высоким: 13 % заявляли о значительном интересе к политике, 33 %

о среднем, 29 % о малом и 25 % – об отсутствии интереса⁴. Некоторое снижение уровня этого показателя в 2000-е годы объясняют так называемым эффектом конца медового месяца, когда в «новых демократиях», к которым относят и Россию, вначале возникает всплеск интереса к политике, а затем снижение его уровня⁵.

Интерес к политике является одной из основных характеристик политического сознания и базовым уровнем проявления связи индивида и политической системы. Однако признание индивидом высокого уровня интереса к политике может носить отчасти декларативный характер и не приводить к большей вовлеченности в политическую жизнь.

Внимание к политике может проявляться в регулярном отслеживании политических новостей и событий и в частых обсуждениях политических вопросов с близкими и друзьями. Результаты опросов свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения постоянно следит за политическими новостями в СМИ: 63,4 % каждый день, 16,7 % – несколько раз в неделю, 9,1 % – один-два раза в неделю, 7,7 % – реже и только 3,2 % – никогда (2008 г., источник – Европейское исследование ценностей). Однако лишь треть утверждает, что интересуется политикой. Из тех, кто следит за политическими событиями ежедневно, только 45,2 % отмечают, что очень или в некоторой степени интересуются политикой. Среди респондентов, уделяющих внимание политическим новостям несколько раз в неделю, лишь 28,2 % заявляют о большей или меньшей степени интереса к политике. То есть быть в курсе событий, происходящих в политической сфере жизни общества, еще не означает для респондентов проявлять интерес к политике. Среди тех, кто регулярно следит за новостями в этой области, можно выделить две группы: активные и пассивные наблюдатели. Если для первых политические события представляют определенную значимость и важность, то вторые хотя и уделяют время и внимание новостям, но не придают этому существенного значения и остаются отстраненными от политической системы, демонстрируют стремление к информированности при явном отсутствии интереса и индифферентности.

Если регулярное отслеживание политических новостей не может в полной мере свидетельствовать об интересе к политике, а стремление быть в курсе событий, происходящих в стране, свидетельствует о проявлении декларативных, а не операциональных ценностей⁶, то иначе дело обстоит с обсуждением политических вопросов с близкими, друзьями, коллегами.

Среди респондентов, утверждающих, что политика часто является предметом их разговоров с окружающими, 30,4 % очень и

48,8 % в некоторой степени интересуются политикой. А среди тех, кто время от времени затрагивает политические темы в процессе общения, интересующихся политикой 39,8 % (5,4 % очень и 34,4 % в некоторой степени). Таким образом, обсуждение политических тем с близкими и знакомыми в большей степени связано с проявлением интереса к политике, чем слежение за политическими новостями, поскольку свидетельствует о том, что индивид переосмысливает политические вопросы, дает им оценки, вырабатывает собственную точку зрения. Последнее в свою очередь указывает на большую вовлеченность в политическую жизнь и может стать первым этапом на пути к осуществлению политических действий.

Проявление интереса к политике должно способствовать побуждению индивидов к политической активности, а именно участию в политической жизни посредством как наиболее распространенных конвенциональных форм (участие в выборах, деятельность политических партий и движений, обращение к политикам и др.), так и протестных акций (митинги, забастовки, пикеты, сборы подписей и др.). Проверим, насколько сильно интерес к политике связан с политической активностью.

Намерение и готовность участвовать в выборах федерального уровня связаны с интересом к политике (статистически значимо по критерию хи-квадрат), но не очень сильно (коэффициенты ϕ и V Крамера равны 0,16). Действительно, среди респондентов, интересующихся политикой, доля тех, кто проголосовал бы на выборах, если бы они состоялись в ближайшие выходные, выше на 15–20 %, чем среди не интересующихся.

Примечательно, что две трети (64 %) среди отрицающих какой бы то ни было интерес к политике в то же время выражают готовность участвовать в выборах. Вероятно, выборы на национальном уровне воспринимаются как особо значимое событие даже теми, кто не проявляет интереса к политике. Кроме того, на подобные ответы респондентов могло повлиять и время проведения опроса: в 2008 г. проходили выборы президента, что, безусловно, способствовало привлечению внимания к теме выборов.

Участие в различных политических акциях, как санкционированных, так и нет, не получило распространения среди россиян. Исследования подтверждают, что лишь небольшая доля населения принимает участие в каких-либо политических действиях⁷. При этом данный показатель взаимосвязан с интересом к политике (статистически значимо по критерию хи-квадрат, значения коэффициентов ϕ и V Крамера варьируются от 0,13 до 0,25 для различных акций). Для того чтобы это наглядно продемонстрировать, ра-

зобьем респондентов по уровню интереса на две группы: к первой отнесем тех, кто очень или в некоторой степени интересуется политикой, ко второй – тех, кто не очень или совершенно не интересуется. В большинстве случаев среди опрошенных с высоким уровнем интереса в два раза больше тех, кто принимал или мог бы принять участие в политических акциях, чем среди не проявляющих интерес к политике. Тем самым можно констатировать, что интерес к политике в небольшой степени стимулирует более активное участие в политической жизни.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что интерес к политике способствует большей вовлеченности индивида в политическую сферу общественной жизни. В этой связи актуализируются вопросы: можно ли повысить уровень интереса к политике, детерминирован ли он социально-демографическими характеристиками индивида или же является универсальным проявлением стремлений и личностных ориентаций.

Мужчины в большей степени склонны проявлять интерес к политике, чем женщины (связь между переменными статистически значима, коэффициенты ϕ и V Крамера равны 0,218). Вероятно, это может быть объяснено устойчивостью традиционной ориентированности мужчин на карьеру, общественное признание, в то время как для женщин на первом месте в структуре ценностных ориентаций остается благополучие семьи и близких, а вопросы общественного развития отходят на второй план. Кроме того, политика в течение долгого времени оставалась мужской сферой, и небольшое количество женщин, профессионально реализующих себя в этой области, является косвенным подтверждением этому.

Прослеживается взаимосвязь между возрастом и уровнем интереса к политике: чем старше респонденты, тем больше внимания они уделяют политической жизни общества (коэффициент корреляции Спирмена составил 0,111). Более распространенная среди молодежи аполитичность подтверждается и другими исследованиями⁸ и связана с тем, что для молодых людей приоритетными оказываются самоопределение и самореализация в профессиональной и личной жизни.

Интерес к политике возрастает и с повышением уровня образования. Взаимосвязь между переменными не очень сильная (коэффициент корреляции Спирмена равен 0,157), но статистически значимая.

Одной из наиболее значимых социальных характеристик индивидов, влияющих на их мнения по различным вопросам, в том числе на оценку политической и экономической обстановки в стране, является уровень дохода. Однако на степень проявления интереса

к политике этот показатель значимого воздействия не оказывает. Среди наиболее обеспеченной категории населения больше тех, кто очень интересуется политикой (13 % против 6–7 % в других категориях). Однако совокупная доля респондентов, в той или иной степени интересующихся политикой, практически не отличается в четырех группах из пяти и колеблется от 35,1 до 36,6 %. Чуть ниже этот показатель для россиян с ежемесячным доходом 19000–56000 руб. (и составляет 29,9 %).

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что высокий уровень интереса к политике независимо от дохода чаще проявляют мужчины, респонденты старшего возраста и с более высоким уровнем образования. При этом, характеризуя внимание к политике всего населения, можно отметить парадоксальную закономерность. С одной стороны, две трети населения регулярно следят за политическими событиями и новостями, с другой – только треть заявляет об интересе к политике. Можно предположить, что проявление интереса выражается в пассивной и активной формах. Стремление большинства населения к информированности в сфере политической жизни в сочетании с отрицанием интереса к ней свидетельствует о том, что большинство предпочитает роль наблюдателей, нежели участников.

Международные сравнительные исследования показывают, что несмотря на существующие между странами различия в большинстве государств «с давно сформировавшейся демократической системой доля людей, хотя бы отчасти интересующихся политикой, составляет около половины взрослого населения. Из них сильно интересуются политикой – не менее 10 %»⁹. В то время как в России только треть населения проявляет интерес к политике (при этом очень интересуются 6–7 %) и по сравнению с 1990-ми годами значение этого показателя снизилось.

Низкая значимость политики в жизни россиян свидетельствует о невысокой важности общественных целей и интересов. Однако индивид даже в своей повседневной жизни зависим от внешних условий и особенностей экономико-политического развития страны, специфики функционирования социальных институтов, правовых норм. Возможность оказывать влияние на принятие политических решений через различные каналы коммуникации общества и власти должны пробуждать интерес к политической сфере.

Объяснение низкого уровня интереса россиян к политике необходимо искать в специфике политических процессов, происшедших в стране. В течение последних десятилетий российская политическая система претерпела существенные изменения. Транс-

формационные процессы коснулись не только функционирования институтов и организаций, но и практик взаимодействия населения и власти, потребовав осмысления происходящих перемен и приспособления к новым политическим реалиям. В странах, переживающих подобные изменения, можно ожидать как повышения, так и снижения уровня интереса к политике.

В период общественных трансформаций рост внимания к политической сфере может быть обусловлен значительным влиянием политических событий на повседневную жизнь людей, бóльшим числом событий, происходящих в сфере политики, высокой зависимостью курса страны от личности политиков и сил, находящихся у власти, в условиях неустоявшихся политических институтов, большими усилиями лидеров мобилизовать население для своей поддержки¹⁰. С другой стороны, решающее влияние могут оказать факторы, снижающие уровень интереса к политике: нарушение традиционных связей людей с политической системой при несформированности новых; большая значимость экономической составляющей в жизни людей, вследствие чего люди тратят время и усилия на адаптацию к новым экономическим условиям, а не на общественную жизнь; низкий уровень доверия к коллективным действиям в целом и политическим действиям в частности. Вероятно, именно последние факторы преобладали в России в 1990-е годы, что привело к установлению невысокого по сравнению с другими странами уровня интереса к политике.

Пока сфера политики остается значимой для очень небольшой доли населения, построение крепкого гражданского общества будет затруднено, поскольку именно интерес к политике является одной из основополагающих характеристик политического сознания индивида, позволяющих заложить основы для формирования гражданской самостоятельности и инициативности, выработки собственных убеждений, умения консолидироваться с соратниками, стремления отстаивать собственные и общественно-полезные интересы с помощью политических действий.

Примечания

¹ Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.

² Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008. С. 16.

³ Там же. С. 60.

- ⁴ Зоркая Н. Интерес к политике как форма политического участия // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 4 (42). С. 15.
- ⁵ Андрееenkova А.В. Политическое поведение россиян (часть 1) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3 (97). С. 52.
- ⁶ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Указ. соч. С. 15–16.
- ⁷ См., например: Андрееenkova А.В. Политическое поведение россиян (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98). С. 5–25; Римский В.Л. Политическая и общественная активность российских граждан // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 60–68.
- ⁸ См., например: Звоновский В.Б. Политика в пространстве жизненных интересов молодежи // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 87. № 1. С. 54–61; Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1 (95). С. 5–36.
- ⁹ Андрееenkova А.В. Политическое поведение россиян (часть 1). С. 49.
- ¹⁰ Там же. С. 50.

ДОВЕРИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ И ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА*

Интеграционные процессы, которые в последние годы активно протекают в разных регионах мира, актуализировали проблему доверия к новым наднациональным и национальным политическим институтам. Важной становится эффективность многоуровневого управления, которое в свою очередь опирается на доверие как важный социальный ресурс. В то же время эти процессы определяют жизненный мир человека в новой социальной и политической реальности, которая объединяет людей со схожим видением и восприятием окружающей действительности, формируя общее пространство социального действия для всех участников интеграционного объединения.

Ключевые слова: доверие, жизненный мир, интеграционные процессы.

В современных условиях мы оказываемся свидетелями того, что многие процессы и явления, определяющие жизненный мир человека, носят глобальный, международный характер. Жизненный мир – это наша непосредственная «интуитивная среда», где «мы, как человеческие существа среди себе подобных, переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием»¹. Несмотря на то что жизненный мир является общим для всех пространством социального действия, есть разница в том, как каждый отдельный человек воспринимает его и оценивает собственное положение в нем. Жизненный мир дан человеку в момент переживания, т. е. в «чистом», субъективном опыте, поэтому в жизненном мире нет значений, а есть лишь чувства, которые предшествуют рефлексии². Каждый человек «размещен» в нем особым

образом, что определяется, согласно А. Шюцу, его биографической ситуацией, которая является уникальной, так как связана с условиями рождения, воспитания, жизни, социального окружения и регулирования социальной среды.

Сегодня говорят о необходимости нового проекта сотрудничества, в котором «Европа рассматривалась бы в самом широком смысле как географически, так и политически – от Норвегии на севере до Турции на юге, от Португалии на западе до России на востоке». Принцип «Большой Европы» полезен для создания зоны общей безопасности, экономического, политического и культурного сотрудничества европейских стран. В основу данного проекта должны быть положены принципы свободной торговли и совместимых систем регулирования³. Но ни постсоветская интеграция, ни ЕС на практике не «доросли» до соответствия подобным устремлениям. Нет гарантии того, что это произойдет и в будущем.

Сейчас становится понятным, что эффективность общеевропейских политических институтов невысока. «Как... известно, при создании общественных институтов возникают темы легитимности и принуждения. Национальные государственные институты управления уже обладают легитимностью и силой для установления правил поведения и разрешения споров в сфере экономики и политики. Однако институционализировать глобальные общественные институты гораздо сложнее»⁴. Это связано с низким уровнем доверия к тем институтам, которые обеспечивают функционирование интеграционных объединений.

Дефицит доверия – одна из важнейших современных общественных и научных проблем. Для общества доверие – это важный актив, представляющий собой одну из составляющих социального капитала, выступающего залогом устойчивости и стабильного развития социума. Важнейшим условием формирования общественных отношений, основанных на доверии, являются разработка и осуществление эффективной государственной и региональной политики, соответствующей экономическим, социальным, культурным и духовным потребностям населения. Обратившись к исследованию социального доверия в рамках социологического подхода, можно рассматривать его как социальный феномен, доступный изучению на эмпирическом уровне, а также исследовать характер влияния различных социальных институтов на укрепление доверия в обществе.

Доверие граждан политическим и государственным институтам не просто формирует долговременные ценности поддержки

демократии и управления страной, но говорит об эффективности деятельности органов власти. На этой основе формируется легитимность политической власти. Схема общественной поддержки и доверия строится начиная от утилитарных оценок выполнения государством общественных задач к долговременному и менее зависимому от ситуативных факторов доверию политическим и государственным институтам, режиму в целом. Проблема социального порядка может быть решена с помощью власти и насилия, однако ни власть, ни насилие «не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе»⁵. Подобную основу может сформировать только высокий уровень социального доверия в обществе.

Обращаясь к данным Европейского социального исследования, можно сказать, что уровни доверия к политическим и государственным институтам в Европе имеют существенные различия по странам. Удовлетворенность тем, как руководство страны выполняет свою работу (инструментальная поддержка системы), варьируется от 11 до 72 % (в Финляндии). В странах Восточной Европы оценка работы правительства варьируется от 11 % в Болгарии и Польше до 38 % в Словакии. В России этот показатель составляет 27 %, ее отличительная особенность на настоящий момент – чрезвычайно низкий уровень доверия всем политическим и общественным институтам⁶. Показатель удовлетворенности национальным правительством связывается с оценкой состояния экономики и развитием демократии. Национальным правительством в большей степени не удовлетворены, чем удовлетворены, жители половины из участвовавших в опросе стран. В наибольшей степени удовлетворены жители стран Северной Европы, а меньше всего – Восточной Европы и тех стран старой Европы, где ухудшаются экономические показатели. Россия находится ближе к середине этого списка, хотя количество не удовлетворенных правительством почти на 20 % больше, чем удовлетворенных⁷.

Невысокий уровень доверия к политическим и государственным институтам влияет на удовлетворенность жизнью. По показателям удовлетворенности жизнью восточноевропейские страны близки в своих низких оценках. В странах Северной Европы гораздо большее количество людей удовлетворены своей жизнью. Россия ближе всего к таким странам, как Болгария, Португалия, Словакия, Эстония, Франция и Польша. Больше всего людей, не удовлетворенных жизнью, в Болгарии и России⁸. Таким образом, страны, недавно пережившие смену общественного строя, а также некоторые страны «старого света», такие как Португалия, состав-

ляют группу, где люди менее всего удовлетворены отдельными аспектами и жизнью в целом.

Можно было бы предположить, что по мере стабилизации экономики и повышения качества жизни в этих странах уровень удовлетворенности их жителей будет повышаться, однако в рамках ЕС становится ясно, что доверие институтам, которые обеспечивают функционирование интеграционного объединения, падает, с одновременным наличием конфликта национальных и наднациональных интересов. Согласно данным сравнительного межстранового исследования⁹, выполненного в 1999 и 2012 гг., можно сказать, что количество контактов деловых организаций национального бизнеса с наднациональными структурами уменьшилось по сравнению с 1999 г., в то время как число бизнес-ассоциаций выросло. Национальные бизнес-ассоциации меняют свои стратегии по лоббированию национальных интересов на уровне ЕС, делегируя полномочия по отстаиванию национальных бизнес-интересов высокоуровневым функциональным и территориальным организациям. Они используют формы зонтичных ассоциаций как лучший способ для того, чтобы войти в контакт с лицами, принимающими решение. Национальные бизнес-ассоциации ослаблены процессами деиндустриализации, и в социально-экономическом плане их забывают более сильные игроки, хотя национальные объединения представлены 28 участниками, а более сильных игроков по количеству значительно меньше. В то же время более сильные игроки путем лоббирования своих интересов на уровне ЕС аккумулируют ресурсы и потенциал для достижения своих целей. Это одна из причин, почему национальные фирмы и бизнес-ассоциации не получают необходимой поддержки на наднациональном уровне и не могут получить необходимый доступ к принятию ключевых управленческих решений в рамках ЕС.

Таким образом, для европейского интеграционного блока встает вопрос разрешения усиливающегося конфликта национальных и наднациональных интересов для организации взаимодействия и формирования доверия наднациональным институтам с целью обеспечения их эффективного функционирования. Наглядным примером служит ситуация с наиболее проблемными членами ЕС – Грецией, Испанией, Португалией, Италией. Национальный избиратель требует смягчения политики жесткой бюджетной экономики, а в наднациональных структурах превалирует стремление еще туже затянуть пояса. Появился и феномен технических правительств, управляющих той или иной страной без демократического мандата в ожидании новых выборов, как это имело место в Греции

до мая 2012 г. и в Италии до 2013 г. Одним из актуальных подходов, который мог бы привести к соглашению в рамках этой проблемы, является разработка политики согласия (Cohesion Policy).

Согласие – это приоритетный запрос, сформулированный не только в странах ЕС, но и в России, где институциональное пространство социальных отношений характеризуется территориальной и региональной многовариантностью. Высокий уровень недоверия ко всем институтам власти и растущий запрос на эффективно работающий закон ставят под сомнение перспективы консолидации российского общества¹⁰. Задача консолидации большинства населения как цивилизационный проект развития стоит на повестке дня. В этом проекте есть существенные отличия от той модели, которую осуществляет Запад. Альтернативность проекта не в отсутствии в нем институтов демократии, а в другом наборе функций государства, которые с точки зрения россиян оно должно реализовывать. Главные из них – правильное целеполагание для оптимального стратегического и тактического развития нации, забота о населении на основе создания в России условий для успешной самостоятельной экономической активности людей при равенстве шансов, равенство всех перед законом и умеренная помощь социально слабым группам.

В российском социуме можно выделить три мировоззренческие группы, поддерживающие разные сценарии развития. Около 41 % россиян – те, кто вообще не озабочен проблемами глобального вектора развития российского общества и считает, что в стране все нормально, их мечты сосредоточены на личных проблемах. 26 % недовольны сложившейся ситуацией и убеждены в необходимости замены нынешней власти в стране. Около 33 % недовольны сложившейся ситуацией и объединены мечтой жить в справедливом и разумно устроенном обществе, не рассматривая российское общество в качестве такового¹¹.

Потенциал для консолидации общества связан с группой россиян, которые ориентированы на традиционную для российской культуры мечту о справедливом и разумно устроенном обществе. В советский период истории эта мечта утратила свой массовый характер, перейдя в своеобразную форму жизненного мира («мы строим новый – справедливый и разумный – мир, являющийся образцом для всего человечества»). Переход к рыночной экономике с глубочайшим и нелегитимным неравенством актуализировал эту ключевую составляющую «русской мечты».

Если проанализировать мировоззрение людей, которые мечтают о справедливой жизни, то у них прослеживается выраженное

недовольство сложившейся в России системой распределения частной собственности, и они не считают, что в России установился демократический строй; таких 84 %. У этой группы ярче, по сравнению с остальными россиянами, выражен запрос на равенство всех граждан перед законом (85 и 74 % соответственно). Они не являются сторонниками западной модели демократии, а предлагают выработать характерную для России модель государственного устройства, при которой государство призвано выражать и отстаивать интересы всего народа, даже в ущерб интересам и правам отдельной личности. Это принципиально иное видение функций государства, в отличие от западных демократий, где государство выступает гарантом прав человека и меньшинства. Можно сказать, что у данной группы концентрированно представлены традиционные для российской культуры идеалы справедливости. Они наиболее негативно оценивают изменения в личностных качествах россиян, произошедшие за последние 15–20 лет: рост агрессивности (85 % при 75 % у остальных россиян), цинизм (75 и 65 %, соответственно), ослабление доброжелательности (78 и 67 %), отсутствие искренности (78 и 67 %), бескорыстия, готовности помочь другому (78 и 69 %). Учитывая важность перечисленных качеств для рассматриваемой группы россиян, можно сказать, что их жизненный мир претерпел кардинальную трансформацию. Это связано с ухудшением социально-психологической атмосферы в российском обществе и постепенным размыванием национальной идентичности.

Любые наднациональные политические институты, заменяющие национальные политические институты, как бы «размывают» контур макрорегиона, что провоцирует серьезные управленческие проблемы. Поскольку важнейшей целью любого интеграционного объединения является снижение глобальных системных рисков, то институциональная политическая глобализация оказывается бессмысленной, если не может добиться эффективного функционирования интеграционных управленческих структур. Повышение эффективности этих управленческих структур возможно только при наличии высокого уровня доверия общества к предложенной системе управления. Кризис доверия в различных сферах общественной жизни вызывает разочарование функционированием всей политической системы и отторжение от нее значительной части граждан. Поэтому важной задачей является формирование культуры социального доверия, которое по мере развития глобализации может использоваться акторами мировой политики как один из факторов об-

щественной интеграции. Это выводит межстрановые отношения на новый уровень взаимодействия, способствует формированию комфортного жизненного мира человека, что в конечном счете и является той целью, которая преследуется при создании интеграционных объединений.

Примечания

- ¹ *Щюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.
- ² *Абушченко В.Л.* Феноменологическая социология // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 750–751.
- ³ *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
- ⁴ *Лордон Ф.* Адье, глобализация! Выход из кризиса в регионализацию (Международная конференция «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса». Москва, 11–12 сентября 2009 г. Стенографический отчет) [Электронный ресурс] // Институт Общественного Проектирования. URL: http://www.inop.ru/files/polit_teor_st_1.doc (дата обращения: 10.04.2014).
- ⁵ *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 82–85.
- ⁶ Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте России и 25 стран Европы. Аналитический доклад. Институт сравнительных социальных исследований. 2008 г.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Interest Intermediation in the European Union Revisited: Report on a Survey Study / В. Kohler-Koch, С. Quittkat, U. Kurczewska. Mannheim, 2013.
- ¹⁰ *Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2013 [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2013_01.pdf (дата обращения: 10.05.2014).
- ¹¹ Там же.

ОБРАЗОВАНИЕ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

В статье исследуется специфика отношения современной молодежи к образованию, выявляются особенности образования как профессионального и жизненного проекта молодежи.

Ключевые слова: образование, молодежь, жизненный мир.

В жизненных планах молодежи образование занимает важное место. Как показывают данные социологических исследований, эта тенденция сохраняется среди молодежи с 1990-х годов по настоящее время. Так, по данным всероссийских исследований молодежи в 1997 г. стремление получить хорошее образование высказали 82,2 % опрошенных¹, в 2007 г. – 85,4 %², в 2009 г. – 85,6 %³.

Ценность высшего образования осознается большинством молодых людей, но не всегда увязывается с жизненными планами по окончании процесса обучения. Интересно, что в опросе 2009 г. 33,5 % отметили в планах «получить высшее образование вообще, а там видно будет...». Тогда как примерно две трети молодежи по-прежнему рассматривали высшее образование как важный «социальный лифт», позволяющий им успешно интегрироваться в мир выбранной профессии.

Однако установка на будущее трудоустройство по профессии меняется в процессе обучения. По результатам опроса 2438 студентов-специалистов, проведенном в 2013 г.⁴ в московских вузах (МГГУ, МГПУ, МГОУ, ГУУ, МИЭТ, МГУ, РГГУ, МАТИ, МФЮА, РГСУ), на «отлично» и «хорошо» оценили свою профессиональную готовность 41 % респондентов, на «удовлетворительно» – 23 %, «неудовлетворительно» – 5 %. По годам обучения эта картина вы-

глядела следующим образом: на первом курсе о своей готовности работать по специальности заявляли 50,3 %, на втором – 42,7 %, на третьем – 35,9 %, на четвертом – 32,9 %, на пятом – 30,5 %. Таким образом, наблюдается тенденция снижения готовности работать по специальности от начала обучения до выпуска. На последнем курсе о такой готовности заявляет лишь треть выпускников.

В последнее время проявилась еще одна негативная тенденция. Студенческая аудитория в целом склонна достаточно пессимистично оценивать ситуацию в высшем образовании. Об этом свидетельствуют данные исследования, проведенного ВЦИОМ⁵. Студентам был задан вопрос: «Если сравнивать сегодняшний день с тем, что было 15–20 лет назад, то в какую сторону, по Вашему мнению, произошли следующие изменения?» По мнению 43 % опрошенных, «в культурном плане студентов, их кругозоре» изменения произошли в «плохую сторону», аналогичная пессимистическая оценка характерна и в «отношении студентов к учебе, их стремлении получать знания» – 44 %, «возможности трудоустроиться по специальности» – 69 %, «возможности получить высокооплачиваемую работу» – 65 %.

По результатам специальных обследований, проведенных Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в 2011 г. по национальной репрезентативной выборке населения России в возрасте от 16 лет и старше⁶, проблемами образования интересуются практически в одинаковой степени все возрастные группы населения: 16–24 года (в средней степени – 45 %, очень – 37 %); 25–39 лет (46 и 38 %); 40–45 (48 и 37 %); старше 55 (49 и 28 %). Конечно, больше всего проблемы образования волнуют тех, кто его получает, – в высшей школе 87 %, в средней – 77 %.

При этом общая оценка уровня российского образования в разных социальных группах невысока. Так, на вопрос: «Россия по сравнению с другими развитыми странами мира сильнее или слабее в области образования?» ответ «слабее» уверенно дали 36 % опрошенных в возрасте 16–24 лет; 30 % в возрасте 25–39 лет; 32 % в возрасте 40–54 лет; 31 % в возрасте 55 лет и старше. Причем от уровня образования россиян данный показатель практически не зависит: среди лиц с высшим образованием с ответом «слабее» согласились 31 % опрошенных, среди лиц со средним образованием – 30 %. Такое единодушие позволяет понять наметившуюся тенденцию последних лет (что особенно касается детей обеспеченных родителей) – получать образование в зарубежных школах и вузах.

Отсюда уже не вызывает удивления полученный в этом же исследовании ответ на вопрос: «Что, по Вашему мнению, является

главным условием экономического роста России?» Вариант ответа – «развитие образования» – выбрали лишь 15 % числа опрошенных. Следует отметить тот факт, что ответы молодежи в целом совпали с мнением других групп населения, что позволяет говорить о наличии общей тенденции, связанной с ослаблением роли образования в современном российском обществе.

Еще одним показателем, косвенно подтверждающим данную тенденцию, является то, что на поставленный вопрос: «Хотите ли Вы видеть учителем свою дочь/сына?» больше 50 % опрошенных всех возрастных групп ответили «нет».

Еще один важный вопрос – образование является терминальной или инструментальной ценностью для молодежи? В исследовании 2009 г. подтвердилось, что российская молодежь ценит в людях прежде всего ум (69,3 %), целеустремленность (48,9 %), уверенность в себе (48,7 %), а это те качества, которые приобретаются в ходе обучения и потом только оттачиваются в жизненных ситуациях. Идеал человека умного, целеустремленного, уверенного в себе (т. е. образованного) – не самый плохой ориентир для молодежи, тем более что в нем с приведенными качествами сочетаются доброта (46,7 %), отзывчивость (42,1 %), чувство юмора (43,7 %).

Образование для молодежи выступает не только терминальной, но и инструментальной ценностью. Это верный способ получить в будущем хорошую работу. Сравнение данных всероссийских исследований 1997 и 2007 гг. показывает, что наряду с хорошим образованием ориентация на хорошую (престижную) работу занимает одно из главных мест в ее жизненных планах (у 74,5 % в 1987 г. и 84,6 % в 2007 г.).

Российские социологи М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги выделяют среди молодежи особую группу «тружеников», основная жизненная цель которых – получить хорошее образование, престижную и интересную работу. Такие по данным исследования 2007 г. составляют 17,3 %. К этой группе примыкают «предприимчивые» (19,8 %) – это молодежь, стремящаяся создать собственный бизнес, добиться богатства и материального достатка.

Конечно, данные устремления сформированы не без влияния условий, в которых живет молодежь. Более значительная концентрация «тружеников» и «предприимчивых» наблюдается в мегаполисах (22,0 и 20 % соответственно). Жизненные устремления рано или поздно отражаются на реальном (в том числе материальном) положении молодежи. Так, «тружеников» больше всего в группах мало- и среднеобеспеченных россиян (81,1 %), «предприимчивые» чаще остальных попадают в группу высокообеспеченных (19,2 %).

«Труженики» чаще остальных работают специалистами с высшим образованием (34,0 %), что обеспечивает им доходы среднего уровня как молодым специалистам, только начинающим достигать должностных позиций с высоким доходом. «Предприимчивые» чаще остальных имеют свой бизнес (23,3 %), который приносит им доходы выше среднего⁷.

Итак, при сохранении общей установки молодежи на получение образования в современных условиях растет осознание этой группой того, что выбранная специальность и качество получаемого по ней образования не являются гарантиями успешного трудоустройства, что жизненный успех личности не всегда определяется уровнем полученного образования. Отсюда можно зафиксировать и тот факт, что в российском обществе меняется восприятие образования как эффективного стратегического ресурса адаптации и социальной мобильности личности.

Примечания

- ¹ Всероссийское исследование Института социальных и национальных проблем РАН 1997 г. (выборка 1750 чел. в возрасте 17–26 лет).
- ² Всероссийское исследование Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда Эберта в РФ «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» 2007 (выборка: основная группа – молодежь в возрасте 17–26 лет – 1796 чел., контрольная – старшее поколение в возрасте от 40 до 60 лет – 655 чел.).
- ³ Всероссийское исследование Центра социологических исследований РГГУ «Новые явления в социальном поведении учащейся молодежи России» 2009 г. (выборка: 1500 чел.; возраст: 15–18 – 700 чел., 19–23 – 640 чел., 24–29 – 160 чел.).
- ⁴ *Кочетов А.Н.* Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267450955/Kochetov.pdf> (дата обращения: 12.10.2014).
- ⁵ Современные студенты: штрихи к портрету [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=111291> (дата обращения: 13.10.2014).
- ⁶ Образование в цифрах: 2013. Используются данные Росстата, Минобрнауки России, ОЭСР, Евростата, а также разработки Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (2010–2012 гг.).
- ⁷ *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 132–134.

ТЕАТР И ЕГО МЕСТО В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЯН*

В статье на примере театра рассматриваются культурно-досуговые практики россиян. В сопоставлении статистического материала и опросов общественного мнения анализируется комплекс показателей, определяющих эффективность работы театра, среди которых общая численность учреждений культуры, посещаемость учреждений культуры, предложение в сфере культуры, материально-технические условия функционирования театров, условия труда творческих работников. Формулируется комплекс мер, направленных на повышение посещаемости театров в культурно-досуговых практиках россиян.

Ключевые слова: культурно-досуговые практики, театр, культура, эффективность, учреждения культуры.

Театральные практики проведения досуга являются частью культурных досуговых практик, которые включают помимо походов в театр посещение музеев, походы в кино, на концерты и т. п. Поэтому прежде чем перейти непосредственно к анализу культурных практик, связанных с времяпрепровождением в театре, выявим, как изменялось *место культурного досуга в общем объеме досуговых практик*.

Анализ опросов общественного мнения показал, что культурный досуг в жизни россиян присутствовал всегда, но набирал очень малый процент начиная с конца 80-х годов XX в. Так, согласно исследованию 1989 г. театры и концерты в свободное время еженедельно посещает 1,4 % граждан, клубы – 4,2 %. Исследования 1996–1998 гг. демонстрируют нам такой же низкий уровень посещения учреждений культуры (театров, музеев, концертных залов). Согласно опросам 1996–1998 гг. в свободное от работы время лишь

3 % посещают театры, музеи, концертные залы и кино. Согласно опросу ВЦИОМ в 2005 г. посвящают свободное время культурному досугу 5 % россиян, а с 2007 по 2013 г. по данным ФОМа этот вид досуга занимает 4 % среди остальных.

Несмотря на то что культурный досуг занимает очень небольшую часть в общей совокупности досуговых практик россиян, он имеет огромное значение для формирования культурного и нравственного сознания человека. Культурный досуг представляет собой совершенно особую досуговую практику, которая выражается в реализации культурного и духовного потенциала каждой личности, в развитии человеческого капитала.

Особое место в развитии человеческого потенциала и улучшении социального самочувствия россиян занимает театр. Реализация культурных практик проведения досуга в театре непосредственно связана с существованием определенной социальной инфраструктуры – учреждений культуры, деятельность которых направлена на создание условий, удовлетворяющих социокультурные потребности населения. Поэтому оптимальный путь анализа культурных практик в жизненном мире россиян мы видим в сопоставлении данных, отражающих культурное потребление в опросах общественного мнения, со статистическими показателями посещаемости учреждений культуры и обеспеченности населенных пунктов социальной инфраструктурой.

Проанализируем, как менялась обеспеченность театрами по стране с конца 1990 до 2013 г. Для анализа эффективности работы театров необходимо учитывать целый комплекс показателей, в который входят: *общая численность учреждений культуры*; *посещаемость учреждений культуры*, которая включает общую посещаемость учреждений культуры за год и число зрителей в среднем на 1000 человек населения; *предложение в сфере культуры* – количество спектаклей, вышедших за анализируемый период, а также количество новых постановок; *материально-технические условия функционирования театров* – число театров, находящихся в неудовлетворительном состоянии; *условия труда творческих работников*, выражающиеся в первую очередь в уровне заработной платы работников культуры.

Анализируя данные официальной статистики, можно утверждать, что за последние 22 года наблюдается положительная динамика численности театров – с 382 единиц в 1990 г. до 643 единиц в 2012 г. Таким образом, за этот период число театров увеличилось на 41 %. Стабильный рост числа театров не говорит об отсутствии проблем в обеспеченности театральной инфраструктурой. Согласно данным Министерства культуры РФ, в 2001 г. на 1 млн чел. прихо-

дилось 3,7 театра, а в 2013 г. – 4,3¹. Рост численности театров, начавшийся с 1990-х годов, сопровождался ростом театрального предложения, выраженного количеством мероприятий, проведенных театрами: «со 108 тыс. в середине 90-х гг. до 139 тыс. в 2009 г.»². С 2008 г. наблюдается яркая динамика увеличения числа новых театральных постановок: с 2126 в 2008 г. до 2828 в 2013 г, т. е. на 24,8 %³.

Однако несмотря на повышение численности самих учреждений культуры и объема оказываемых ими услуг (театральное предложение) тенденции повышения посещаемости театральных учреждений не наблюдается. Падение посещаемости театров начинается после 1990 г., за два года посещаемость сократилась на 20,5 % (11,4 млн чел.), а к 1998 г. еще на 37,5 %, достигнув своего минимума в 27,6 млн зрителей в год. Посещаемость театров также сокращалась на 3,2 % в 2004 г. и на 0,6 % в 2009 г. С 1999 по 2010 г. театральная посещаемость имеет волнообразную тенденцию, среднее значение которой 29,7 млн чел. с разбросом значений в 3 %. Начиная с 2006 г. наблюдается небольшая положительная динамика посещаемости, которая к 2009 г. стабилизировалась на отметке 30 млн чел., а с 2010 по 2012 г. она достигла 33,9 млн чел.⁴ Лишь каждый четвертый человек в нашей стране ходит в театр хотя бы один раз в год⁵. Таким образом, с 1990 по 2012 г. наблюдаются три временных периода, когда сокращалась посещаемость театров: в 1992 г., 1998–1999 гг., а также в 2009 г.

Резкий спад спроса на театральное искусство после 1990 г. объясняется, с одной стороны, экономическими причинами – «двукратное сокращение бюджетного финансирования культуры в 90-е гг. привело к росту цен на услуги в сфере культуры, которые стали недоступны для многих групп населения»⁶, с другой – политическими и идеологическими.

Так, в конце советского периода, в 1985–1991 гг., политическое руководство страны провозгласило курс на демократизацию и перестройку, выбрав сферу культуры как ту, где можно «безболезненно продемонстрировать новый курс на демократические преобразования»⁷. Засилье идеологических установок партийно-государственного аппарата вылилось с конца 1985 по 1991 г. в противостояние творческой среды государственному регулированию сферы культуры. Учреждения культуры стали стремиться к автономии и превращению их в «самостоятельные субъекты, заинтересованные в результатах своей деятельности и росте доходов, полученных от нее»⁸. В результате в годы реформ резко ухудшилась материально-техническая база учреждений культуры, вдвое снизилась посещаемость театров и музеев, на две трети сократилась концертная аудитория, произошло обвальное падение посещаемости кинотеатров⁹.

В 1998 г. заметный спад посещаемости связан с экономическим кризисом. Согласно статистике в 1998 г. отмечается резкое увеличение числа безработных с 3877 тыс. чел. в 1992 г. до 8902 тыс. чел. в 1998 г., т. е. на 8,04 % по отношению к общей численности экономически активного населения. По данным Госкомстата, в 1999 г. среднемесячная зарплата в ценах 1991 г. сократилась вдвое (со 369 руб. в 1992 г. до 197 руб. в 1999 г.)¹⁰. Подтверждается резкое ухудшение материального положения россиян данными опроса Левада-центра, согласно которым в сентябре 1998 г. 28 % россиян оценили материальное положение своей семьи как «очень плохое» и 45 % как «плохое»¹¹.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод, что одним из факторов снижения посещаемости театров выступает экономическое положение в стране, которое находит свое отражение в уровне материального положения россиян.

Сокращение посещений театра при увеличении количества спектаклей обусловлено увеличением числа мероприятий на малых площадках: «появление малых сцен в начале 70-х гг. в российских театрах, получившее в последующем большое распространение, определяется сменой культурной парадигмы и соответствует общемировым тенденциям. При сохранении актуальности масштабных спектаклей различных жанров, требующих соответствующих им больших площадок и зрительных залов, в большинстве стран, включая Россию, постоянно увеличивается удельный вес малых и камерных сцен. В основном за их счет происходит расширение театрального предложения»¹².

Представляет интерес сравнение статистических данных по посещаемости театров с опросами общественного мнения. Согласно опросам общественного мнения ВЦИОМ в 2013 г., каждый пятый россиянин посещает театральные постановки хотя бы раз в год или чаще (20 %)¹³. В 2009 г. таких было 16 %, «заядлыми театрами» назвали себя 12 % в 2013 г. и 9 % в 2008 г. Те, кто практически не ходят в театр, в 2013 г. составляли 45 %, в 2008 г. – 49 %. Никогда не были в театре 19 % россиян (2013 г.).

Таким образом, мы видим, что опросы общественного мнения подтверждают тенденцию, отраженную в статистических данных: интерес к театру, выраженный в количестве посещений, медленно, но все же повышается. Однако несмотря на повышение интереса к театру 74 % граждан нашей страны в 2008 г. и 64 % в 2013 г. заявили о том, что практически никогда или вообще никогда не бывали в театре.

Каковы же причины низкой посещаемости театров сегодня согласно опросам общественного мнения? По данным опроса ВЦИОМ в 2013 г. на первое место (27 %) среди причин непосещения театра

респонденты ставят отсутствие театра в месте проживания. Это еще раз подтверждает тезис о низкой обеспеченности страны театральной инфраструктурой. Чуть менее распространены причины непосещения, связанные с отсутствием интереса к театральному искусству (23 %) и отсутствием свободного времени (22 %). 11 % россиян не посещают театры из-за дороговизны билетов на спектакли¹⁴.

Интересно, что главным условием, при котором россияне стали бы ходить в театр чаще, стало увеличение свободного времени (21 %), на втором месте – уменьшение цены на билеты (16 %) и только на третьем – наличие театра в месте проживания (10 %). При этом 29 % россиян открыто заявили, что «театр их не интересует, и нет условий, которые бы способствовали его посещению».

Существенные диспропорции отмечаются в численности театров и количестве их посещений в региональном разрезе. По числу посещений театров на 1000 чел. населения в 2012 г. наблюдался разброс значений в 10,6 раз. Минимальное значение данного показателя отмечалось в Чеченской Республике – 35 посещений театров на 1000 чел. населения, в то время как максимальный уровень посещаемости был отмечен в Омской области – 373 посещения на 1000 чел. населения¹⁵.

В региональных лидерах по численности зрителей на 1000 чел. первое место занимает СЗО (на 2012 г. посещаемость была 311 чел. на 1000), на втором месте – ЦФО. Беспрецедентными лидерами по посещаемости являются города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, в которых посещаемость на 1000 чел. составила 603 и 587 чел. соответственно¹⁶.

Такой разброс значений в разных регионах свидетельствует в первую очередь о сильной дифференциации обеспеченности театрами разных населенных пунктов. В настоящее время в России имеют свои театры 18,8 % населенных пунктов, обладающих статусом городских поселений и городских округов (далее – города). Лишь менее чем половине жителей российских городов доступно посещение театра в своем городе¹⁷.

В малых городах России (с численностью населения до 50 тыс. чел.) практически нет театров (12 театров на 637 городов). В средних городах (от 50 до 100 тыс. чел.) имеют свои театры лишь 21,5 %. Из городов с населением от 100 до 250 тыс. чел. имеют театры 65,3 %, от 250 до 500 тыс. чел. – 97,5 % и свыше 500 тыс. чел. – 100 %¹⁸. С 2010 по 2013 г. согласно данным, предоставляемым Министерством культуры РФ, наблюдается некоторое сокращение количества помещений театров, находящихся в неудовлетворительном состоянии, – с 353 до 305 ед. (14 %)¹⁹. Материально-технические

факторы сопровождаются проблемами, связанными с низкой оплатой труда. По данным Министерства культуры РФ в 2001 г. среднемесячная заработная плата театрального персонала составляла 2346 руб., в течение следующих 12 лет отмечается рост заработной платы на 92 %, в 2013 г. она составляет 31 232 руб.

Скудный театральный атлас страны омрачается проблемами, связанными с обеспечением театров помещениями, отсутствием должных материально-технических условий, низким уровнем доходов творческих работников, их оттоком в другие сектора экономики. Все это ведет к понижению социального статуса театра в обществе, потере ценности театрального искусства и кризису в российском театре.

Несмотря на увеличение предложения, выраженного в незначительном, но все же росте числа профессиональных театров и театральных постановок, отмечается низкая посещаемость театров. Для повышения посещаемости россиянами театров необходимо разработать целый комплекс мер. Среди них повышение доступности и качества социальной инфраструктуры, которое предусматривало бы создание разветвленной сети театральных учреждений, особенно в населенных пунктах, плохо или вовсе не обеспеченных этими учреждениями культуры. Далее работа творческого коллектива, итогом которой станет выпуск качественного культурного продукта. Необходимо, с одной стороны, создание материально-технических условий для работы, с другой – повышение кадрового потенциала творческих работников. Другие меры – регулирование ценовой политики, введение льгот на билеты для отдельных социально не защищенных групп граждан, проведение событийных театральных мероприятий (акций и фестивалей). И, наконец, осуществление информационной политики, направленной на повышение популярности культурных ценностей.

Все эти меры в той или иной степени связаны с пересмотром финансирования сферы культуры, взгляда на нее не как на затратную статью расходов, а как на область, способствующую развитию, усилению, консолидации российского общества, цели которого – доступность культурных ценностей, создание единого культурного пространства, интеграция и устойчивое развитие.

Примечания

¹ Сервер отраслевой статистики Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://mkrf.ru/upload/stats-web/index.html#> (дата обращения: 04.10.2014).

² Там же.

- ³ Там же.
- ⁴ Россия в цифрах – 2004, 2008, 2013, 2014. Раздел – Культура, отдых и туризм [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 (дата обращения: 10.10.2014).
- ⁵ Российский статистический ежегодник – 2012 г. 9.5. Театры [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/09-05.htm (дата обращения: 19.12.2014).
- ⁶ Картова Г.Г. Социальное поле культурной политики. М.: Вариант, 2011. С. 91.
- ⁷ Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему / Отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: Либерия, 1998. С. 37.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Доклад Общественной палаты РФ: Культура и будущее России: новый взгляд // Стратегия России. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1203584981&archive=1203585467&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 10.10.2014).
- ¹⁰ Россия в цифрах – 2004 г. Раздел – Уровень жизни населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B04_11/Main.htm (дата обращения: 10.10.2014).
- ¹¹ Общественное мнение – 2013. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2013 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf> (дата обращения: 12.10.2014).
- ¹² Концепция долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г. (Одобрена распоряжением Правительства РФ от 10 июня 2011 г. № 1019-р) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6653307/> (дата обращения: 06.10.2014).
- ¹³ Театральная Россия – 2013 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114166> (дата обращения: 12.10.2014).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013 г. Раздел – Культура и отдых [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_14p/Main.htm (дата обращения: 11.10.2014).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Концепция долгосрочного развития театрального дела...
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Сервер отраслевой статистики Министерства культуры Российской Федерации [Электронный ресурс].

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ*

В статье анализируются данные о возросшей роли социальных медиа в жизни современного общества. Описываются возможности политического и социально-экономического использования их потенциала. Выявляется способность социальных сетей выступать в роли площадки проявления гражданской активности населения, абстрагированной от властной вертикали. Также рассматриваются конкретные примеры гражданских инициатив в социальных сетях как в форме политических протестных объединений, так и в форме организации сообществ, направленных на борьбу с социальными проблемами.

Ключевые слова: социальные медиа, гражданские инициативы, ЖКХ, политическая и социальная роль социальных сетей.

Современный запрос со стороны общества требует методов государственного управления, основанных на открытости, интерактивности и увеличении числа связей между государством и обществом. Одной из составляющих этого процесса стало перемещение публичной политики в сферу Интернета.

Высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) делает возможным активное включение пользователей в гражданскую и политическую активность. Одним из путей проявления гражданских инициатив становятся социальные медиа. Ежемесячно в Интернет в России выходят 71,7 млн чел., из которых социальные сети посещают более 90 %¹ (наиболее популярные – ВКонтакте, Одноклассники, МойМир@mail.ru и Facebook, их месячная аудитория составляет 52,7, 42,6, 30,6, 25,4 млн чел. соответственно). Среди пользователей интернет-проектов наибольшее

количество составляют женщины, а наиболее многочисленной является возрастная категория от 25 до 34 лет. Наибольшая доля приходится на ЦФО – от 27 до 31 % в зависимости от интернет-проекта, меньше всего в Дальневосточном округе – 4–5 %².

Социальные сети предполагают широкие функциональные возможности от комментирования и перепоста информации до возможности объединения в группы для консолидации усилий. Гражданские инициативы, реализуемые в Интернете, часто называют вебактивизмом и электронной или сетевой демократией. Электронная демократия – форма демократии, характеризующаяся использованием ИКТ как основного средства для осуществления коллективных мыслительных процессов, называемых краудсорсингом, и административных процессов (информирование, принятие совместных решений, электронное голосование, контролирование исполнения решений) на всех уровнях – начиная с местного самоуправления и заканчивая международным.

К основным видам гражданских инициатив, реализованных в Интернете, относятся: сервисы «жалоб», которые экономят время потребителей на написание обращений; сервисы, организованные для сбора средств (краудфандинг, т. е. коллективное финансирование); сервисы по сбору открытых данных, онлайн-справочники по разным темам; сервисы для дискуссий. Для гражданских активистов социальная сеть может служить каналом распространения информации, источником для поиска сведений и документов, механизмом привлечения новых активистов, инструментом коммуникации с целевой аудиторией, пространством координации деятельности и межгруппового общения³.

Проявления гражданской активности в сети имеют три вида воздействия на социальную реальность. Во-первых, это ситуация, когда событие не покидает самой виртуальной реальности и проявляется в форме обсуждений и создания общественного резонанса внутри самой сети. Воздействия второго типа приводят к реальным событиям, главная цель которых – последующий резонанс в самой сети. Третий тип воздействия приводит непосредственно к реальной социальной активности. В этом случае обсуждение в сети является средством, а не целью.

Только 8 % граждан относят себя к интернет-активистам против 45 %, которые не проявляют активности в Интернете. Наиболее популярными действиями в сети среди интернет-активистов являются: высказывания по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах – 40 %, посещаемость сайтов партий, общественных (некоммерческих)

организаций, политических лидеров – 35 %, пожертвование денег в благотворительные фонды, незнакомым нуждающимся людям – 28 %, участие в интернет-голосованиях по политическим вопросам – 16 %, размещение на централизованных сервисах информации о местных проблемах (например, свалка мусора, разрушенная детская площадка и т. п.) – 14 %.

Люди, проявляющие гражданскую активность в Интернете, чаще других готовы объединяться для совместных действий – 76 %. Они чаще выражают готовность организовывать общественные мероприятия (29 %) и принимать в них участие (46 %), а также жертвовать деньги на такие мероприятия (46 %). 64 % интернет-активистов уверены, что размещение и обсуждение информации в сети помогают в решении реальных проблем⁴. Интернет трансформируется из дополнительного пространства, в котором граждане объединялись по интересам, в площадку, на которой можно отстаивать свои права и свободы. Наиболее оперативным представляется способ проявления гражданской инициативы в социальных сетях, что обусловлено их огромной аудиторией.

Растущая роль социальных медиа как способа гражданского участия обуславливает необходимость понимания механизмов онлайн-мобилизации и пользовательской активности офлайн, а также роли личности в них. Важным понятием здесь является термин «э-лидерство» (e-leadership), или «онлайн-лидерство». Критериями онлайн-лидерства выступают информационное влияние, наличие подписчиков, функции организатора или модератора онлайн-группы. Для онлайн-лидеров характерны следующие особенности поведения: призывы к участию в митингах (почти в 3 раза больше, чем у контрольной группы), организация сообществ онлайн, высокая частота и активность в использовании социальных сетей, давний опыт в качестве онлайн-пользователя, большое число друзей и последователей онлайн. Также э-лидеры больше размещают посты, чем лайки и репосты, создают проекты в соцсетях (среди контрольной группы наблюдается строго обратная активность), не боятся высказывать непопулярные идеи, комментарии политического содержания. Онлайн-лидеры проявляют себя и в реальной жизни. Для них характерны: опыт проведения офлайн-встреч, организация митингов, осуществление волонтерской деятельности, явно выраженное желание отстаивать свою гражданскую позицию, готовность идти ради этого на риск. Хотя большинство из них и считают себя гражданскими активистами, они не всегда хотят становиться членами политических партий⁵.

Уровень доверия к Интернету впервые превысил уровень доверия к телевидению в первом полугодии 2012 г. – 42,4 % против

41 %. В 2013 г. разрыв в доверии достиг максимума: Интернету доверяли 41,5 %, телевидению – 35,7 %. В первом полугодии 2014 г. Интернет уступил телевидению – 41 % против 42,4 %. Это вызвано падением уровня доверия среди возрастных групп 25–34 лет (здесь доля доверяющих информации в Сети упала с 45 % во второй половине 2013 г. до 39 % в первом полугодии 2014 г.) и 45 лет и старше, чей уровень доверия является самым низким – 35 % во втором полугодии 2014 г. Самый высокий уровень доверия к Интернету свойствен молодому поколению от 10 до 25 лет – 46,5 % во втором полугодии 2014 г.⁶

Генерация контента в классических СМИ составляет 1 млн документов в сутки, контент пользователей (твиты, блоги, форумы, социальные сети, отзывы, комментарии) – 1 млрд в сутки. Для России ситуация выглядит так: 30 млн сообщений в сутки (350 сообщений в секунду); «говорящая» аудитория (хотя бы одно публичное сообщение в месяц) – 35 млн чел. Около 40 % потока составляют репосты новостей, их комментарии, обсуждение общественно значимых событий. Во время резонансных событий (открытие Олимпиады, события на Майдане и т. п.) число обсуждений резко увеличивается⁷. Социальные медиа становятся инструментом гражданского общества и в России.

Социальные медиа выходят на политическую арену, превращаясь в политический инструмент⁸. Сеть выступает в роли не только информационной площадки, но и координатора массовых действий, в том числе и политических движений по всему миру⁹. Можно привести множество примеров: восстания в Молдавии и Иране в 2009 г., «арабская весна», Болотная площадь в России, киевский Майдан, «революция зонтиков» в Гонконге. Их всех объединяет то, что онлайн-сети используются протестующими для самоорганизации, мобилизации и координации совместных действий. Формирование актуальной картины мира в значительной степени происходит при помощи сложившихся «кругов доверия» интернет-пользователей. Эти круги подчас совпадают с границами сетевых сообществ, в которых они состоят. Социальные сети выступают отдельным институтом, который не отождествляется ни с политическими движениями, ни с партиями. У участников сообщества создается иллюзия возможности открытой общественной деятельности, которая не пересекается с «грязной» зоной политики. Интернет-платформа выступает базой создания отдельного публичного пространства.

Огромное количество примеров использования сети как площадки для проявления гражданской активности относятся не только к политической сфере, но и к социально-экономическим сфе-

рам жизни общества. Это привлечение внимания пользователей к случаям врачебной халатности, бюрократического или судебного произвола, к помощи нуждающимся и проблемам в сфере ЖКХ. Практики гражданского участия, которые стали возможны за счет интерактивных коммуникаций, позволяют приобрести российским интернет-пользователям положительный опыт работы на общественное благо, повышают степень их личной ответственности, веру в свою способность оказывать влияние на процессы, происходящие в обществе.

Из различных форм протестных акций наиболее актуальными россияне считают «социальную самозащиту» – отстаивание своих интересов в сфере ЖКХ, труда и зарплаты, борьбу за улучшение материального положения¹⁰. 23 % считали возможными протестные выступления на местах против падения уровня жизни и в защиту своих прав, 67 % – маловероятными. Только 13 % согласились бы принять участие в подобных выступлениях. Возможность политических выступлений признавали 18 %¹¹.

Одним из важных условий развития гражданской инициативы на местном уровне является повышение внимания граждан к сфере ЖКХ. Работу жилищно-коммунальных служб оценили как «очень хорошую» 1 % граждан, «среднюю» – 44 %, «плохую» – 32 %¹². 8 % считают вероятными митинги, связанные с высокими тарифами на услуги ЖКХ, недостатками в работе, и 15 % согласились бы принять в них участие¹³. Решение проблем в процессе управления своими домами способствует объединению граждан, а это является важным ресурсом развития навыков самоуправления. Но в жилищной сфере активность населения по-прежнему находится на низком уровне¹⁴.

Сегодня месячная аудитория сайта «ВКонтакте» достигла 51 201 500 чел., что в два раза больше, чем месячная аудитория «Фэйсбука» в России – 25 418 тыс. чел. Всего по России активных авторов «ВКонтакте» (авторов, которые публикуют хотя бы одно публичное сообщение в месяц) – 17 866 712 (12,46 % от населения страны). Среди них 1 734 319 жителей Санкт-Петербурга (34,49 % от населения региона) и 2 849 889 москвичей (23,79 % жителей города)¹⁵. По запросу «ЖКХ», ограниченному московским регионом, в поиске среди всех видов сообществ в социальной сети «ВКонтакте» выпадает 104 сообщества. Только у шести из них число пользователей превышает тысячу человек. Две группы представляют собой сообщества активистов – это «ТОС Защита прав Власть ЖКХ ТарифНалогДомЗемляМСУ»¹⁶ (далее «ТОС») – 3647 чел. и «Федеральный проект “ВСЕ ДОМА”». Специалисты ЖКХ¹⁷ –

3798 чел. Группа «ТОС» позиционирует себя как общественная инициатива. Модераторы активно участвуют в обсуждениях и формируют новый контент, их личности не раскрываются, для осуществления обратной связи используются «фейковые» страницы; размещены ссылки на страницы прокоммунистических партий, что говорит о левой направленности; группа имеет несколько сайтов в сети, информация на которых периодически обновляется; есть ссылки на группы «ТОС» по городам; публикуется информация о событиях, проводимых офлайн; нет своих страниц в других социальных сетях; среди тем для обсуждения в группе – защита прав граждан, статьи, описание событий офлайн, политические темы, властный произвол. Группа имеет протестную направленность, однако данных о каких-либо организованных массовых выступлениях в реальной жизни нет.

Сообщество «ВСЕ ДОМА» представляет собой федеральный проект, созданный в 2010 г. Оно объединяет тысячи молодых активистов по всей России, готовых участвовать в модернизации сферы ЖКХ, развитии гражданской активности. Проект имеет свой сайт и около 50 страниц в «ВКонтакте», организованных по территориальному признаку. Модераторы группы – реальные люди, они активно формируют новый контент, который преимущественно состоит из новостей о проведении мероприятий. Есть ссылки на мероприятия офлайн, которые носят информационный и обучающий характер. Страница группы размещена в социальной сети «Facebook», на которой присутствует схожий контент.

Среди прочих групп с количеством подписчиков менее 1000 чел. большинство не обновляются более года, никто из участников или модераторов не проявляет активности. Некоторые группы вообще не имеют реальных подписчиков, только «фейковые» страницы, большинство из которых заблокированы. К таким группам относятся пропартийные сообщества «Единой России» и «Яблока», информация на которых не обновлялась ни разу с момента создания. Некоторые сообщества остаются актуальными несмотря на небольшое число подписчиков. Одно из них – группа «ЖКХ Подмосковья», которая координируется правительством Московской области. Сообщество имеет свои страницы в других социальных сетях. Контент группы представлен как публикациями, носящими развлекательный характер (демотиваторы, видео), так и официальными обращениями от имени властных лиц. Присутствуют информационные материалы по теме, призванные помочь жителям региона, актуальные цифры в жилищной сфере, анонсы и отчеты о проводимых мероприятиях. Группа пополняется постами модераторов и комментариями

пользователей. Еще одно сообщество «ЖКХ – Портал о городском хозяйстве»¹⁸ (145 пользователей) – содержит преимущественно информационные материалы. Скорее всего страница создана с целью заработка при помощи рекламы. Вызывают интерес еще две группы: «Городское хозяйство и ЖКХ»¹⁹, «Наш управдом»²⁰. Их объединяет ряд особенностей: небольшое число пользователей и отсутствие их активности, нечастые публикации информационного характера со стороны модераторов, наличие сайта в Интернете. Наиболее обсуждаемые темы – защита прав граждан, тарифы ЖКХ, задолженность по оплате, неправомерные действия управляющих компаний, капитальный ремонт, анонсы предстоящих мероприятий. Все это говорит о недостаточном присутствии и разработанности в сети «ВКонтакте» групп общественных движений в жилищно-коммунальной сфере, невысоком желании пользователей участвовать в обсуждении предложенных тем, низкой активности модераторов групп. Большинство групп носит информационный характер, без оппозиционного настроя. В социальных сетях публикуются анонсы предстоящих и обзоры состоявшихся событий в реальной жизни.

Итак, роль Интернета и социальных медиа сегодня возросла. Использование социальных сетей открывает большие возможности. Наиболее актуальные среди них – возможность осуществлять социальную и политическую деятельность, абстрагируясь от властной вертикали, быстро реагировать на изменяющиеся потребности граждан, влиять на политические и социальные процессы в обществе, пользоваться механизмами обратной связи.

Примечания

- ¹ TNS Web Index: Аудитория интернет-проектов. Результаты исследования: Август 2014 г Россия 0+ [Электронный ресурс] // Сайт TNS-Global. URL: [http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=694&date=2014%2008&arrFilter_pf\[YEAR\]=2014&set_filter=Y](http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=694&date=2014%2008&arrFilter_pf[YEAR]=2014&set_filter=Y) (дата обращения: 05.10.2014).
- ² Социальные сети в России: исследование Mail.Ru Group [Электронный ресурс] // Сайт Mail.Ru Group. URL: <http://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf> (дата обращения: 01.10.2014).
- ³ Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 г. М., 2013. С. 132.
- ⁴ «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 30 июня 2013. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6 %. По заказу ИнФОМ. М., 2013.

- ⁵ Центр Изучения Интернета и Общества, РЭШ. Исследование онлайн-лидерства в социальных сетях. М., 2013–2014.
- ⁶ Synovate Comcon. Данные регулярного исследования «Российский Индекс Целевых Групп».
- ⁷ BrandAnalytics & PalitrumLab. Оперативная социология: исследования (в) социальных медиа. Факты и прогнозы. М., 2014.
- ⁸ *Балуев Д.Г., Каминченко Д.И.* Фактор «новых» средств массовой информации в формировании современного политического индивида // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1 (09).
- ⁹ *Mattoni A.* Media Practices and Protest Politics. Ashgate, 2012.
- ¹⁰ Гражданское общество – ресурс развития России. Аналитический доклад Центра политических технологий. М., 2013. С. 63.
- ¹¹ Протестные настроения россиян [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/22-01-2014/protestnye-nastroeniya-rossiyan> (дата обращения: 30.09.2014).
- ¹² Медицина, образование и ЖКХ в представлении россиян [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/10-09-2013/meditsina-obrazovanie-i-zhkhk-v-predstavlenii-rossiyan> (дата обращения: 29.09.2014).
- ¹³ Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать [Электронный ресурс] // Сайт Фонда общественного мнения. URL: http://fom.ru/posts/11090#tab_03 (дата обращения: 10.10.2014).
- ¹⁴ Общественная палата Российской Федерации. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 г. С. 132.
- ¹⁵ BrandAnalytics & PalitrumLab. Оперативная социология.
- ¹⁶ Группа «ТОС – Территориальное Общественное Самоуправление» [Электронный ресурс] // Сайт «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/tosinfo> (дата обращения: 01.10.2014).
- ¹⁷ Группа «Федеральный проект “ВСЕ ДОМА”. Специалисты ЖКХ» [Электронный ресурс] // Сайт «ВКонтакте». URL: http://vk.com/vse_doma_su (дата обращения: 01.10.2014).
- ¹⁸ Группа «ЖКХ – Портал о городском хозяйстве» [Электронный ресурс] // Сайт «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/jkhportal> (дата обращения: 01.10.2014).
- ¹⁹ Группа «Городское хозяйство и ЖКХ» [Электронный ресурс] // Сайт «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/club71830607> (дата обращения: 01.10.2014).
- ²⁰ Группа «Наш управдом» [Электронный ресурс] // Сайт «ВКонтакте». URL: <http://vk.com/club78645562> (дата обращения: 01.10.2014).

ПАРАДОКСЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ В РЕГИОНЕ

Динамичное экономическое развитие региона, активное формирование новых рабочих мест не гарантируют баланса в сфере трудовых отношений. На примере Калужской области в статье проведен социологический анализ структуры занятости населения, обнаружены основные проблемы рынка труда в условиях меняющихся экономических условий.

Ключевые слова: занятость населения, социально-экономическое развитие региона, региональный рынок труда.

Проблема занятости населения на сегодняшний день представляется особенно актуальной в региональном аспекте в связи с делегированием полномочий в сфере управления местными рынками труда на уровень субъектов страны. Ситуация на региональном рынке трудовых ресурсов складывается под влиянием множества факторов, одними из самых влиятельных становятся динамика экономического развития и успешность инвестиционной политики. Калужская область является примером активной деятельности местных властей: около 70 проектов в области реализуется на территории десяти индустриальных парков, объем прямых инвестиций на душу населения по сравнению с 2006 г. вырос в 10 раз. Ежегодно создаются новые предприятия инновационной инфраструктуры, в том числе при участии иностранных инвесторов. Но такой положительный экономический фактор, как близость Калужской области к Москве, актуализирует проблему трудовой миграции. Успешны ли власти «передового» региона в решении задач по содействию занятости?

Из общей численности населения региона к экономически активному населению относится 541 тыс. чел., 5 % из которых состав-

ляют безработные. Общая численность безработных после кризисных 2009–2010 гг. с каждым кварталом уменьшается¹. Уровень занятости в регионе составляет 67,5 % (в России – 64,7 %)². Самые распространенные виды экономической деятельности: обрабатывающие производства, торговля, строительство, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. Среднегодовая численность занятых в экономике по вышеперечисленным сферам деятельности (за исключением торговли) за последние несколько лет активного инвестиционного развития области увеличилась на 10 %. Можно отметить положительное влияние инвестиционной политики властей, строительства новых предприятий: значительно возросла численность занятых в иностранных или совместных российских и иностранных компаниях.

Уровень регистрируемой безработицы в Калужской области составляет 4,8 % (в среднем за июнь–август 2014 г.)³, являясь средним показателем на фоне регионов ЦФО. В регионе насчитывается 25 центров занятости населения. В государственных службах занятости зарегистрировано 15 % граждан от числа безработных (на конец марта 2014 г. это 3,4 тыс. чел.). Показатель численности студентов, учащихся, пенсионеров среди общего числа безработных с 2006 г. снизился на 10 %⁴. С 2006 г. число обращений в службы занятости снизилось, эффективность работы за данный период (отношение числа трудоустроенных к числу обратившихся) упала на 17 %⁵. Значительный рост количества обращений наблюдался в 2009 г., что связано с финансово-экономическим кризисом. Одновременно среди обратившихся было зафиксировано наибольшее число пенсионеров, высокие показатели численности занятых трудовой деятельностью, т. е. намеренных сменить место работы, получить другую специальность, что также объясняется влиянием кризиса на структуру занятости.

В современном российском обществе основными способами трудоустройства для безработных становятся в первую очередь связи, помощь друзей и знакомых, поиск вакансий в Интернете. В августе 2014 г. 71 % безработных предпочли не обращаться в службу занятости⁶. Для Калужской области данная тенденция также актуальна. В службу занятости населения Калужской области в январе–июне 2014 г. обратилось около 15 тыс. чел., лишь четверть из них были зарегистрированы в качестве безработных. Большая часть населения пользуется услугами, связанными с профконсультированием, – на первый план выходит информационная функция службы занятости⁷. Около 50 % людей, обращающихся в службу занятости, относятся к возрастной группе от 14 до 29 лет⁸. Действи-

тельно, без связей и опыта работы устроиться самостоятельно – сложная задача. За последнее десятилетие учащихся, ищущих работу в свободное от учебы время, стало меньше. Среди них, а также среди ищущих работу впервые, процент успешно трудоустроенных в области довольно высок. Но в 2006 г. на работу устраивались 90 % обратившихся, теперь показатель снизился на 13 %. Это объясняется, во-первых, разбалансированностью спроса и предложения на рынке труда, т. е. вакансии, предлагаемые службой занятости, не всегда отвечают интересам граждан. Во-вторых, все чаще работодатели требуют наличия опыта у соискателя. Обращаются в государственные учреждения, в первую очередь, выпускники школ и профессиональных учебных заведений, что подтверждается данными о распределении общей численности безработных по уровню образования. Среди женщин выше процент безработных с высшим профессиональным образованием (от 20 до 27 %). Это связано с определенными сложностями при возвращении на рынок труда после отпусков по уходу за детьми. Женщины чаще обращаются за помощью в поиске работы.

Потребность в кадрах, заявляемая работодателями, с каждым годом растет. За первое полугодие 2013 г. этот показатель вырос на 35 %, превышая спрос на вакансии. Инвестиционные амбиции области позволяют прогнозировать появление новых производственных предприятий, следовательно, кадровый дефицит будет увеличиваться (в первую очередь речь идет о рабочих). Наряду с вакансиями на производстве самыми востребованными являются специалисты в сфере торговли и логистики.

Проблема нехватки кадров частично решается региональными властями с помощью привлечения иностранных граждан с визовым порядком въезда из стран, являющихся инвестиционными партнерами области. К ним относятся Германия, Франция, Китай, Вьетнам. Квоты на использование иностранной рабочей силы устанавливаются на основе запросов работодателей и определяются специальной межведомственной комиссией. Показатели по квотам постепенно снижаются, но реализуются они в полной мере, так как низкий уровень заработной платы неквалифицированных работников не устраивает жителей области, а уровень подготовки высококвалифицированных кадров часто не соответствует требованиям работодателей. В 2013 г. квалификационный состав иностранных работников выглядел так: квалифицированные рабочие – 55,5 %, неквалифицированные рабочие – 30,7 %, специалисты – 6,3 %, руководители – 4,3 %, служащие – 1,4 %, работники сферы обслуживания – 1,7 %⁹.

Значительная часть привлекаемых работников – жители стран СНГ, имеющих безвизовый режим с Российской Федерацией. Основной на данный момент является потребность в высококвалифицированных кадрах (особенно инженерных). Это специалисты, приезжающие из Франции, Германии, Вьетнама. Очевидно, что акцент на зарубежные рабочие ресурсы должен рассматриваться как временная мера. В связи с потенциальной конкуренцией важно обеспечить приоритетное право калужан на рабочие места. Одним из организационных решений проблемы станет участие представителей муниципальных органов власти в формировании квоты. Метод квотирования имеет издержки: работодатель не всегда может заранее с точностью оценить потребность в работниках. Процедура корректировки квоты на текущий год обнаруживает недостаточную гибкость системы. «Нужно избежать, к примеру, случаев, когда организация делает заявку на 400 иностранных граждан, а затем предоставляет их еще кому-то в качестве услуги»¹⁰. Совершенствовать механизм квотирования нужно, с одной стороны, учитывая интересы работодателей, а с другой – права местных жителей. Искусственное снижение квот может привести к большему росту нелегальной миграции.

Моделирование условий для роста кадрового потенциала региона предполагает наращивание образовательной инфраструктуры для Калужской области, не располагающей достаточным разнообразием направлений обучения. К «первой волне» инвесторов Калуга была готова благодаря существованию филиала МГТУ им. Баумана. Для того чтобы в быстром темпе сориентировать образовательную сферу на потребности экономики, в регионе использовались принципы дуального обучения, предполагающие практику на производстве¹¹. Подобный центр подготовки кадров уже функционирует и для автопрома формируется для нового фармацевтического кластера. Но условия для подготовки специалистов в сфере фармацевтики и биомедицины в регионе еще не созданы. Планируются сотрудничество с мировыми научно-исследовательскими центрами по созданию общих обучающих программ и студенческому обмену, заключение соглашения с МГУ им. М.В. Ломоносова о целевом наборе, развитие факультетов соответствующей направленности в калужских вузах¹². В идеале инициатива по налаживанию сотрудничества должна исходить как от представителей бизнеса, так и от образовательных учреждений Калуги. Задача реформирования образовательной инфраструктуры не предполагает мгновенных результатов, на данный момент власти региона озадачены привлечением «готовых» специалистов из других субъектов страны.

Появление в Калужской области предприятий иностранных компаний подняло на новый уровень не только культуру производства, но и образ рабочего. Проблема дисбаланса спроса на рабочие специальности со стороны работодателей и перенасыщения рынка труда выпускниками с высшим образованием – проблема общероссийская. В регионе рассматриваются меры по установлению минимального значения заработной платы для неквалифицированных рабочих, что должно в некоторой степени реабилитировать престиж рабочих специальностей. Тем не менее одной зарплатой престиж профессии не поднять. На европейских заводах достойные условия труда, но стереотип в сознании жителей сильнее. «Исторические» калужские заводы, с трудом пережившие переход к рыночной экономике, дают пласт работников, не заинтересованных в высокопроизводительном труде. Проблема скорее не в финансировании, а в феномене скрытой безработицы, что негативно сказывается на имидже рабочих специальностей. Чтобы вызвать интерес к создаваемым рабочим местам, стимулировать сокращение трудовой миграции молодежи в Москву, необходимы комплексные меры. Ведь для молодых людей важно все: начиная от возможности стажировок, предлагаемых компанией, и заканчивая культурно-развлекательной инфраструктурой города. Крайне важным фактором представляется обеспечение жильем (например, выгодные условия ипотеки с участием предприятия), дающее ощущение социальной защищенности и внимания со стороны органов власти.

Большое значение имеет своевременная профессионально-ориентационная и информационная работа со школьниками. Чтобы соответствовать региональной реальности, биржа труда должна не только принимать в своих стенах обратившихся граждан, но и занять более активную позицию. Несмотря на успешность экономической политики и активность в инвестиционной деятельности, в Калужской области существуют проблемы в сфере занятости населения. Наиболее острые из них – отток значительной части трудовых ресурсов в Москву, дисбаланс «белых» и «синих» воротничков, дефицит высококвалифицированных кадров. Низкий уровень безработицы на фоне других субъектов страны – отнюдь не главный показатель, характеризующий благополучие сферы занятости населения. За такой логичной дефиницией, как «новые предприятия – новые рабочие места для калужан», скрываются подводные камни несоответствия спроса и предложения трудовых ресурсов, острая потребность в развитии образовательной инфраструктуры,

сложности адаптации западных инвесторов к российскому менталитету и особенностям законодательства. Динамика развития новых кластеров производства положительно влияет на сферу занятости населения, тем не менее во многих аспектах рынок труда просто не успевает подстраиваться под стремительно меняющиеся условия. Поэтому руководству области предстоит планомерная работа по сохранению баланса самых важных сфер общественно-экономических отношений.

Примечания

- ¹ Ситуация на региональном рынке труда в I квартале 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал органов власти Калужской области. URL: <http://www.admoblkaluga.ru/main> (дата обращения: 24.08.2014).
- ² Уровень занятости населения по полу и виду поселения. Табл. 6.6 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_30/Main.htm (дата обращения: 25.08.2014).
- ³ Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2014 г. (по итогам обследований населения по проблемам занятости) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/196.htm (дата обращения: 27.08.2014).
- ⁴ Аналитическая и статистическая информация / Министерство труда, занятости и кадровой политики Калужской области [Электронный ресурс] // Официальный портал органов власти Калужской области. URL: <http://www.admoblkaluga.ru/sub/trud/analitika/> (дата обращения: 27.08.2014).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2014 г. ... [Электронный ресурс].
- ⁷ Основные показатели рынка труда Калужской области в январе – июне 2014 г. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Калужской области. URL: http://kalugastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/kalugastat/ru/statistics/employment/ (дата обращения: 22.08.2014).
- ⁸ Аналитическая и статистическая информация... [Электронный ресурс]. Далее анализируются указанные статистические данные.
- ⁹ В Калужской области квоты на иностранных работников ежегодно сокращаются. 2013 [Электронный ресурс] // Информационное агентство Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1644362.html#ixzz2xTdNcuAx> (дата обращения: 25.08.2014).

- ¹⁰ Потенциал области: возможности калужан // Журнал «Служба занятости». Региональный обзор: Калужская область. 2012. № 10. С. 20. URL: <http://www.admoblkaluga.ru/upload/mintrud/smi/slzan.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).
- ¹¹ Рынок труда: образование и развитие // Вестник Калужской области: Инвестиции. Инновации. Инфраструктура. 2013. № 3. URL: http://invest.kaluga.ru/files/uploads/files/vestnik_june_2013_OBRAZOVANIE.pdf (дата обращения: 20.09.2014).
- ¹² Постановление Правительства Калужской области от 20 сентября 2013 г. № 488 «О программе развития инновационного кластера “Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины” в Калужской области» // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/15940529/#ixzz3FabbG82o> (дата обращения: 22.08.2014).

И.В. Василевская

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается процесс трудовой миграции в рамках политики Союзного государства России и Беларуси. Представлены аспекты взаимодействия и интеграции трудовых мигрантов из Республики Беларусь в современное российское общество. Приведен краткий анализ законодательной базы, регулирующей отношения между этими странами на рынке труда.

Ключевые слова: трудовая миграция, Союзное государство России и Беларуси, постсоветское пространство, управление миграционными процессами, интеграция трудовых мигрантов, белорусские иммигранты, российское общество.

На рубеже последних тысячелетий миграционные процессы становятся важной составляющей глобальных изменений в мире. В миграции включается все большее количество людей разного возраста, конфессиональной и этнокультурной принадлежности, уровня профессиональной и образовательной подготовки. Распад Советского Союза, постперестроечный кризис в стране, а также ряд других причин обусловили появление новых миграционных тенденций. Наиболее значимым и масштабным явлением на территории постсоветского пространства стала трудовая миграция. Этот процесс представляет собой многогранное явление, а его интенсификация оказывает неоднозначное влияние на ряд показателей внутригосударственного устройства и развития.

Значительный обмен трудовыми мигрантами в настоящее время осуществляется между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Характер миграционных процессов между белорус-

ским и российским государствами определяется особенностями исторического, социально-экономического и культурного развития сторон, тесными родственными и дружескими связями, сложившимися на протяжении многих веков. Местное русское население, как правило, не воспринимает белорусов в качестве иной этнической группы. В свою очередь, трудовые мигранты, особенно те, кто находится постоянно или длительное время на территории России, в значительной степени сами воспринимают себя россиянами и русскими. Белорусы даже в случае временной трудовой миграции быстро интегрируются в принимающее российское общество и создают широкие социальные связи. Во многом этому способствует отсутствие языкового барьера.

На основании результатов ряда исследований можно выделить факторы, которые оказывают влияние на миграционные настроения у белорусских граждан¹: желание улучшить свое материальное положение (46,5 %); желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (42,7 %); желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (31,5 %); усталость от нестабильной, непредсказуемой жизни (16,9 %); желание заработать капитал для своего дела (16,1 %). Таким образом основным мотивом миграционного поведения белорусских граждан являются причины экономического характера. При этом 51,0 % желающих выехать с целью заработка оценивают материальное положение своей семьи как среднее, а 4,8 % считают материальное положение своей семьи хорошим.

Начало активных миграций экономической направленности с территории белорусских земель в Россию можно отнести к периоду рубежа XIX–XX вв. Первую волну миграции белорусского населения следует обозначить периодом до начала Первой мировой войны. В это время по экономическим причинам (безземелье, безработица) в Сибирь из Беларуси переселилось более 700 тыс. чел., преимущественно крестьян. Вторая массовая волна мигрантов с территории нынешней Беларуси была вызвана Первой мировой войной и революцией 1917 г., а также германской и польской оккупациями страны. Согласно исследованиям, на май 1918 г. на территории России находилось более 2 тыс. беженцев из Беларуси, наибольшее число которых обосновалось в Москве².

По ряду причин мигранты из Беларуси современной статистикой трудовой миграции не учитываются. Во-первых, Договор о создании Союзного государства России и Беларуси от 8 декабря 1999 г. предоставляет равные права гражданам обоих государств на территории государств – участников Договора.

На протяжении последних десятилетий между Белоруссией и Россией велась работа по заключению соглашений, направленных на формирование общего рынка труда, создание правовых, экономических и организационных условий для перехода к свободному перемещению и интеграции рабочей силы, обеспечение оплаты труда и иных социальных гарантий работникам. В связи с этим белорусские мигранты освобождаются от получения разрешений на работу на территории РФ. Во-вторых, основанием для преференций в сфере трудоустройства белорусских граждан на российской территории является членство Республики Беларусь в Таможенном союзе (ТС) России, Беларуси и Казахстана, созданном 19 декабря 2009 г. С 1 июня 2011 г. Таможенный союз трех стран начал функционировать официально. На сегодняшний день между государствами ТС сформирована договорная база, предоставляющая широкие права в сфере трудовой миграции³.

Наибольшее количество трудящихся-мигрантов с территории современной Беларуси представлено жителями г. Минска, Могилевской и Гомельской областей (около 70 % от общего числа выездов в 2009–2012 гг.). По статистике, как по официальным данным, так и по экспертным оценкам, количество выезжающих в Россию с целью трудоустройства составляет 85–90 %. При этом если в 2011 г. число официально подписанных договоров и контрактов составляло около 5 тыс., то в 2012 г. их число превысило более 6,5 тыс. Среди общего количества трудовых мигрантов в каждом случае преобладающую часть составляют мужчины – более 4 тыс. чел. (79,8 %) и более 5 тыс. (75,4 %) – соответственно по годам⁴.

Анализ возрастной структуры трудовых мигрантов из Беларуси показывает, что основную часть составляют молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет, из них 66,6 % девушки. Далее следует категория в возрасте от 40 до 44 лет, за ней граждане от 25 до 29 лет. При этом характерна тенденция снижения доли женщин по отношению к доле мужчин. В категории 25–29 лет женщины составляют уже лишь $\frac{1}{3}$ от выезжающих мужчин.

По образовательному уровню среди мигрантов преобладают граждане, имеющие общее среднее образование. Так, на период 2010–2011 гг. их показатель составлял 61,9 %. Выезжающие со средним специальным образованием на этот момент составляли 29,5 %, а с высшим – 5,3 %⁵.

По профессиональной сфере трудящиеся-мигранты из Беларуси на территории РФ на период 2011 г. были представле-

ны следующим образом: квалифицированные рабочие – 46,4 %, рабочие сферы обслуживания – 23,2 %, представители рабочих специальностей – 22 %, рабочие, занятые в сфере сельского хозяйства, – 6,9 %, руководители – 1,5 %. Отмечается снижение количества трудовых мигрантов на период 2012 г.: квалифицированные рабочие – 28,8 %, рабочие сферы обслуживания – 19,9 %, представители рабочих специальностей – 22 %, руководители – 0,6 %. По срокам заключенных договоров и контрактов преобладают краткосрочные, составляющие рабочий период до 6 месяцев (более 86 %). Следует отметить, что среди представителей руководящих должностей самым крупным потребителем белорусской рабочей силы является Московский регион, привлекающий высокой заработной платой и карьерными возможностями. Как правило, на переезд в Москву с целью трудоустройства и значительного повышения собственного дохода готовы 7 % представителей высшего менеджмента⁶.

Немаловажным фактором в побуждении к трудовой миграции является и социально-экономическое положение страны. Как хорошее его оценивают 2,6 % потенциальных мигрантов, как среднее – 0,9 %.

По данным мониторинга Института социологии НАН Беларуси только около 6 % граждан хотели бы выехать за границу на постоянное место жительства, что свидетельствует о низком потенциале внешней миграции населения республики. Граждане Беларуси, как правило, предпочитают эмиграции временную трудовую миграцию.

Социальный портрет потенциального трудового мигранта, имеющего намерение выехать на временную или/и постоянную работу за границу, в частности в Россию, можно представить следующим образом. Мужчина 30–49 лет, с законченным средним или средним специальным образованием, рабочий, не состоит в браке, детей не имеет. Материальное положение семьи среднее, но имеющее тенденцию к ухудшению. К тому же неудовлетворенность имеющейся на данный момент работой побуждает искать возможности улучшения положения, в том числе и через поиск работы за пределами собственного государства.

Таким образом, на основе обобщений можно отметить, что трудовая миграция из Беларуси в Россию представляет собой интерактивный, тонкий и многообъемлющий процесс, значение которого часто недооценивается властями и средствами массовых коммуникаций и искажается в общественном представлении. Оказывая значительное влияние на развитие социаль-

но-экономической структуры обоих государств, численность и качество населения, миграционные процессы становятся важным фактором государственного и общественного развития и предполагают комплексную и эффективную миграционную политику, которая способна отвечать долгосрочным и перспективным тенденциям в данном направлении на международном уровне.

Примечания

- ¹ *Шахотько Л.П.* Миграционные процессы в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: http://ecsocman.hse.ru/data/432/137/1231/011_shahotko_dubl.pdf (дата обращения: 15.10.2014).
- ² *Снатковский В.Е.* Белорусская эмиграция [Электронный ресурс] // Всеукраинский союз белорусов. URL: http://www.belukrresurs.org/index.php?option=com_content&view=article&id=184:q-q--&catid=35:stati&Itemid=53 (дата обращения: 12.09.2014).
- ³ *Василевская И.В.* Проблемы управления процессами трудовой миграции в условиях обеспечения национальной безопасности России // Вестник РГГУ. 2013. № 6 (107). Серия «Управление». С. 97–104.
- ⁴ *Шахотько Л.П.* Указ. соч.
- ⁵ По данным МВД Республики Беларусь.
- ⁶ Там же.

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ МОСКВЫ*

В статье рассматривается отношение студенческой молодежи г. Москвы к трудовым мигрантам, проживающим и работающим в столичном регионе, анализируются этнические и межнациональные установки в сознании молодежи за последние годы.

Ключевые слова: молодежь, межэтнические отношения, трудовые мигранты.

Данные опросов общественного мнения подтверждают ухудшение межнациональных и межэтнических отношений в обществе. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2008 г. в России наблюдается стабильное ухудшение межнациональных отношений. В 2013 г. почти половина наших сограждан (49 %) выразили обеспокоенность ростом напряженности и нетерпимости в этой сфере (для сравнения, в 2006 г. так ответили 36 %). В свою очередь, 39 % россиян высказали мнение, что межнациональные отношения никак не изменились и остались на прежнем уровне. Лишь 9 % участников опроса полагают, что они стали более терпимыми¹.

В структуре межэтнических, межнациональных отношений отдельное место занимает отношение к трудовым мигрантам, проживающим в столичном регионе. В настоящий момент трудовая миграция граждан ближнего и дальнего зарубежья на территорию России является постоянным и объективным фактом сегодняшних реалий. Москва держит первое место по числу трудовых мигрантов. По сведениям отдела адресно-справочной работы и информационных ресурсов Управления ФМС по г. Москве, население Москвы

по состоянию на 1 января 2014 г. составляло 9 509 075 чел., что на 0,7 % больше аналогичного периода прошлого года².

Москва и Московская область сегодня и на перспективу остаются самыми привлекательными в миграционном отношении благодаря своему социально-экономическому потенциалу и более широким по сравнению с другими регионами возможностям трудоустройства. Согласно данным УФМС г. Москвы, в 2014 г. на миграционный учет было поставлено 1 361 000 мигрантов³. По итогам работы за 2013 г. в рамках утвержденной квоты оформлено 213 157 разрешений на работу (в 2012 г. – 188 919 +12,8 %), что составило практически 98,9 % от установленной квоты, из них 193 314 – иностранным гражданам, прибывшим в безвизовом порядке, 19 843 – прибывшим в визовом порядке⁴. Таким образом, достаточно большая часть мигрантов заполняет сектор московской экономики. Несмотря на это в сфере трудовой миграции существует и ее нелегальная часть, где недобросовестный бизнес активно использует труд незаконных мигрантов. Сложная ситуация с незаконной миграцией влияет на состояние межнациональных отношений, способствует росту экстремистских проявлений, создает серьезную угрозу общественной безопасности.

По данным исследования, проведенного Центром межнациональных и межрелигиозных проблем Минобрнауки РФ и РАН, значительная часть студенческой молодежи Москвы имеют негативные установки в отношении трудовых мигрантов. Только 10 % считают, что России нужны все виды трудовых мигрантов; 33 % выбрали противоположный ответ («никакие трудовые мигранты не нужны России»); 28 % считают, что «необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются к себе домой»; 15 % полагают, что «необходимы лишь те мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, которые пытаются интегрироваться»; остальные затруднились с ответом на этот вопрос.

25 % студентов высказали мнение, что мигранты «не уважают традиции, язык местных жителей, и это порождает конфликты»; 29 % согласились с суждением о том, что мигранты «делают работу, на которую не соглашается местное население»; 20 % полагают, что мигранты «малоквалифицированы, выполняют работу, не имея компетенции и опыта»; 9 % считают, что «мигранты отнимают рабочие места у местного населения»; 6 % выбрали ответ «они берут под свой контроль, захватывают целые сферы российской экономики», а 3 % и вовсе считают, что мигранты «привносят архаичные нормы и жизненные ценности, чрезмерный религиозный и нравственный фундаментализм».

Среди положительных оценок и суждений в отношении мигрантов можно выделить следующие: «они вносят разнообразие в культуру России» (4 %); «они поднимают те сферы экономики, которые в России в последние годы находились в упадке» (3 %); «они укрепляют семейные и нравственные ценности (уважение к старшим, религиозность, неприятие чрезмерного потребления алкоголя)» (1 %); «они обладают высокой квалификацией и обширными навыками, хорошо делают свою работу» (менее 1 %).

В ответах на вопрос об основных источниках информации о живущих в России трудовых мигрантах самыми популярными ответами стали: «личные наблюдения и оценки» (более трети опрошенных респондентов – 34 %), «Интернет» (18 %), «телевидение» (10 %), «общение с представителями этнических групп» (9 %), «материалы газет и других периодических изданий» (8 %).

Вероятно, тот факт, что личные наблюдения и оценки стали самым упоминаемым источником информации о проживающих в России трудовых мигрантах, может косвенным образом свидетельствовать о том, что данная социальная группа становится все более распространенной и социально идентифицируемой для окружающих, а ее поведенческие и культурные проявления – все более заметными для остального населения. В высказываниях респондентов преобладают пренебрежительная негативная оценка трудовых мигрантов – менее 1 % опрошенной молодежи рассматривает мигрантов как высококвалифицированных специалистов. В сознании российской молодежи в основном распространено мнение о трудовых мигрантах как о низкоквалифицированной рабочей силе, которая выполняет те виды работ, от которых отказывается местное население. Более того, ряд респондентов убеждены, что мигранты отнимают рабочие места у коренного населения и захватывают целые сферы общественной жизни и экономики. Более трети опрошенных считают, что российская экономика может обойтись без труда мигрантов.

Многие видят в мигрантах источник конфликта, нежелание вписываться в обычаи и традиции общества, в котором они живут. Возникающая культурная дистанция во многом определяется тем, что большее число мигрантов прибывает из стран с иной культурной и религиозной традицией, отличной от России. Это этнокультурное различие является одной из базовых причин недовольства в отношении мигрантов со стороны московских студентов. Мнения о первоочередной важности именно культурных расхождений между коренным населением и мигрантами придерживаются многие зарубежные и отечественные ученые. Наиболее значимые конфликты будут разворачиваться между нациями и группами, при-

надлежащими к разным цивилизациям (культурным общностям высшего ранга, определяемым такими чертами, как язык, история, религия, обычаи, институты, самоидентификация)⁵.

Более того, в трудовых мигрантах, значительная часть которых является выходцами из Кавказа и Азии, молодежь все чаще видит опасность и угрозу безопасности. Более половины опрошенных (55 %) согласны с утверждением о том, что «представители отдельных национальностей действительно более склонны к совершению преступлений»; четверть респондентов считают, что «эту точку зрения распространяют те, кто хочет спровоцировать межнациональные конфликты в России»; 5 % респондентов полагают, что «это выдумки СМИ, которые гонятся за громкими сенсациями»; 8 % опрошенных затруднились с ответом на вопрос. Среди респондентов, выбравших ответ «Другое», чаще всего присутствовали следующие варианты высказываний: «нет плохих национальностей, есть плохие люди», «стереотипы», «некоторые религии поощряют насилие», «отсутствие адаптации».

Эти данные созвучны с результатами исследования «Политическое сознание россиян 25 лет спустя», являющегося частью проекта «Жизненный мир Россиян»⁶, проведенного Институтом социальных исследований и социологическим факультетом РГГУ.

В 2013 г. 62,9 % респондентов молодежной группы (от 18 до 24 лет) на вопрос о том, от кого в первую очередь может исходить угроза конфликтов и беспорядков в стране, ответили: «от националистических группировок». Именно в группе респондентов молодого возраста этот процент наиболее высок, и по всей совокупности число выбравших данный вариант ответов составило 57,6 %.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время националистические суждения серьезно «выросли» в массовом сознании молодежи, что признается одной из первоочередных проблем, которая может привести к конфликтам и угрожать безопасности страны.

Примечания

¹ Межнациональные отношения в России: Мониторинг [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114690> (дата обращения: 14.09.2014).

² Доклад о результатах и основных направлениях деятельности управления Федеральной миграционной службы по городу Москве на 2014 г. и плановый

период 2015–2016 гг. С. 14 [Электронный ресурс] // Сайт Управления Федеральной миграционной службы по г. Москве. URL: <http://www.fmsmoscow.ru/files/drond-2014.doc> (дата обращения: 14.09.2014).

- ³ Официальные статистические данные о деятельности УФМС России по г. Москве: Статистические данные за прошлые периоды. Данные за 2010 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г. // Сайт Управления Федеральной миграционной службы по г. Москве. URL: <http://www.fmsmoscow.ru/ufms/stat/> (дата обращения: 14.09.2014).
- ⁴ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности... С. 21 [Электронный ресурс].
- ⁵ *Маликова Н.Р.* Социальное конструирование интеллекталами этноконфессиональной идентичности // *Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора.* М.: РГГУ, 2011. С. 498.
- ⁶ Опрошены 1200 человек в возрасте 18 лет и старше в 15 субъектах РФ по выборке, репрезентирующей работников основных видов экономической деятельности, занятых на предприятиях различных форм собственности. Опрос проведен с 18 по 25 октября 2013 г. в Краснодарском, Ставропольском краях, Амурской, Архангельской, Белгородской, Иркутской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Челябинской областях, в Москве и Санкт-Петербурге. Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от общего количества опрошенных.

С.Н. Майорова-Щеглова

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА «ТАЙНЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ»: ОСОБЕННОСТИ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Описаны этапы подготовки и проведения внешней аудиторской оценки деятельности социальных учреждений с помощью исследователей в роли обычных клиентов. Методика сбора и анализа информации проиллюстрирована примерами конкретных исследований. Обоснована необходимость использования методики в мониторинговом режиме.

Ключевые слова: экспертная оценка, мониторинг, критерии и показатели качества обслуживания, социологический метод, социальные службы, социальное обслуживание.

Целью предлагаемой методики является проведение сравнительной оценки нескольких отделений или организаций по критериям открытости, полноты, доступности информирования населения о возможностях и приоритетных направлениях социальной деятельности, а также о перспективах развития социального сектора поддержки разных слоев населения.

Обычная проверка осуществляется силами внутренних и внешних официальных аудиторов. Главными преимуществами внутренних специалистов выступают глубокое знание специфики организации и экономичность экспертизы. Внешний специалист не укоренен в организации, беспристрастен, объективен, способен взглянуть на ситуации и проблемные точки со стороны, однако известен персоналу, и поэтому возможна особая «самопрезентация под проверяющего». Идеальным взаимодополняющим вариантом, на наш взгляд, является совместная работа аудиторов и «тайных посетителей».

Предлагаемый метод позволяет оценить различные аспекты деятельности учреждения с точки зрения реального потребителя,

в качестве которого выступает специально сформированная и обученная группа потенциальных клиентов социальных служб. Используя «тайного посетителя», можно узнать: как знают сотрудники предмет своей деятельности; насколько хорошо сотрудник раскрывает преимущества именно своего учреждения, объединения; умеет ли он слушать и слышать клиентов разного возраста и статуса, как разговаривает по телефону и при личной встрече; соблюдаются ли принятые нормы и процедуры в отсутствие руководства, так как предполагаются секретность и неожиданность проверки; правильно ли оформляются документы; какое субъективное впечатление остается у клиента после обращения, уровень открытости, доступности, полноты информации.

В качестве «тайных посетителей» могут выступить студенты старших курсов социологического факультета или факультета социальной работы; необходимы их обучение, инструктаж по специфике деятельности, краткий тренинг. Но когда речь идет о старших возрастных группах, потребуются привлечение других лиц (специалисты-социологи или активисты общественных организаций пенсионеров, инвалидов).

Проведение одновременного исследования во всех структурных подразделениях должно проходить в течение 5–7 дней с целью нераспространения информации о данной акции. Сбор информации и ее фиксация возможны в различных формах: аудиозапись телефонных переговоров, запись непосредственно при контакте, заполнение анкет после посещения. Возможно проведение исследования в заочном режиме: например, одновременно во все сравниваемые отделения можно направить письма-просьбы от имени «тайного посетителя» и фиксировать наличие/отсутствие ответа, звонка, посещения, эффективность обращения и т. п.

На первом этапе предполагается общее ознакомление со спецификой работы каждого исследуемого структурного подразделения. Собирается информация об учреждении в Интернете, из местной прессы, с помощью информационных стендов в районе. Уточняют на карте точный адрес, как проехать, время работы. То есть «тайные посетители» уже на этом этапе действуют как обычные жители, заранее готовят инструментарий – блокнот, планшет или иное для записи.

Затем следует составление ролевого сценария: перечня вопросов для обязательного изучения с учетом специфики деятельности каждого структурного подразделения и для полной реализации целей исследования. Только затем исследователи посещают учреждения, фиксируют все интересующие данные. В случае необходимости повторно проводят посещение (например, если отсутствовал

необходимый специалист, если не успели рассмотреть все необходимые наглядные информационные материалы, не смогли в первый день сделать фото).

Приведем пример организации такого обследования. Для проведения экспертизы «тайными посетителями» во время тренинга был разработан ролевой сценарий. «Тайные посетители» в роли друга/подруги студенческой семьи, состоящей в гражданском (т. е. незарегистрированном) браке, должны обратиться за консультацией к работникам Управления социальной защиты населения (УСЗН). По придуманному сценарию студентка-девушка узнала, что беременна, и пара стоит перед выбором, сохранять беременность или отказаться от рождения ребенка. Основная цель интервьюера – собрать для них полную информацию о материальной и иной помощи, которую данная семья может получить в случае рождения ребенка. Готовящиеся к проведению исследования студенты составили для себя заранее 4–5 вопросов, которые они впоследствии задавали сотрудникам конкретной службы.

При подготовке студенты должны были соблюдать определенные правила: придуманная «легенда» о семье и ее ситуации должна звучать правдоподобно и убедительно. Ролевой сценарий представлял собой собирательный образ, в котором должны быть отражены особенности друзей и знакомых интервьюера, а также уклад и режим жизни студенческих семей. При самом проведении интервью-распроса важно наладить диалог с респондентом – работником службы: интервьюер вежливо представлялся, по какому поводу пришел, сообщал, что обратился в данный центр/службу, так как предположил из названия, что здесь занимаются такими проблемами. Получение развернутых ответов реализовывалось через технику расспрашивания, так обеспечивался один из принципов полужформализованного интервью – недирективность (способ придать интервью вид обыденной беседы). Для получения расширенной информации интервьюер не ограничивал поток речи респондента, а даже, наоборот, поддерживал беседу словами-связками, местоимениями, тем самым «наводя мостики» между вопросами и снижая риск вызвать раздражение и отказ респондента от продолжения диалога.

Постоянно в практике случаются моменты при расспросе респондентов, когда интервьюер должен моментально среагировать и включить свое воображение, особенно если работник службы внезапно начинает задавать вопросы, выходящие за рамки подготовленного ролевого сценария.

После подготовки студенты посетили 25 районных управлений социальной защиты населения г. Москвы (РУСЗН). В ходе на-

блюдения молодые исследователи провели описание помещений, отметили наличие наглядной информации о деятельности службы, истории ее создания, поведение ее работников, их отношения с клиентами, методы помощи населению и конкретно молодым семьям. Собранные данные были обобщены и проанализированы.

Организаторы получают итоговые письменные тексты, которые содержат и объективный обзор, и субъективную оценку. К информативным данным отнесем, например, точное указание: шаговая доступность к службе от остановок общественного транспорта, удобный/неудобный подход к зданию для всех категорий, наличие/отсутствие указателей, расписание с режимом работы и пр.

Субъективная оценка выражается в эмоциональном многословном тексте-описании истории. Приведем отрывок из такого текста. Наша «легенда» заключалась в том, что учительница младшего брата на родительском собрании в школе посоветовала обратиться куда-нибудь для устройства активного мальчика-подростка 13 лет в какое-либо движение. «Тайные посетители» настаивали: или подростка направить в позитив, или потом с ним придется заниматься как с трудным.

Отношение к клиентам сразу было недоброжелательное. Это выразилось в невежливом общении по телефону, в нежелании нашего присутствия на территории организации (хотели передать всю информацию по телефону). Ни один из участников беседы и по телефону, и лично не представлялся. Первые 15 минут нашего нахождения в отделении нас держали на лестнице, не пригласили пройти и были враждебно настроены (фиксируем негативную оценку – отказ в помощи, нежелание выслушать проблему, недоброжелательность). Можно сказать, что сотрудники отделения были очень удивлены, что к ним добровольно пришли (позвонили) и интересуются деятельностью центра. Отказ в помощи заключался в том, что на все просьбы об информировании деятельности и советах сотрудница отвечала, что мы не туда пришли и что они не занимаются устройством детей в детские центры, они их контролируют (фиксируем после изучения положения об организации негативную оценку – невыполнение декларированных задач).

Мы предлагаем использовать подход триангуляции – один и тот же текст внимательно прорабатывают несколько аналитиков (в идеале три) и формируют экспертные резюме положительных и отрицательных зафиксированных фактов. Это позволяет снизить предвзятость оценок и ближе подойти к уточнению объективной ситуации.

Для проведения экспертной оценки используются специальные социальные показатели и критерии. Показатели удобно пред-

ставлять в форме количеств (ресурсов, людей, времени и т. п.), которые соотносятся с нормативами или между собой. Например, службы могут быть сравнимы по количеству обратившихся и получивших оперативную помощь клиентов, по количеству информационных стендов в коридорах и т. д.

В качестве критериев нами были определены три основных – открытость, информативность, благожелательность – и один дополнительный – использование информационных технологий. Данные критерии сложно оценить с помощью количественных показателей по характеристике отдельной стороны объекта и процесса. Поэтому в этих целях мы используем особые показатели – апрейзеры¹. Под этим термином понимается характеристика свойства на основе сравнения между собой и выделение этого свойства через выражение «высокий», «средний» и «низкий». Одним из первых такие показатели использовал американский социолог Л. Уорнер для «распределения» изучаемых групп людей на классы по их репутации.

Покажем, как могут выглядеть итоговые материалы исследования. В качестве примера рассмотрим наше первое исследование. В 20 РУСЗН (80 % изученных) информация о льготах, выплатах и помощи молодым семьям имела в открытом доступе – на информационных стендах, в листовках, брошюрах. Только в двух из 13 учреждений для молодежи были такие информационные стенды. Однако проводившие наблюдение студенты отметили, что нередко интересующая информация хотя и имела, но была напечатана мелким шрифтом и располагалась крайне неудобно для ознакомления.

В 12 РУСЗН (48 %) специалисты дали полную информацию по льготам и материальным выплатам, полагающимся молодой студенческой семье (для выяснения этого факта было проведено сравнение полученной устной информации с официальными документами). Еще в трех РУСЗН дали информацию общего характера, не акцентировав внимание на студенческой семье. Однако в 10 РУСЗН (40 %) интервьюерам было отказано в консультации, так как для получения информации должны были обращаться непосредственно сами молодые родители уже **после** рождения детей. Лишь в 11 РУСЗН (44 %) специалисты были любезны, доброжелательны, внимательно выслушали проблему, пытались не только дать информацию, но и проявить участие. Основной вывод: на выбор решения может повлиять не только информация, полученная при консультировании, но и тон, манера донесения сведений, которые часто зависят от особенностей характера специалиста. Студенты обоснованно решили, что специалисты не должны в ситуации

обслуживания ими молодых семей отпускать ехидные шуточки: «Ваши льготы – работа и учеба!» Студенты-юноши чаще сталкивались с недоброжелательным отношением сотрудников соцслужб.

Общее отношение работников к проблеме позволило студентам сделать для себя следующие (порой негативные) выводы: *«Поставив себя на месте будущей матери-одиночки и опираясь на информацию, столь “любезно” мне предоставленную в ходе интервью, я ясно понимаю, что ни о каких детях не может идти и речи, если даже социальный работник не может пойти навстречу в мелочи – ответить на вопрос»; «Но хотелось бы, чтобы молодые пары, которые решили подарить миру очередное дитя, встречали тут как полагается, чтобы не возникало желания плюнуть на все, уйти, убежать от грустного будущего и никогда не заводить детей. А именно такое впечатление о будущем сложилось у меня».*

По второму исследованию индикаторы были расширены и взвешенные сравнительные апрейзеры внесены в таблицу. Путем сравнения были выделены лучшие отделения по различным индикаторам и по всем показателям.

Заключительный этап предполагает оформление отчета и презентацию результатов первоначально руководству, а затем по его решению и общему составу сотрудников.

Завершающий этап – составление рекомендаций для дальнейшей работы. Сюда можно отнести предложения по проведению ротации персонала, повышению квалификации персонала, разработке обучающих программ и системы мотивации. Эффективность работы может повысить мониторинг – регулярно повторяющееся исследование одного и того же объекта (явления, процесса) по одной и той же методике через определенные равные промежутки времени (относительно выделенной темы достаточно один раз в год, при этом необходимо частичное изменение ролевого сценария).

При мониторинге методика исследования «Тайный посетитель» станет составной частью процесса управленческого контроля и окажет влияние на другие компоненты системы управления персоналом – кадровое планирование, отбор, мотивирование, обучение и развитие персонала, формирование кадрового резерва, планирование карьеры.

Примечания

¹ Луков В.А. Социальное проектирование. М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии; Флинта, 2003. С. 195.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ФОТОПОРТРЕТ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена анализу функций любительского фотопортрета в XIX–XXI вв. Особое внимание уделяется определению понятий «любительская фотография» и «любительский фотопортрет» в рамках социологии культуры. Также рассмотрены ключевые различия в восприятии фотографии двух поколений (старшего и младшего), в частности основные сюжеты любительских фотографий и ключевые функции фотографии. Данные статьи подкреплены комплексным авторским социологическим исследованием, которое проходило в 2013–2014 гг.

Ключевые слова: любительская фотография, фотопортрет, культура, сюжет, визуальная социология, поколение.

«Более ста пятидесяти лет фотография наблюдает за миром, но теоретические наблюдения за фотографией продвинулись недостаточно»¹. Первоначально фотографию начали изучать в контексте антропологии (этнографии) в исследованиях культуры, затем ее уже стали рассматривать как акциональный феномен фольклора. И наконец, в конце XIX в. в рамках постмодернистского исследовательского метода институционализировалась визуальная социология, которая использовала качественные методы для интерпретации различных источников информации, таких как фотографии, видеофильмы, фильмы и т. д. К периоду «визуального поворота» (1960–1970 гг.) было накоплено большое количество визуальных документов, а фотография и кинематограф были уже настолько распространены, что люди начали фиксировать обычную жизнь. Вместе с тем следует заметить, что любительская фотография в целом пока еще редко выдвигается в качестве объекта социологического исследования, остаются неясными мотивы,

ценностные ориентации, смысловое содержание, которыми наполняются любительские фотографические практики различных возрастных и гендерных групп.

На популярном информационном портале о фототехнике и фотографии «Фотоком.ру»² есть достаточно простое разделение фотографии на профессиональную и любительскую. Так, «во-первых, профессиональная фотография делается качественной дорогой аппаратурой. При этом неважно, аналоговая камера это или цифровая. Во-вторых, профессиональная фотография отличается высоким качеством изображения, так как фотограф при съемке учитывает множество факторов, таких как освещенность, расстояние и многие другие. При этом мастер умело пользуется всевозможными настройками фотоаппарата. В-третьих, профессиональная фотография, как правило, отличается выраженной сюжетной линией и художественностью. Любители чаще всего делают свои снимки спонтанно, а профессионалы тратят некоторое время на подготовку, обдумывая композицию и выставляя освещение. Любительское фото, как правило, просматривается зрителем быстро и без особого интереса, а вот профессиональная фотография останавливает на себе взгляд. Буквально у каждого дома лежат “килограммы” различных фотографий и еще больше их хранится мертвым грузом на компьютере. Но 99 % всего этого богатства – это любительская фотография, интересная только узкому кругу членов семьи и друзей. В основной своей массе это снимки невысокой художественной ценности и без сюжетного наполнения. Когда фотографии не только привлекают внимание, но и начинают приносить финансовую выгоду, это означает, что фотограф из любителя превращается в профессионала». Как мы видим, ключевыми характеристиками данной классификации являются «качество изображения и фотоаппаратуры», «художественность» и, что самое главное, – «финансовая выгода». Если первые два параметра являются достаточно дискуссионными, то третий не вызывает сомнений.

Следует заметить, что категорические оценки любительской фотографии как банального, недостойного внимания объекта проистекают из определенного круга профессиональных ценителей фотоискусства и вряд ли могут быть приняты социологами. Даже если отдельные изображения кажутся неинтересными посторонним, то для человека, который их сделал и для чего-то сохранил, они представляют определенную ценность, в том числе эстетическую. Кроме того, в отличие от искусствоведов социологи должны рассматривать не отдельные экземпляры фотографий, а их серии, объединенные тематически или хронологически. При таком рас-

смотрении выявляются смысловые отношения, делающие каждый отдельный снимок ценностно «нагруженным».

Выделим две группы характеристик для разделения фотографий на любительские и профессиональные, а именно специфические и неспецифические. К первой группе можно отнести характеристики, относящиеся ко всем фотоаппаратам-любителям без исключения: производство фотографий в личных целях, для показа их определенному узкому кругу людей (как правило, семье и друзьям), отсутствие мотива получения финансовой выгоды.

Ко второй группе характеристик любительской фотографии отнесем такие, которые могут вовсе отсутствовать или выражаться в разной степени. Они также важны для понимания ценностного отношения к любительской фотографии, но выступают как дополнительные: качество, функциональные возможности и рыночная цена используемой фотоаппаратуры; качество изображения (размер зерна, цифровой объем фотографии и т. д.); художественность изображения и продуманность во время процесса съемки; наличие специального образования в сфере фотографии (в том числе и различных дипломов и сертификатов), а также относительно большое количество сделанных фотографий в год. Важно отметить, что ни возраст, ни пол не имеют значения в данной классификации.

В результате проведения авторского социологического исследования в 2013–2014 гг., целью которого было выявить место и ключевые функции любительской фотографии в жизни москвичей двух поколений (18–25 лет и 45–52 года), была выделена особая роль любительского фотопортрета. При определении данного термина в настоящей работе мы основывались на общепризнанной в искусстве трактовке понятия «портрет», а именно «изображение (образ) какого-либо человека либо группы людей, существующих или существовавших в действительности. Портрет – один из главных жанров живописи, скульптуры, графики. Важнейший критерий портретности – сходство изображения с моделью (оригиналом)»³. Таким образом, под «любительским фотопортретом» в данной работе мы понимали фотографию, сделанную фотолюбителем, на которой изображен человек или группа людей.

В ходе исследования были выделены основные цели фотографирования, присущие младшему и старшему поколениям. Вероятно, с самых первых дней изобретения фотографии она в первую очередь ассоциировалась с памятью и закреплением важной информации. Так и сегодня респонденты младшего поколения считают ключевой целью фотографирования как на количественном, так и на качественном этапе исследования память (55,8 % респондентов),

сохранение эмоций и т. д. Вместе с тем есть еще одна точка зрения на мотивацию производства фотографий, а именно – эстетическое удовлетворение (25,7 % респондентов). «И4. Ну, я не знаю: увидел, вспомнил, порадовался, закрыл и положил и пускай дальше пылится. Все!»⁴, «И7. Ну, если делать с какой-то целью фотографии, тогда это будет какая-то работа. Мне кажется это для себя просто. Я же не работаю репортером, фоторепортером или фотографом. Я уже сказала, что это хобби»⁵.

Делая любительские фотографии для своего удовольствия, человек невольно дает объективную информацию о том, что ему интересно, что ему дорого в жизни. Для того чтобы определить ключевые сюжеты любительских фотографий, нам показалось недостаточным просто задать открытые вопросы в ходе интервью, в связи с чем мы использовали контент-анализ 310 личных фотографий респондентов. Основными критериями для отбора фотографий были следующие: они должны были быть их личного производства, а также наиболее полно характеризовать их фотоархив.

Рассмотрим результаты, полученные в ходе интервью и подкрепленные результатами анкетного опроса. Самым популярным сюжетом любительской фотографии для младшего поколения стали портретные фотографии (20,5 % ответов), ключевым моментом которых являются эмоции и настроение. «И10. Либо какие-то эмоции на лице, ну, портретная съемка, либо красивые моменты, игра света, либо какие-то веселые запечатлившиеся... ассоциирующиеся с чем-то»⁶.

Стоит отметить важную характеристику любительских фотопортретов младшего поколения: на них, как правило, изображен непосредственно человек, нередко крупным планом, что свидетельствует о том, что младшим респондентам важно передать и запомнить красоту и образ человека.

Респондентам старшего поколения, как и респондентам младшего, было предложено самим сформулировать, что для них значит фотография. Первое, наиболее характерное и часто встречающееся у старшего поколения мнение, которое также совпадает с мнением младшего поколения, – это фотография как память. Здесь важно отметить, что в данном случае респонденты указывают на ключевую объективную функцию любой фотографии – фиксировать действительность в процессе ее изменения. То есть фотография для старшего поколения в первую очередь хроника жизни, которая для каждого своя.

В отличие от младшего поколения фотопортреты как сюжеты фотографий стоят у старшего поколения на втором месте (на первом – застолья, торжества и праздники). Однако если у первых в основном изображены друзья, то у респондентов старшего поко-

ления этот список намного шире, туда входят дети, семья, гости, родственники, коллеги и т. д. Здесь важно отметить, что у младшего поколения семья входит в список ключевых ценностей, но поскольку у них пока еще нет своей семьи, в любительских фотоархивах она встречается гораздо реже.

Кроме того, было выяснено, что в фотоархивах обоих поколений присутствуют фотографии людей, что также подтверждается интервью. Однако в отличие от младшего поколения старшее поколение фотографирует людей в различной обстановке, т. е. на вечеринках, на природе и т. д. Таким образом представители старшего поколения пытаются сохранить в памяти еще и важные события.

Любительская фотография и по сей день является неотъемлемой частью культуры повседневности. Фотография в целом уже давно находится в фокусе исследователей из различных областей, в том числе и социологов. Однако последние, как правило, изучают фотографию с точки зрения инструментального подхода, что оставляет внушительный пласт неотвеченных вопросов. В данной статье была предпринята попытка рассмотреть различия в восприятии любительского фотопортрета у двух поколений, в частности их предпочтения сюжетов и композиций, функций фотографии, а также основных целей производства фотографий. Таким образом, заложен «фундамент» для дальнейших исследований на пересечении визуальной социологии и социологии культуры, объектом которых могут стать любительские фотопортреты.

Примечания

- ¹ Круткин В.Л. Антропологический смысл фотографий семейного альбома // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 1. С. 172.
- ² Фотография любительская и профессиональная [Электронный ресурс] // Фотобарахолка. URL: <http://www.fotokomok.ru/fotografiya-lyubitelskaya-i-professionalnaya> (дата обращения: 15.10.2014).
- ³ Портрет [Электронный ресурс] // Информационный сайт «Академик». URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/2592/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 15.10.2014).
- ⁴ И4. С. 3. Архив автора.
- ⁵ И7. С. 3. Архив автора.
- ⁶ И10. С. 3. Архив автора.

ЗДОРОВЬЕ В ЖИЗНЕННОМ МИРЕ РОССИЯН: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПАРАДОКСЫ*

В статье описываются основные противоречия и парадоксы, связанные с отношением индивида к своему здоровью и практикам его сохранения, а также их местом в жизненном мире россиян.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, жизненный мир.

Здоровье населения является безусловной общественной ценностью, основой национального богатства и национальной безопасности любой страны. Общественное здоровье является социальным феноменом и определяется состоянием индивидуального здоровья, именно поэтому все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с изучением отношения индивида к своему здоровью и практикам его сохранения, а также с их местом в жизненном мире россиян.

Состояние здоровья россиян: объективные и субъективные оценки. Объективные показатели состояния здоровья населения свидетельствуют о том, что за последние 20 лет повысился уровень заболеваемости по основным классам болезней, в том числе болезней, вызванных образом жизни. В частности, в 1992 г.¹ число пациентов с впервые установленным диагнозом составляло 91 296 чел., а в 2012 г.² – 113 688 чел. При этом анализ структуры заболеваемости населения в зависимости от уровня дохода (высокий, средний, низкий) позволяет выделить специфические заболевания, преобладающие только в одной из групп. Так, в группе населения со средним уровнем дохода по сравнению со всеми остальными преобладают заболевания желудочно-кишечного тракта (холецистит – 13,4 % и

язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки – 8,5 %)³. Можно предположить, что такая ситуация связана прежде всего со специфическим образом жизни, в том числе с определенным набором ценностей и ценностных ориентаций. При этом необходимо сразу оговориться, что здоровье для преобладающего числа россиян (91 %) продолжает оставаться ценностью⁴.

В свою очередь, *субъективная оценка состояния здоровья россиянами* (или, как ее еще называют, самооценка), во многом определяющая поведение индивида в различных сферах жизни, а также влияющая на субъективную оценку степени своей «включенности» в общество и, соответственно, степень удовлетворенности своими возможностями и своей жизнью в целом, за последние пять лет улучшилась.

Об этом, например, свидетельствуют результаты всероссийских опросов, проведенных ВЦИОМ. Так, в 2014 г. 43 % россиян оценили состояние своего здоровья как «очень хорошее» и «хорошее» (6 и 37 % соответственно), что практически в полтора раза больше, чем в 2009 г. (3 и 24 % соответственно)⁵. Традиционно наблюдаются гендерные различия в субъективных оценках состояния собственного здоровья: среди мужчин практически каждый второй (46 %) оценивает состояние своего здоровья как «очень хорошее» и «хорошее» (8 и 38 % соответственно), в то время как среди женщин позитивных оценок придерживается только треть (34 %: 3 и 31 % соответственно)⁶.

Кроме того, анализ субъективных оценок здоровья россиянами через призму уровня дохода (высокий, средний, низкий) свидетельствует о том, что в группе с высоким уровнем дохода по сравнению со всеми остальными самый большой процент (32,9 %) отмечающих, что вообще не имеют никаких болезней (недомоганий)⁷.

Ответственность за состояние здоровья россиян. В настоящее время не только наблюдается положительная динамика в оценках состояния собственного здоровья россиянами, но и происходит постепенная смена патерналистской модели ответственности за здоровье человека на индивидуальную. Так, по мнению 40 % жителей страны ответственность за плохое состояние здоровья лежит на самом человеке⁸.

Однако на практике практически половина (51 %) россиян либо мало, либо вообще не заботятся о своем здоровье (43,3 и 7,7 % соответственно)⁹. При этом «забота о здоровье» проявляется в различных формах начиная от неприятия вредных привычек (36 %) и заканчивая вопросами повышения уровня информированности о способах сохранения здоровья (25 %)¹⁰.

Одним из показателей ответственности за свое здоровье, а также аспектов здорового образа жизни является медицинская активность. Необходимо отметить, что лишь четверть россиян регулярно проверяют свое здоровье, проходят диспансеризацию и чуть более трети (38 %) в случае болезни обращаются к врачам, выполняют все их требования¹¹. Таким образом, в России до сих пор крайне низкий уровень медицинской активности россиян. Единственная возрастная группа, которая практически на 100 % охвачена медицинскими профилактическими осмотрами, – это дети до 7 лет. Родители детей этого возраста в силу субъективных причин (оформление справок для детских учреждений) и объективных («родительский долг») чаще родителей, имеющих детей более старшего возраста, посещают детские амбулаторно-поликлинические учреждения с целью профосмотров.

К сожалению, на сегодняшний день все усилия со стороны государства по сохранению и поддержанию здоровья населения, в том числе формированию здорового образа жизни, остаются тщетными. В частности, принимаемые нормативные и правовые акты носят декларативный стиль, а создаваемые структуры (например, в рамках такого института здравоохранения, как центры здоровья) не могут осуществлять формирование ЗОЖ по ряду объективных причин: из-за низкого уровня информированности населения о деятельности таких центров, отсутствия специалистов и технологий формирования ЗОЖ¹².

Проанализируем модели поведения населения в случае наступления болезни. Результаты всероссийских опросов свидетельствуют о том, что за последние пять лет ситуация практически не изменилась. Чуть более половины россиян обращаются за помощью в государственные медицинские учреждения (2009 г. – 51 %, 2012 – 55 %, 2013 – 51 %, 2014 – 55 %); в платные поликлиники (больницы) обращается лишь малая доля респондентов (2009 г. – 8 %, 2012 – 6 %, 2013 – 7 %, 2014 – 6 %). Относительно стабильной остается и численность тех, кто занимается самолечением, – это практически треть населения (2009 г. – 33 %, 2012 – 33 %, 2013 – 36 %, 2014 – 32 %)¹³. Наш взгляд «модель поведения, связанная с самолечением», сформирована под воздействием целого ряда факторов, к которым можно отнести медикизацию населения, уменьшение числа государственных медицинских учреждений, сокращение объема бесплатных медицинских услуг в рамках ОМС и др.

Результаты исследований последних лет позволяют прийти к выводу, что в России существует неравенство, так или иначе связанное с сохранением и укреплением здоровья, в частности с до-

ступностью различных видов медицинских услуг. Так, результаты выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (по 10-процентным группам обследуемого населения), проведенного Федеральной службой государственной статистики, свидетельствуют, что разница расходов на медицинские услуги между первой (с наименьшими располагаемыми ресурсами) и десятой (с наибольшими располагаемыми ресурсами) составляет более 40 раз (162,1 и 6686,4 руб. соответственно)¹⁴.

В настоящее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) утверждает, что об успехе социальной политики любого государства, эффективном функционировании системы здравоохранения можно судить не только по высоким показателям здоровья населения, но прежде всего по отсутствию несправедливости в отношении здоровья. Именно это является основным критерием оценки деятельности системы здравоохранения.

Подводя итог, необходимо отметить, что здоровье для большинства россиян является ценным; практически треть граждан осознает, что здоровье зависит от того, какой образ жизни ведет человек, от тех усилий, которые он предпринимает по его сохранению; однако половина населения страны ничего не предпринимает для поддержания и сохранения здоровья. Кроме того, мы можем прийти к выводу, что в последние годы наблюдается расхождение в объективных и субъективных оценках состояния здоровья населения. Так, официальные данные свидетельствуют об ухудшении здоровья россиян, при этом самооценка здоровья россиянами значительно улучшилась. По всей видимости, индивиды стали вкладывать иной смысл в понятие «здоровье», содержание его становится более пластичным и подразумевает не просто отсутствие/наличие болезни, а прежде всего возможность в полной мере выполнять все возложенные на них социальные роли, быть социально мобильными.

Примечания

¹ Заболеваемость населения по основным классам болезней в 1992–1998 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_11/IssWWW.exe/Stg/d010/i010920r.htm (дата обращения: 12.12.2014).

² Заболеваемость населения по основным классам болезней в 2000–2012 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государ-

- ственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_11/IssWWW.exe/Stg/d01/09-03.htm (дата обращения: 12.12.2014).
- ³ Состояние здоровья населения. Материалы выборочного обследования влияния поведенческих факторов на состояние здоровья населения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_34/Main.htm (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁴ Здоровье, экология, хорошее питание: что россияне понимают под качеством жизни [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114789> (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁵ Здоровая нация: миф или реальность? [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114815> (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁶ А как ваше здоровье? [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114320> (дата обращения: 12.12.2014).
 - ⁷ Состояние здоровья населения. Материалы выборочного обследования... [Электронный ресурс].
 - ⁸ А как ваше здоровье? [Электронный ресурс].
 - ⁹ Состояние здоровья населения. Материалы выборочного обследования... [Электронный ресурс].
 - ¹⁰ Здоровье и как мы о нем заботимся [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113555> (дата обращения: 12.12.2014).
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² *Белова Н.И.* Формирование здорового образа жизни населения в рамках института здравоохранения: состояние, противоречия, проблемы // Вестник РГГУ. 2013. № 2 (103). Серия «Социологические науки». С 80–86.
 - ¹³ Здоровая нация: миф или реальность? [Электронный ресурс].
 - ¹⁴ Денежные расходы домашних хозяйств различных социально-экономических категорий на платные услуги в области здравоохранения и отдыха в 2012 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_34/IssWWW.exe/Stg/7-38.doc (дата обращения: 12.12.2014).

Е.В. Белова

ФЕНОМЕН ЛОББИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Статья посвящена феномену лоббирования в российском здравоохранении. Представлены результаты авторского исследования, предложено собственное определение термина «лоббирование в здравоохранении» и обозначены подходы к анализу сущности этого феномена.

Ключевые слова: лоббирование, лоббирование в здравоохранении, продвижение интересов, законодательное регулирование.

Термин «лоббирование» не определен в отечественных нормативных актах, лоббистская деятельность не регламентируется. Лоббизм в здравоохранении остается неизученным, в связи с чем актуальными представляются результаты проведенного в январе–мае 2014 г. авторского исследования «Специфика процесса лоббирования на фармацевтическом рынке России» (семь интервью с экспертами фармацевтической отрасли, в ходе которых предлагалось раскрыть сущность термина «лоббирование»).

Были отобраны эксперты, представляющие различные стороны отечественного здравоохранения (госслужащие, представители общественных структур здравоохранения, консалтинговых компаний фармрынка, специализированных фармацевтических изданий, эксперты-практики).

Мнения экспертов относительно определения лоббирования в здравоохранении различаются. Врач, работающий в Дирекции по обеспечению деятельности государственных учреждений здравоохранения г. Москвы, считает, что продвижение своих интересов фармацевтическими компаниями на рынке среди медицинских и фармацевтических работников называть «лоббированием» неправомерно: врачи не имеют возможности вести рекламу лекарства ввиду ограниченного времени приема, выгоды за назначение конкретного препарата доктор не получит. *«Продвижение продукта ограничивается беседами о том, что есть такой препарат. Мы к этому относимся нормально, о новинках фармрынка нужно знать. А выберет или не выберет врач конкрет-*

ный препарат – тут никакого воздействия нет»¹. Воздействие на россиян через СМИ не является лоббированием, так как фармкомпании просто оплачивают эфирное время, размещают рекламные баннеры, что разрешено законом о рекламе. «Лоббирование – это воздействие на какого-либо представителя исполнительной власти с целью продвижения своего товара на внутреннем рынке»².

«...В нашей стране отсутствует правовое поле, юридическое понимание вопроса лоббирования, дефиниция “лоббирование” в нормативных актах... четко не определена»³, – отметил директор одного из независимых агентств, осуществляющих экспертизу в области здравоохранения и фармацевтики. С его точки зрения, «лоббирование – представление и защита своих интересов, продавливание их в политической сфере, взаимодействие с лицами, принимающими решение, формирование лояльности к компании и ее продуктам, информационный запрос в органы власти, инициатива, связанная с принятием резолюций, которые являются рычагами для оптимизации медицинских стандартов»⁴. Лоббированием нельзя назвать ситуацию, когда медицинский представитель навязывает врачу препарат. Лоббирование – это когда компания продавливает свои интересы через подключение «decision maker» (например, когда главный врач ЛПУ принимает решение в сторону того или иного препарата). «Лоббирование – это когда идет взаимодействие на уровне лиц, принимающих решение»⁵. Эксперт назвал ключевых стейкхолдеров: 1) бизнес-сообщество (фармацевтические компании); 2) представители законодательной и исполнительной власти; 3) KOLs (key opinion leaders – лидеры мнений): главные внештатные специалисты при Минздраве (федеральные и региональные), профессиональные ассоциации; 4) СМИ: TV-реклама, специализированные медицинские издания; 5) сообщества пациентов.

Генеральный директор консалтинговой компании считает, что термин «лоббизм» трактуется широко, а любая попытка защитить свое мнение или позицию воспринимается как лоббирование. *«Лоббирование – это когда компания или субъект через свои связи в органах управления пытается улучшить свои перспективы (через введение новых нормативных актов, как правило)»⁶. Лоббирование в фармацевтической отрасли – «это переговорная позиция фармацевтического сообщества в общении с регулятором, которым является государство»⁷. Регулятор имеет много подразделений (Минздрав, Минпромторг, ФАС и т. д.), официально коммуницирующих с фармфирмами через ассоциации, предлагающие свои поправки к законам, которые готовят представители государственных органов. Эксперт выделяет два «уровня» лоббирования: 1) ассоциации (например, «Российская ассоциация фармпроизводителей»), которые работают с регулятором;*

2) GR-менеджеры и руководство компаний, реализующие активность отдельных компаний. Эксперт не относит к лоббированию попытки компаний воздействовать на врачей, фармацевтов и КОЛs: это – продвижение препаратов, конкурентная борьба, а не лоббирование.

Руководитель некоммерческого партнерства, занимающегося аналитикой социальной сферы, считает иначе: «лоббирование» и «продвижение» – синонимы. Он полагает, что традиционное понимание лоббирования как воздействия на госструктуры и чиновников является лишь отдельной частью лоббирования, которой занимаются особые специалисты (GR, Market Access менеджеры и др.). *«...В странах, которые озабочены корректностью этого слова, есть соответствующие законы – о лоббизме»*⁸. Эксперт отметил, что в России такого закона нет: он уже третий год обсуждается. Он считает, что фармкомпании занимаются лоббированием во всем мире и взаимодействуют с различными элементами здравоохранения: с врачебным сообществом, с чиновниками, с пациентами. *«Лоббирование – это хорошо. Другой вопрос – кто за этим следит, как контролируют и как выполняют необходимые требования, предъявляемые к процедуре лоббирования»*⁹. Пытаясь дать определение термину «лоббирование», эксперт говорит: *«Я не рассматриваю лоббирование как некую функцию фармкомпаний... Лоббирование – это просто некий процесс в маркетинге, его функция, а маркетинг – процесс извлечения прибыли»*¹⁰. Отвечая на вопрос об «уровнях» лоббирования, он уточнил, что слово «уровни» подразумевает иерархию, применительно к лоббированию в здравоохранении стоит говорить о «плоскостях»: *«Если в центре находится ядро в виде фармкомпаний, то на 360° от него идут те или иные “мосточки” к тем или иным стейкхолдерам»*¹¹.

Эксперт отмечает, что стейкхолдеров в России очень много, это разные участники системы здравоохранения: 1) пациенты; 2) врачи; 3) организаторы здравоохранения; 4) чиновники; 5) специалисты, занимающиеся промышленной политикой; 6) специалисты, занимающиеся социальным блоком; 7) политики (представители Госдумы, Совета Федерации, аппарата Президента и т. д.); 8) конкуренты (могут являться как помощниками, так и противодействующими стейкхолдерами в системе лоббирования). Он полагает, что следует разделять стейкхолдеров «в здравоохранении» и «за пределами здравоохранения». К первым можно отнести: Минздрав РФ, Росздравнадзор РФ, Моспотребнадзор, минздравы субъектов Федерации, росздравнадзоры субъектов Федерации, федеральные и территориальные фонды ОМС, главных внештатных специалистов по отдельным нозологиям и т. д. «За пределами здравоохранения» находятся Министерство промышленности, Министерство экономики, Министерство торговли,

Министерство финансов, ФАС, Министерство образования и т. д. Эксперт обратил внимание на то, что есть такое понятие, как «Market Access»: *«“Market Access” – это некие технологии доступа к рынку. Этими технологиями занимаются GR-менеджеры, Market Access менеджеры, топ-менеджеры, руководители департаментов, бизнес-юниты... те, кто пытается заниматься лоббированием в фармкомпаниях»*¹².

Стоит отметить, что механизмы лоббирования зависят от того, на кого направлено воздействие. *«Фармкомпании разрабатывают под каждого стейкхолдера индивидуальную программу взаимодействия, и этих технологий больше, чем самих стейкхолдеров»*¹³. Выделяются основные технологии воздействия: помощь пациентским ассоциациям (информирование о препаратах и их социальной значимости, обучение.); взаимодействие с врачами (визиты медицинских представителей, обучающие мероприятия, совместная научная работа, написание и размещение статей в изданиях); взаимодействие с чиновниками (обучение, создание и расчет программ по формированию лояльности регуляторов в здравоохранении).

Директор по маркетинговым исследованиям компании, специализирующейся на фармацевтическом рынке, также считает, что *«лоббирование – это продвижение интересов. Но, в отличие от рекламы и медийной промоции, это связано с личным контактированием с представителями фармацевтического сообщества»*¹⁴.

Главный редактор информационно-аналитического издания для специалистов фармацевтического рынка полагает, что лоббированию подвержены все уровни здравоохранения начиная с чиновников и ассоциаций, отстаивающих интересы фармкомпаний, и кончая работниками аптек и врачами. Назвать лоббированием воздействие на россиян через СМИ (реклама безрецептурных препаратов) сложно: это – инструмент рекламы, механизм, которым пользуются производители любой продукции в целях продать свой товар. *«Нечестные вещи начинаются, когда нужно каким-то образом добиться запрета группы, которая является конкурентом»*¹⁵, – считает эксперт и выделяет три «уровня» лоббирования: 1) ассоциации пациентов, финансируемые фармкомпаниями, в сфере интересов которых они находятся («Всероссийская ассоциация больших муковисцидозом»); 2) общественные организации, объединяющие фармкомпании по признакам рынка («Российская ассоциация аптечных сетей», «Ассоциация производителей фармпродукции») или происхождения («Российская ассоциация фармпроизводителей», «Ассоциация международных фармпроизводителей»). Как правило, влияние компаний на чиновников происходит через ассоциации, которые организуют мероприятия (симпозиумы, круглые столы), куда пригла-

шаются представители ведомств и государственных структур. Ассоциации предпринимают попытки законодательных инициатив, чтобы компания, чьи интересы они представляют, оказалась в чуть более выгодном положении; 3) договоренности отдельных лиц с чиновниками.

Директор независимого агентства выделяет следующие способы лоббирования фармфирм: 1) финансирование обучающих программ: 1.1) оплата стажировок и семинаров студентам медицинских вузов; 1.2) оплата поездок на зарубежные конгрессы профессорам; 2) получение доказательной базы с точки зрения фармакоэкономики: помимо клинических исследований требуются фармако- и макроэкономические доказательства эффективности препаратов, медицинских технологий, диагностических методов; 3) организация мероприятий для КОЛs, Госдумы и Совета Федерации (конференции, круглые столы, симпозиумы и т. д.) с помощью «Market Access» и «GR»; 4) личные контакты с «decision makers»; 5) помощь представителям власти: оплата мероприятий, бесплатная поставка оборудования, организация дорогостоящих исследований (например, эпидемиологических); 6) личные встречи с министрами, губернаторами и пр. с помощью «GR».

На основе рассмотренных трактовок термина «лоббирование» в экспертном сообществе отечественного здравоохранения автором предложено собственное определение данного термина: *«Лоббирование в здравоохранении – это борьба компаний-производителей лекарственных средств на всех уровнях (или во всех плоскостях) системы здравоохранения с целью представления, защиты и продвижения своих интересов на фармацевтическом рынке».*

Примечания

¹ И5. С. 3. Архив автора.

² И5. С. 4. Архив автора.

³ Цит. по: И2. С. 2. Архив автора.

⁴ И2. С. 3–4. Архив автора.

⁵ И2. С. 21. Архив автора.

⁶ Цит. по: И3. С. 2. Архив автора.

⁷ И3. С. 3. Архив автора.

⁸ Цит. по: И6. С. 1. Архив автора.

⁹ И6. С. 2. Архив автора.

¹⁰ Там же.

¹¹ И6. С. 3. Архив автора.

¹² И6. С. 9. Архив автора.

¹³ И6. С. 5. Архив автора.

¹⁴ Цит. по: И7. С. 2. Архив автора.

¹⁵ Там же.

ОЦЕНКА ПАЦИЕНТАМИ И ВРАЧАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

Статья посвящена анализу реализации государственной программы по оказанию помощи населению, страдающему от социально значимых, в частности сердечно-сосудистых, заболеваний, с точки зрения пациентов и врачей, вовлеченных в программу.

Ключевые слова: социально значимые заболевания, подпрограмма «Артериальная гипертензия», сосудистые центры, сосудистые отделения, пациент, врач, эксперт.

Проблемы здравоохранения вышли за рамки медицинского интереса и рассматриваются как область социальных задач. Это касается и социально значимых заболеваний, отличающихся комплексностью процессов, затрагивающих социальную среду. По всем классам таких болезней отмечается рост заболеваемости. В конце 1940-х годов на первое место среди причин смертности населения развитых стран вышли сердечно-сосудистые заболевания (в нашей стране более 50 %). На втором месте находятся злокачественные новообразования. На третьем – несчастные случаи, отравления и травмы¹. Рост смертности и заболеваемости можно связать: 1) с ухудшением санитарно-эпидемических и экологических условий; 2) с социально-экономическими проблемами: инфляцией, безработицей, миграцией, которые ведут к ухудшению качества жизни; 3) с проблемами в государственной системе здравоохранения; 4) с недостатком профилактической работы и лекарств.

Увеличение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний (далее – ССЗ) отмечается во всем мире, с той разницей, что в развитых странах отмечается рост смертности от ССЗ на фоне снижения показателей общей смертности. В России увеличение смертности от

ССЗ происходит на фоне роста общей смертности. Многие авторы смотрят на ССЗ как на эпидемию. В развитых странах каждый второй умирает от болезней сосудов и сердца. В США ежегодно теряется 52 млн рабочих дней из-за артериальной гипертензии. Экономический ущерб от этого заболевания составляет около 20 млн долл.²

Наметилась тенденция к омоложению заболеваний, основной поток составляют больные в возрасте 40–50 лет. ССЗ занимают лидирующее место среди причин инвалидности в России. Около 4 % пациентов получают первую группу инвалидности, около 60 % – вторую. Преобладают ишемическая болезнь сердца, артериальная гипертензия и сосудистые поражения мозга. На сокращение ожидаемой средней продолжительности жизни в наибольшей степени оказывает влияние смертность от болезней системы кровообращения: у женщин на 10 лет, у мужчин на 8,6 лет. В России ежегодно смертность от разных причин уносит примерно 34 млн человеко-лет жизни, в том числе в связи с болезнями системы кровообращения около 16 млн³.

В рамках подпрограммы «Артериальная гипертензия» развернута программа оказания помощи больным с ССЗ: создана сеть специализированных центров и отделений (в период с 2008 до 2012 г. 75 субъектов РФ приняли в ней участие, в зоне действия – около 104 млн чел.). На реализацию программы с 2008 г. было выделено 16 821,61 млн руб. За период с 2003 по 2011 г. отмечалось снижение смертности населения 20–69 лет на 59,6 %. Для оценки реализации подпрограммы привлечены пациенты, имеющие заболевания артериальной гипертензии, практикующие врачи и руководители сосудистых центров и первичных сосудистых отделений. Опрос проводился методами анкетирования и глубинного интервью.

Основной поток для амбулаторного лечения в рамках подпрограммы составляют пенсионеры (55 % от всех пациентов, обратившихся к кардиологам и терапевтам) с уровнем образования не ниже среднего. Пациенты с повышенным артериальным давлением (далее – АД) – 45 % от всех пациентов терапевтов и 77 % – кардиологов. Обратились в поликлинику по поводу артериальной гипертензии 78 % женщин и 23 % мужчин. Таким образом, подпрограмма направлена на пенсионеров и в меньшей степени затрагивает мужчин, так как они менее активны в проявлении внимания к собственному здоровью и качеству жизни. Но именно среди мужчин наблюдаются высокая смертность и низкая продолжительность жизни, в том числе в связи с ССЗ. Мужчины выпадают из поля зрения специалистов, что говорит о необходимости пропаганды внимательного отношения к здоровью среди мужского населения.

48 % пациентов имеют поставленный диагноз «артериальная гипертензия» в течение 10 лет и более, 32 % были госпитализированы за последний год хотя бы раз. В целом пациенты считают, что АГ оказывает влияние на их жизнь, но не очень сильно. При этом пациенты скорее согласны с тем, что необходимо следовать рекомендациям врача. Высокая степень комплаентности к назначенному врачом лечению говорит о высоком уровне заботы о здоровье, хотя, возможно, данные результаты свидетельствуют о предпочтении скорее социально одобряемых ответов, нежели реального поведения. Россияне недостаточно внимательно относятся к своему здоровью, что приводит к поздней обращаемости к врачу, низкой степени приверженности к лечению, отсутствию практик по профилактике заболеваний. На вопрос о том, отходили ли пациенты от назначенного лечения, 51 % ответили, что всегда строго следовали назначениям врача, 44 % отступали от назначенной терапии.

Более 80 % пациентов высоко оценивают компетенции врачей, видят пользу в рекомендациях, которые врачи дают, удовлетворены тем, как врач объясняет схемы приема лекарств, рассказывает о способах профилактики рисков инсульта и инфаркта. При этом около половины не довольны тем, что сложно записаться на прием, 58 % не удовлетворены оперативностью обслуживания в лечебно-профилактических учреждениях (далее – ЛПУ), отмечают очереди. 63 % высоко оценивают уровень оснащенности ЛПУ и использование в них современных методов лечения.

В созданных сосудистых центрах и первичных отделениях отмечается хороший уровень оснащенности, но руководители указывают, что оснащенность лучше по сравнению с днем вчерашним, сегодня этого недостаточно. В целом эксперты признают пользу и реальную необходимость данной программы. Все респонденты сходятся во мнении, что подобная система помощи пациентам с инфарктами и инсультами должна была появиться уже давно. По мнению одного из руководителей регионального сосудистого центра, идея создания по всей России сети сосудистых центров и отделений «актуальна, без сомнения, потому что заболеваемость и инвалидизация трудоспособного населения от этой патологии крайне высока, в особенности в нашей стране и в нашем регионе, потому что, если статистику посмотреть, то у нас эти показатели довольно высокие... И, собственно говоря, все, что там придумано, – достаточно правильно все сделано».

Система оказания помощи больным с ССЗ до этого момента находилась в упадке. Пациентам не оказывалась помощь на современном уровне, так как ЛПУ не имели материально-технической

базы для ее осуществления, не было отработанной схемы помощи пациентам с инсультом. В кардиологии в системе оказания помощи, отработанной еще в 1970-е годы профессором Е.И. Чазовым, к 2008 г. отмечался кризис. Важным позитивным моментом реализации сосудистого проекта является оснащение центров и отделений, участвующих в программе, современным оборудованием и медикаментами, привлечение дополнительного финансирования в ЛПУ. Результативность работы сети центров оценивается экспертами на высоком уровне. *«Летальность уменьшилась на 17 % (от инсультов), количество восстановленных лиц увеличилось в 2 раза, которые сами себя обслуживают, вот об этом можно говорить, т. е. намного эффективнее стало»* (эксперт из Барнаула).

Однако необходимо обратить внимание на несоответствие работы сосудистой программы заявленным задачам и целям. Было высказано мнение, что программа не работает на должном уровне, оснащение и финансирование все равно недостаточное, кадров не хватает. Из обслуживания исключили контингент пациентов трудоспособного возраста с различными формами сердечно-сосудистых патологий, которым не был поставлен диагноз «инфаркт» или «инсульт». Все руководители отмечают в основном одни и те же недостатки: 1) основной проблемой является недостаток кадров и/или их низкая квалификация. Это связано, в том числе, с низкой зарплатой врачей; 2) недостаточное финансирование; 3) оснащение ЛПУ выполняется не в полном объеме; 4) медикаменты закупаются не те, которые хотелось бы, а более дешевые.

«...Актуально лечить людей в зрелом нормальном возрасте, когда они еще трудоспособны, когда их нужно положить в больницу, и лечить нормальные болячки, а не устраивать хоспис из 80-летних пациентов, которых мы никогда не поднимем на ноги и не вернем к труду, потому что трудоспособных единицы в этих сосудистых центрах... Эффективность лечения, я бы не сказала, что стала намного выше, потому что сосудистые центры не укомплектованы так, как они должны быть укомплектованы... Ни людей, ни оборудования, ни ремонта, ни того, что положено там быть, никаких приспособлений. А вот люди трудоспособного возраста потеряли возможность лечиться... Потому что мы никого сюда больше не можем брать, ни с одним диагнозом» (эксперт из Удмуртской Республики).

Эксперты отмечают, что в системе оказания помощи пациентам с ССЗ не везде на должном уровне реализованы реабилитационные и профилактические задачи.

Руководители указывают также на неосведомленность населения, вследствие чего увеличиваются сроки доставки пациентов в

сосудистые центры и отделения, что снижает эффективность помощи и сокращает случаи благоприятных исходов болезни. Для улучшения сложившейся ситуации необходимо информировать больных с ОКС (острый коронарный синдром) и их родственников о методах первой помощи и сроках вызова «скорой помощи».

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Программа борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями, реализуемая на федеральном уровне, необходима, поскольку смертность и инвалидизация населения от ССЗ остаются очень высокими.

2. Несмотря на общую удовлетворенность от реализации задач программы, остаются проблемы в осуществлении программы с точки зрения финансирования и оснащения медицинских учреждений.

3. И пациенты, и руководители сосудистых центров отмечают общую неслаженность организации на разных уровнях. Пациенты не удовлетворены тем, как выстроена система обслуживания в медицинских учреждениях: очереди, не всегда есть возможность попасть к нужному специалисту. По словам экспертов, не отлажено взаимодействие между стационаром и скорой помощью.

4. Важная проблема – низкий уровень профилактики, проводимой в рамках медицинских учреждений, и пропаганды здорового образа жизни среди населения. Значительный процент ССЗ можно предотвратить путем снижения бихевиоральных факторов риска (курение, отсутствие физической активности, неправильное питание и злоупотребление алкоголем).

Примечания

-
- ¹ *Рунтель Т.* Участники конференции, прошедшей на Урале, обсудили демографическую ситуацию в современной России и дали прогноз на перспективу [Электронный ресурс] // Новостной сайт Российского агентства медико-социальной информации АМИ-ТАСС. URL: <http://ria-ami.ru/read/24682> (дата обращения: 02.10.2014).
 - ² *Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И., Тарасова Е.В.* Общественное здоровье и экономика [Электронный ресурс] // Сайт Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/proh04/gl_09 (дата обращения: 02.10.2014).
 - ³ Там же.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена поиску нового теоретического основания для анализа демографической ситуации в России в XXI в. Приведен обзор демографических теорий, в основе которых лежит изучение изменений численности народонаселения в зависимости от объемов средств существования. Статистические показатели демографической ситуации в России интерпретированы через призму трех смежных теорий: теории демографических циклов С.А. Нефедова, теории пассионарности Л.Н. Гумилева и теории социоестественной истории Э.С. Кульпина.

Ключевые слова: демография, демографические циклы, теория пассионарности, социоестественная история.

Проблема народонаселения – одна из главных в гуманитарном дискурсе. Научные изыскания в области увеличения численности населения часто были сопряжены с оглядкой на пропорциональные изменения объемов средств существования. С.А. Нефедов, исследуя зависимость популяции от уровня потребления¹, отсылает к Платону и Аристотелю, которые писали о необходимости корреляции числа рождений и объема имущественных наделов, а также к китайскому философу Хань Фэй-цзы, видевшему в перенаселении и снижении приходящейся на человека доли собственности источник социальной борьбы и гражданских войн². В итоге, утверждает С.А. Нефедов, «это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, падении реальной заработной платы и уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его)»³. Этот тезис не в полной мере описывает причину роста цен,

которая в европейских и североамериканских странах связана не столько с увеличением численности населения (во многих странах, если не брать в расчет миграционные потоки, численность снижается), сколько является следствием удорожания средств производства, климатических и экологических изменений, изменения типа экономики – от аграрной к индустриальной и постиндустриальной.

В новое время Т. Мальтус ввел постулат о гармоничном соотношении числа людей и жизнеобеспечивающих ресурсов. Эту поправку Т. Мальтуса в теорию народонаселения обосновали исследователи А. Ригли и Р. Шофилд в своей работе «История населения Англии» (1981). Авторы установили динамику численности населения Англии с 1541 г. и использовали полученные данные для проверки теоретических положений мальтузианства, подтвердив устойчивую связь между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. «После того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла. Таким образом... сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом»⁴.

Еще одним теоретическим подходом является изучение демографических процессов как причины исторических процессов, а не их следствия. Так, П. Сорокин, проанализировав данные статистики, показал, что «накануне войны в Европе наблюдались признаки перенаселения, что именно перенаселение, в конечном счете, вызвало Первую мировую войну и революцию в России»⁵. «Не требует доказательства тот факт, что Европа, взятая в целом, не была самодостаточна в продовольственном отношении: она не производила и не производит нужного ей количества ни хлебных продуктов, ни мяса»⁶.

Развивая изложенные выше теории при демографически-структурном анализе истории России, С.А. Нефедов выделил несколько демографических циклов развития популяции в нашей стране (многофакторный анализ проведен до 1917 г.)⁷:

– *Демографический цикл (вторая половина XV – начало XVII в.)*. Эпоха Московской Руси: период восстановления и роста – объединение русских земель под началом Московского княжества; фаза сжатия – централизации государства при Иване Грозном; экосоциальный кризис (демографическая катастрофа) – социально-экономический и политический катаклизмы конца XVI – начала XVII в.;

– *II демографический цикл*. Эпоха Российской империи: период восстановления и роста – начало формирования и укрепления аб-

солютной монархии в XVII–XVIII вв.; фаза сжатия – период «дворянской монархии» в конце XVIII – XIX в.; экосоциальный кризис (демографическая катастрофа) – экономические и политические реформы, возрастание революционного движения, Первая мировая война и падение монархии (конец XIX – начало XX в.).

В современном научном дискурсе влияние демографического фактора на исторический процесс стало предметом исследования школы социоестественной истории, возглавляемой Э.С. Кульпиным. Эта научная дисциплина, находящаяся на стыке гуманитарных и естественных наук, объясняет фазы развития общества с точки зрения отношений между человеком и природой, степени воздействия средств производства и новых технологий на экономику, климата, социального устройства, системы ценностей того или иного общества. В центре понятийного аппарата теории социоестественной истории – «человек хозяйствующий», через технику и технологии воздействующий на окружающую природу; его действия обусловлены не только экономической выгодой, но и ценностями, морально-этическими установками⁸.

В социоестественной истории цивилизация представлена как процесс развития суперэтнуса в границах представления людей о мире и о себе. Э.С. Кульпин представляет народ Российской империи, а затем и Советского Союза как суперэтнос, занимающий определенную часть земного ландшафта и наделенный определенным самосознанием или менталитетом. Он отмечает, что на протяжении столетий Россия развивалась линейно, географически экспансивно – от Запада до Востока, от Севера до Юга. Народы, попадающие в границы этого огромного государства, с течением времени сливались в суперэтнос. Факторами такого слияния послужили два слагаемых суперэтнуса – хозяйственная интеграция и наличие общей идеологии. Распад Советского Союза разрушил сложившуюся веками систему ценностей, суперэтнос распался на отдельные этносы, закрепившиеся в границах независимых государств. Эта тенденция, энергия к дальнейшему распаду ставит перед Россией судьбоносный вопрос самоидентификации: определение русских как этноса, одного из многих на территории страны, или российского суперэтнуса, объединяющего все проживающие народы. И ответ на этот вопрос должен складываться исходя из все тех же слагаемых – хозяйственной интеграции, т. е., по сути, общей экономики, и общей идеологии – системы ценностей, приемлемой для всех региональных культур и задающей объединяющую цель.

В свою очередь, неомальгузианская теория демографических циклов С.А. Нефедова как методологический подход к анализу де-

мографии и теория социоестественной истории Э.С. Кульпина в основе как минимум понятийного аппарата имеют много пересечений с теорией этногенеза Л.Н. Гумилева, который выделял три фазы развития этноса: подъем (молодость), акматическая фаза (зрелость) и фаза обскурации (старость). Движущую силу развития этноса, всегда связанную с географией своей локации, Л.Н. Гумилев называл пассионарностью, которую определял как биохимическую энергию живого вещества биосферы, оказывающего влияние на поведение этнических коллективов: «Пассионарность – это... непреодолимое внутренне стремление (осознанное или, чаще, неосознанное), к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)»⁹.

Фазы демографического цикла у С.А. Нефедова, хозяйственная и идеологическая интеграция как залог демографического роста в социоестественной истории Э.С. Кульпина и фазы этногенеза Л.Н. Гумилева как три теоретические предпосылки в своем синтезе позволяют создать новый парадигмальный фокус анализа развития демографической ситуации в России. Данный подход применим к интерпретации некоторых демографических статистических показателей.

Точка синтеза № 1 – свидетельство роста пассионарности ближневосточных и среднеазиатских этносов по Л.Н. Гумилеву. Зафиксированный впервые в 1960-е годы спад естественного прироста населения оставался в течение последующих 50 лет главным условием конструирования демографических прогнозов. За это время произошли масштабные геополитические изменения: с карты мира исчез СССР – самое большое государство – и на его месте появились 15 новых независимых стран, 14 из которых расположились с северо-запада на юго-восток вдоль самых протяженных в мире границ России. В результате демографические проблемы Советского Союза инерционно сохранились по содержанию, а в новых географических реалиях видоизменились по форме: то, что было бы естественным приростом численности населения в СССР, стало миграционным приростом при естественной убыли в Российской Федерации. Так, по данным Госкомстата, на 1 января 2014 г. численность постоянного населения Российской Федерации составила 143,7 млн чел., рост за 2013 г. составил 18,1 тыс. чел. (0,013 %). Для сравнения: рост постоянного населения за 2012 г. составил 11,4 тыс. чел. (0,008 %). Важно отметить, что за счет стран СНГ и преимущественно бывших среднеазиатских республик СССР миграционный прирост в 2013 г. полностью компенсировал численные потери населения и превысил их на 79,9 %. Таким образом,

показатель естественного прироста населения вновь остался отрицательным: «в I квартале 2014 г. число умерших превысило число родившихся на 5,0 % (в I квартале 2013 г. – на 9,5 %), в 15 субъектах Российской Федерации это превышение составляло 1,5–1,9 раза»¹⁰.

Точка синтеза № 2 – начало нового демографического цикла по С.А. Нефедову – историческая фаза восстановления и роста народонаселения в период экономической стабильности после экосоциального кризиса (демографической катастрофы 1990-х годов). Принимая во внимание динамику снижения отрицательной пропорции родившихся и умерших в стране, необходимо учитывать половозрастное распределение населения России в целом. Наглядная форма презентации этих данных на графике¹¹ позволяет увидеть «скрытую угрозу» демографической ямы 1990-х годов, эффект от которой в виде снижения рождаемости ожидается в текущем десятилетии до 2025 г., т. е. ожидаемого срока реализации Концепции демографической политики РФ, утвержденной Указом Президента в 2007 г.

Половозрастное распределение населения России по данным за 2010 г. характеризуется расширением ее основания (численности населения) по сравнению с 2002 г., что связано с увеличением числа рождений во второй половине 2000-х годов.

Точка синтеза № 3 – ракурс социальноестественной истории Э.С. Кульпина: изменение экономической системы и социального строя в XX в. как фактор изменения демографической структуры народонаселения России. Примечательно, что первая волна снижения рождаемости (не считая военного времени) приходится на 60-е годы XX в. – время массового строительства социального жилья и улучшения жилищных условий граждан. По сути, произошел дисбаланс сил между «человеком хозяйствующим» и «вмещающим ландшафтом», вызвавшим структурные и функциональные изменения в обществе. Этот феномен был характерен как для СССР, так и для европейских стран. А. Вишневецкий писал: «В 1960-е гг. Россия не только догнала индустриальные страны по уровню рождаемости, но и оказалась в авангарде движения к ее снижению. К концу этого десятилетия Россия выделялась на общем фоне крайне низкой по тем временам рождаемостью: в 1968 г. среди 40 промышленных стран только Чехия (тогда – часть Чехословакии), Латвия и Украина (в то время – республики СССР) и Хорватия (одна из республик Югославии) имели рождаемость еще более низкую»¹². В свою очередь, Ю.В. Арутюнян отмечал: «Падение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства наблюдалось в 1960–1970-х гг. и в некоторых европейских странах (напри-

мер, в Германии) <...> там оно было связано с резким возрастанием уровня жизни и профессионализма населения»¹³.

Таким образом, междисциплинарный подход к изучению демографических изменений в России при синтезе теорий демографических циклов С.А. Нефедова, социоестественной историографической ретроспективы Э.С. Кульпина, историко-этнографической методологии пассионарности Л.Н. Гумилева позволяет прийти к выводу о том, что изменение репродуктивного поведения россиян и снижение рождаемости в России (как и в других европейских странах) вследствие экономических, исторических, аксиологических и цивилизационных изменений, а также рост численности населения за счет миграционного прироста – это закономерный, объективный и исторически обусловленный циклический процесс.

Первая фаза нового демографического цикла способна приобрести положительную динамику естественного прироста населения только при условии совпадения периодов демографического восстановления и внутреннего пассионарного подъема. Иными словами, социально-экономические и политические изменения в стране должны сопровождаться качественными аксиологическими изменениями, совпадением физических географических границ государства с нематериальными границами идентификации его народа.

Примечания

- ¹ Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. С. 4.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 7.
- ⁴ Там же. С. 19.
- ⁵ Там же. С. 17.
- ⁶ Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia, 2003. С. 305–307.
- ⁷ Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 543 с.
- ⁸ Кульпин Э.С. Феномен России в системе координат социоестественной истории [Электронный ресурс] // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm> (дата обращения: 28.08.2014).

- ⁹ *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2010. С. 71.
- ¹⁰ Отчет Федеральной службы государственной статистики за 1 квартал 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b14_00/IssWWW.exe/Stg/dk08/8-0.doc (дата обращения: 14.07.2014).
- ¹¹ *Кваша Е., Харькова Т.* Изъяны и волны российской возрастно-половой пирамиды [Электронный ресурс] // Электронный журнал «ДемоскопWeekly». 2013. № 549–550. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0549/tema01.php> (дата обращения: 10.09.2014).
- ¹² *Вишневецкий А.* Особенности российской рождаемости [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2006/12/16/demoscope267/> (дата обращения: 10.09.2014).
- ¹³ *Арутюнян Ю.В., Дробизжева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 73.

ЧТЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

В статье дается картина чтения российских школьников (1–9 классы), проанализированы основные характеристики их чтения: состояние чтения, традиционные и новые практики чтения, возрастные и гендерные особенности, предпочтения и любимые авторы современного подрастающего поколения.

Показано, насколько быстро меняется чтение детей и подростков. Сравнительный анализ исследований за 2006 и 2013 гг. дает возможность очертить основные трансформации современного общества с позиции детского чтения через различные характеристики чтения, роль семьи в детском чтении, объем домашней библиотеки и т. д.

Ключевые слова: детство, чтение, жанровые предпочтения, трансформации.

Статус чтения, его роль, отношение к чтению со стороны общества сильно изменились в результате кардинальных перемен, произошедших за последние двадцать лет. Информационная революция и сегодня продолжает оказывать сильное влияние на чтение детей и семьи. На рубеже 2000-х годов изменения в чтении проявлялись в утрате интереса к книгам, входившим в круг чтения нескольких предыдущих поколений.

Последнее десятилетие специалисты фиксировали кризис чтения всего общества, и особенно чтения младшего поколения, которое является фундаментом формирования будущего взрослого читателя. В качестве причин обозначенного кризиса назывались утрата традиционных моральных ценностей, рост социального нигилизма, разобщенность и др.¹ В 2007 г. стартовала Национальная

программа развития и поддержки чтения и параллельно с ней бурно развивались информационные технологии. Результаты этих процессов можно наблюдать уже сегодня. Проведенное в 2013 г. Российской государственной детской библиотекой исследование по заказу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям при поддержке АНО «Левада-Центр» позволило получить картину детского и подросткового чтения в посткризисный период. А сравнение полученных результатов с исследованием Левада-Центра, проведенным в 2006 г. по аналогичной методике, дало возможность зафиксировать положительную динамику и произошедшие изменения в чтении детей за рассмотренный период. Исследование 2013 г. было проведено в восьми федеральных округах Российской Федерации в 34 крупных городах, выборка составила 350 младших школьников (1–4 классы) и 350 средних школьников (5–9 классы). В исследовании 2006 г. выборка составила 400 младших и 400 средних школьников, опрос был проведен в 26 региональных отделениях Центра по всей стране.

Преобладающее большинство школьников младших классов самостоятельно читают детские книги (89 %). Девочки, как и раньше, остаются более активными читателями, чем мальчики (как в младшем, так и в среднем школьном возрасте). Больше половины младших школьников больше любят читать сами (56 %), четверть предпочитают слушать чтение взрослых членов семьи (24 %), почти пятая часть опрошенных любят читать сами и слушать чтение взрослых (18 %).

Участие родителей и других членов семьи в процессе чтения является важным фактором приобщения к чтению на ранних этапах развития ребенка. Семейное чтение в корне отличается от других моделей чтения и имеет свои характерные особенности: в основе семейного чтения лежит практика «чтения вслух» в отличие от «чтения про себя»; оно предполагает совместное (но не коллективное) действие и неразрывно связано с понятием личной (семейной, частной, домашней) библиотеки как библиотеки особого вида; модель «семейное чтение» тесно связана с процессами, сопровождающими становление семьи, прежде всего с ролью женщины (матери) в воспитании ребенка; в семейном чтении реализуются все важнейшие функции чтения (познавательная, воспитательная, развивающая, рекреационная, коммуникационная)².

В 2013 г. зафиксировано возрастание роли старшего поколения в семейном чтении: так, в 2006 г. только 35 % мам читали своим детям вслух, а в 2013 г. этот показатель увеличился до 47 %;

6 % бабушек читали внукам в 2006 г. и 7,5 % – в 2013 г. При этом чтение взрослыми книжек вслух более характерно для детей 1 и 2 класса, такая практика наиболее развита в семьях с маленькими детьми. Чтение детям вслух связано главным образом с дошкольным возрастом, когда происходит процесс обучения детей основным навыкам, необходимым для начала учебы в школе, и главная роль здесь отводится женской половине семьи – прежде всего матери, а затем и бабушке. Отцу в семье, по всей видимости, отводится не столько социализационная роль, сколько контролирующая, усиливающаяся по мере взросления ребенка. Наличие в доме детских книг позволяет говорить о возможностях литературной социализации детей, обеспеченной семьей. Почти у каждого десятого ребенка младшего школьного возраста в 2006 г. дома не было своей детской библиотечки, а в 2013 г. детская библиотечка есть у 93 % детей³.

Что касается объемов чтения у младших школьников, следует отметить, что в исследовании 2013 г. ответы на вопрос о количестве прочитанных за три месяца книг (опрос проводился в сентябре, после летних каникул) позволяют говорить об интенсивности чтения детей младшего школьного возраста. В младшем школьном возрасте чтение помимо школы характерно для подавляющего большинства детей. Доля школьников младшего возраста, которые не прочитали за последние три месяца до момента опроса ни одной книги, и в 2006 г., и в 2013 г. составила 3 %. К этому показателю следует отнести еще 2 % детей, которые затруднились ответить на этот вопрос (как в 2006, так и в 2013 г.), а также и тех детей, которые утверждали, что читали, но не смогли вспомнить, сколько книг они прочитали, – это 7 % опрошенных учеников 1–4 классов по результатам обоих исследований. Таким образом, примерно каждого десятого опрошенного школьника младших классов можно считать не читающим детскую литературу на досуге⁴.

В младших классах школы (1–4) более интенсивное чтение характерно для девочек. В младшем школьном возрасте девочек больше среди наиболее активных читателей, и это процентное соотношение увеличилось: так, более пяти книг за три месяца прочитали 30 % мальчиков и 35 % девочек в 2006 г. и 37 % мальчиков и 44 % девочек в 2013 г. Одна из причин, по которой результаты получились выше по сравнению с 2006 г., заключается в том, что в 2013 г. дети отвечали на вопросы о чтении летом, когда нет школьных занятий, и у них было больше времени на чтение, в том числе заданное в школе на каникулы.

Сравнение результатов исследований 2006 и 2013 гг. показывает, что произошли некоторые изменения в предпочтениях младших школьников. В младшем школьном возрасте все большей популярностью пользуются народные сказки наряду с другими традиционными произведениями зарубежной и отечественной классики. Достаточно большое количество упоминаний имен авторов и названий книг говорит о широкой литературной осведомленности современных младших школьников. Количество книг, названных более семи раз, составляет 11 % от общего количества упомянутых книг. Это объясняется, с одной стороны, индивидуализацией читательских вкусов, а с другой – ограниченностью доступа к современной качественной литературе, которую можно поставить в один ряд с книгами, признанными классикой детской литературы.

В среднем больше половины учеников 1–4 классов (66 % – 2006 г., 56 % – 2013 г.) пользуются услугами библиотеки (без уточнения типа). Наблюдаемое снижение показателя может быть объяснено тем, что в период, прошедший с момента предыдущего опроса, происходил активный процесс оптимизации библиотек, приведший к закрытию части библиотек в регионах⁵. Почти 74 % девочек ходили в библиотеку в 2006 г. и 63 % – в 2013 г., среди мальчиков таких было 57 % в 2006 г. и 48 % в 2013 г.

Отметим, что в 2006 г. пользование библиотекой было более распространено среди учеников обычных школ (68 % – обычная школа, 63 % – лицей). Результаты нового исследования показали, что тип школы не влияет на то, посещает ли ребенок какую-либо библиотеку или нет (55 % – школа, 55 % – лицей), дело главным образом в семейных традициях и воспитании будущего читателя с раннего возраста.

По мере взросления ребенка его отношение к чтению и характеристики читательского поведения меняются. Среди учеников 5–9 классов сохраняется тенденция более интенсивного чтения девочек. Отметим, что чтение школьников средних классов мотивировано преимущественно собственным интересом, любовью к чтению. Этот показатель увеличился на 4 %; так, 76 % школьников 5–9 классов в исследовании 2013 г. утверждают, что им нравится читать. Больше половины (55 %) не согласны с утверждением, что они читают потому, что их заставляют взрослые и учителя. Кроме того, в современном обществе желание получить хорошую оценку и давление со стороны родителей и учителей – мотивы заметно более слабые для детей, у которых дома большое книжное собрание. В основном с этими утвержде-

ниями согласились дети, у которых книг дома мало (75 и 59 % соответственно)⁶.

Серьезные изменения выявлены в отношении к чтению между самыми младшими в этой возрастной группе и самыми старшими. Так, крайне негативной оценки чтения в 2006 г. придерживались девятиклассники, а в 2013 г. такую позицию в основном занимают пятиклассники. Существенно увеличилось количество пятиклассников, читающих под давлением родителей и учителей, при этом на 20 % возросло число девятиклассников, отмечающих вариант «мне нравится читать».

В 2006 г. в старших классах свободное чтение для себя считалось менее значимым и позитивно оцениваемым занятием. А с ростом интереса издателей к публикации подростковой современной литературы (по данным официальной статистики Российской книжной палаты число изданий для подростков с 2006 по 2013 г. увеличилось на 27 %⁷) интерес к чтению значительно вырос. Во многом это объясняется и тем, что с приходом в регионы Интернета книги за последние годы стали более доступны и взрослым, и подросткам.

В среднем в ряду различных типов и жанров книг у школьников средних классов все так же лидируют фантастические, «волшебные» книги, приключенческая литература и веселые и смешные книги. Треть опрошенных в 2013 г. любят читать занимательную, познавательную литературу⁸. В подростковом возрасте лидируют произведения современной фантастики, приключения, а также книги, которые включены в списки внеклассного чтения. Такая пестрота читательских предпочтений отчасти обусловлена, отчасти поддержана разнообразием современной издательской продукции. Параллельно идет процесс индивидуализации читательских интересов, поиск своего читательского «сектора», а практика увеличения числа издаваемых книг поддерживает эту тенденцию и создает условия для ее реализации.

Главными каналами получения книг для чтения у детей и подростков является покупка книг. Большинству книги покупают родители (45 % – мама, 17 % – папа, 13 % – бабушки/дедушки, 7 % – другие родственники), самостоятельно покупает себе книги треть опрошенных (33 %). Отметим, что покупательская активность растет с возрастом респондента (в 5 классе 25 % школьников самостоятельно покупают книги, а в 9 классе эта цифра составляет 49 %). Интерес к книгам поддерживает и воспроизводит межличностные отношения, но и сам воспроизводится и поддерживается ими⁹. Так, практически все члены се-

мы в той или иной степени принимают участие в покупке книг детям, а для 51 % опрошенных именно мнение родителей решающее в выборе книг. На втором месте друзья (41 %) и только на третьем месте учителя (29 %). Пятая часть опрошенных получает книги в подарок от друзей (20 %), что влияет на их межличностные отношения.

Библиотека как канал получения художественной литературы сохраняет значимость почти для половины опрошенных (42 %). Это домашние библиотеки, где преимущественно присутствует классика, которую собирало старшее поколение, а также массовая библиотека, которая имеет важное значение на периферии, где цены на книги не всегда доступны населению, а возможность бесплатного доступа к книгам снимает проблему подготовки к школе. Скачивание книг – достаточно распространенная практика среди подростков (29 %), хотя все еще уступающая живому общению с книгой. Большинство учеников средних классов сегодня записаны в библиотеки, чаще всего в школьную (66,6 %), общее количество таких детей увеличилось на 10 % за семь лет, а 37,5 % – в городскую, общее количество уменьшилось на 5 %.

В целом чтение детей в 5–9 классах несколько улучшилось по сравнению с данными 2006 г. Мы предполагаем, что Интернет и новые возможности получения литературы активизировали чтение подростков, в особенности тех, кто много читает, а также тех, кто в Интернете искал различные способы досуга (игры, общение на форумах и т. п.) и таким образом приобщился к новым практикам чтения.

Круг чтения (и получения литературы) детей и подростков сегодня состоит из двух частей: печатных и «электронных» книг и периодики. Пропорции этих «кругов» чтения постепенно меняются в сторону предпочтения чтения с экрана, что особенно значимо для чтения подростков. В целом Интернет активизирует познавательную активность школьников, стимулирует к приобретению новых знаний в самых разных областях в зависимости от индивидуальных предпочтений. Таким образом он предоставляет много возможностей тем, кто любит читать. В нынешних условиях возраст вхождения в информационное пространство Интернета у детей значительно снизился. Треть учеников 1–4 классов на вопрос «Читаешь ли ты книги из Интернета?» ответили утвердительно, девочки в младшем школьном возрасте опережают мальчиков и в «электронном чтении» в целом (37 и 30 % соответственно). Читают книги на экране компьютера 60 % младших школьников (из них

69 % мальчиков и 53 % девочек) и лишь 20 % опрошенных детей распечатывают книги из Интернета, и снова большинство из них – девочки (25 %). Специальные устройства для чтения электронных книг (ридер, читалка, e-book) есть у 24 % детей младшего школьного возраста¹⁰.

К моменту перехода в среднюю школу у детей меняется в лучшую сторону отношение к электронному чтению: 67 % подростков утвердительно отвечают на вопрос о том, читают ли они книги из Интернета. Отношение детей к разным способам чтения электронных книг практически не меняется по мере взросления. Тем не менее большинство подростков уверяют, что предпочитают бумажные (48 %) книги электронным (23 %). Бумажные книги предпочитают больше девочки, а электронные – мальчики. Полученные результаты позволяют говорить о том, что электронное чтение сегодня не угрожает традиционной книге, а скорее дополняет ее и дает больше возможностей для чтения.

Результаты исследования показали, что подростки читают в Интернете не только электронные книги, но и литературу на различные темы, связанные с учебой, досугом, развлечениями, хобби. Многие подростки стали намного более информированными, чем раньше; в том числе, они гораздо больше сегодня знают о том, где и что почитать благодаря Интернету, ридерам и другим электронным устройствам. Подростки получают информацию о книгах, литературных новинках и мнении других читателей на сайтах книжных издательств (27 %) и в социальных сетях (30 %), а также на форумах, в тематических сообществах (15 %), в блогах (16 %).

По сравнению с 2006 г. отмечается ряд изменений в отношении к чтению у детей и подростков, но в целом предпочитаемые жанры и темы у младших школьников практически не изменились. Характер чтения подростков изменился несколько больше, так как в последние пять лет Интернет пришел в регионы, а именно подростки активно осваивают новые электронные средства для чтения. Современные родители стали больше уделять внимания чтению детей младшего школьного возраста, но подростки по-прежнему остаются вне поля внимания взрослых, предпочитая общение со сверстниками. Отток читателей из библиотек вызван рядом факторов, в том числе процессами сокращения и слияния детских библиотек в регионах. Круг чтения детей и подростков складывается сегодня из чтения печатных (бумажных) книг и периодики и чтения книг и периодики в Интернете. Пропорции понемногу меняются в сторону предпочтения «экранного» чтения,

но в то же время у обеих возрастных групп «бумажные» книги пока все еще доминируют. Благодаря Интернету и новым технологиям подростки демонстрируют более интенсивное чтение по сравнению с 2006 г. и одновременно больше знают о том, где и что почитать (в том числе в Интернете).

Примечания

- ¹ См.: Кризис чтения: энергия преодоления: Сб. науч.-практ. мат-лов / Ред.-сост. В.Я. Аскарова. М.: МЦБС, 2013. 320 с.
- ² Мелентьева Ю.П. Семейное чтение: теоретический аспект // Доклады Научного совета по проблемам чтения. Вып. 3. По мат-лам Междунар. науч. конф. «Чтение в образовании и культуре» / Под ред. В.А. Лекторского, Ю.П. Мелентьевой. М.: Канон+, 2012. С. 87.
- ³ Колосова Е.А., Чудинова В.П., Губанова А.Ю. Перемены в чтении российских детей и подростков // Школьная библиотека. 2014. № 5. С. 16.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 18.
- ⁶ Там же. С. 17.
- ⁷ Печать Российской Федерации в 2006 г.: Стат. сб. / Рос. кн. палата; Отв. ред. Е.Б. Ногина, сост. Л.А. Кириллова, Л.П. Кодечко. М., 2007. 216 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российской книжной палаты. URL: <http://www.bookchamber.ru/content/stat/statinfo.html> (дата обращения: 13.10.2014).
- ⁸ Колосова Е.А., Чудинова В.П., Губанова А.Ю. Указ. соч. С. 17.
- ⁹ Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России – 2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. С. 59.
- ¹⁰ Колосова Е.А., Чудинова В.П., Губанова А.Ю. Указ. соч. С. 18.

С.Ю. Митрофанова

ТОЧКИ ОТСЧЕТА И КОНСТРУКТЫ «ВЗРОСЛОСТИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДЕТЕЙ О СВОЕЙ БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ

В работе на основе анализа сочинений третьеклассников МБОУ СОШ «Дневной пансион – 84» г. Самара выявляются точки отсчета и конструкты взрослости. Методологической основой данной работы послужили конструктивистское направление П. Бергера и Т. Лукмана, а также идеи социального времени Э. Гидденса и В.И. Ильина, позволяющие обозначить механизм конструирования взрослости через точки ее отсчета в представлениях детей о своем будущем. На теоретическом и эмпирическом материале доказывается, что есть тенденция разрушения нормативного образа взрослого человека в представлениях детей о своем будущем. Традиционная модель социальной зрелости перестает быть критерием взрослости, новое понимание взрослой жизни становится более размытым и неопределенным.

Ключевые слова: детство, точки отсчета, конструкты взрослости, представления детей.

Детство считается особым периодом жизни человека, а переход от детства к взрослости – один из важнейших сконструированных элементов социальной реальности детства¹. Ориентация детей на образ взрослости предполагает не только воспроизведение наличных социальных ситуаций развития, но и их постоянное преодоление², что находит отражение в процессе творческого культуроосвоения «взрослости», исследование которого и представляет интерес для нас.

Цель исследования состоит в выявлении точек отсчета зрелости в представлениях детей о «взрослости» и тех конструктов «взрослости», которые возникают на основе этих точек отсчета. Ребенок обладает гораздо меньшей степенью избирательности по

отношению к окружающему миру, чем взрослый, он находится в процессе «научения» критически осмысливать реальность и делать осознанный выбор, поэтому можно говорить о том, что ребенок впитывает все, что ему предлагается, до тех пор, пока позволяет психофизическое состояние его организма. Проанализируем, к какому результату в проекции будущего приводит переработка информации, которую ребенок получает в процессе взаимодействия с окружающим миром.

В качестве объекта исследования выступили: в 1998 г. – 65 чел. (42 девочки и 23 мальчика), в 2001 г. – 77 чел. (41 девочка и 36 мальчиков), в 2004 г. – 87 чел. (51 девочка и 36 мальчиков) и в 2012 г. – 68 чел. (35 девочек и 33 мальчика). Это учащиеся третьих классов МБОУ школы с углубленным изучением отдельных предметов «Дневной пансион – 84» г. Самара, написавшие сочинение на тему: «Я – взрослый»/«Я – взрослая». Выбор объекта исследования обусловлен психологическими особенностями развития ребенка, так как если в возрасте 7–9 лет ребенок в основном делает акцент на будущие свои внешние качества (у мальчиков – это физическая сила, у девочек – внешняя привлекательность), то с возрастом представленность будущего в картине мира ребенка становится более дифференцированной и включает различные сферы личного и общественного бытия, и переломным моментом является возраст 10 лет³.

Методологию исследования составляет конструктивистское направление социологии⁴. Социальный мир – это сконструированная человеком реальность, содержащая в себе повседневные практики индивидов, а также конструкты как некие коллективные представления, контролирующие и направляющие эти практики, но возникающие на основе их хабитуализации. Особое внимание здесь уделяется самим технологиям формирования тех или иных конструктов.

Этапы развития человека выделяются на уровне жизненного пути личности, а детство и зрелость. Это конструкции, имеющие отношение к темпоральности, это позволяет дополнить подход П. Бергера и Т. Лукмана идеей социального времени Э. Гидденса и В.И. Ильина, с помощью которой можно обозначить механизм конструирования этапов жизненного пути личности. Согласно В.И. Ильину, структура социального времени – это наполненная культурным содержанием социальная конструкция, определяющаяся выбором точек отсчета, которые зависят от представлений конструкторов о важности событий⁵.

Под точками отсчета будем понимать наиболее важные события, изменения в жизни человека. В разных системах координат будут различаться как точки отсчета, так и само содержание и плот-

ность социального времени, а значит и конструкции в отношении этого времени. Э. Гидденс выделяет три измерения темпоральности: 1) протяженность повседневного (обыденного) опыта; 2) отрезок жизни индивида; 3) длительная протяженность институтов⁶.

Все указанные уровни темпоральности взаимосвязаны и значимы для анализа: истолкование человеком точек отсчета этих «отрезков» дает нам понимание конструкции этапов на уровне его жизни, а соотнесение этих конструкций позволит увидеть специфику конструктов того или иного периода. Для нас важно прежде всего второе измерение. В проведенном исследовании были выявлены и проанализированы следующие основные тематические блоки, которые структурируют представления детей о взрослости и являются ее контурами: будущая работа или профессия, семья, материальные основания, домашние животные, внешность, физическая и социальная, и представления об отношении ко «взрослости» в целом (границы, отделяющие детство от «взрослости»). На наш взгляд, выявленные блоки не только структурируют представления детей о зрелости, но и определяют суверенность самого пространства детства, его относительную автономность.

Представление о «взрослости» формируется через определение возраста взрослого человека. Эти представления достаточно разные у третьеклассников: диапазон начала взрослой жизни весьма широк. Самая нижняя граница, которая встречалась в текстах, – 14 лет, на ее основе получаем конструкт «ранней взрослости». Верхняя граница начала «взрослости» – 39 лет, на ее основе получаем конструкт «поздней взрослости». Вместе с тем чаще всего третьеклассники говорили, что станут взрослыми в 20 лет, что отражает их желание скорее достичь этого состояния.

Конструкт поздней зрелости связан с проблемами и ответственностью, ассоциирующимися у детей со взрослой жизнью, начальную границу которой скорее всего нужно максимально отодвинуть подальше, оставаясь в комфортном, безопасном и защищенном мире детства. Не переходить во «взрослость», а оставаться в состоянии детскости как можно дольше провоцирует само современное общество, которое зачастую характеризуют как детоцентристское, с особым высоким положением детства, с правами и привилегиями только для детей, что искажает сам феномен детства, усиливая борьбу поколений за его статус. Конструкт поздней зрелости в анализируемых представлениях детей также показывает, что границы детскости выходят за пределы собственно детского возраста. Рост социального признания детского мировосприятия способствовал существенному расширению толкования «детскости», которое пе-

рестало быть локализованным только в одном возрастном периоде и одной возрастной группе⁷, и детское видение мира становится универсальным⁸.

Конструкт ранней зрелости вытекает из желания детей быть самостоятельными и свободными в собственных действиях, не зависеть от старших⁹. Некоторые третьеклассники хотят быть детьми, поскольку пространство детства связывается с безответственностью и беспроblemностью существования, когда «ничего не надо делать».

Конструкты ранней и поздней зрелости ставят под сомнение сам смысл взросления и свидетельствуют о кризисе концепции социализации как перехода из менее развитого состояния детства в более развитое состояние зрелости. На эту тему подробно рассуждают в своей статье Х. Зюнкер и Д. Бюлер-Нидербергер¹⁰, уделяя особое внимание категории компетентного ребенка, актуализирующейся в условиях современного общества. Размывание возрастных границ, в частности выход детства за рамки детскости, а «взрослости» за рамки зрелости, очень хорошо эксплуатируется современной культурой потребления. Например, детская косметика здесь и сейчас позволяет девочке стать взрослой, а индустрия моды для взрослых, ориентированная на куклу Барби, позволяет взрослым быть детьми. Отсюда и распространение во взрослом сообществе прежде всего средствами медиа такого явления, как «Kidult», что позволяет взрослому человеку уже с позиции силы «вернуться» в детство и пребывать в иллюзии его комфортного состояния.

Отношение ко «взрослости» у третьеклассников связано не только с пересечением демаркационной линии возраста, но и с возможностью нарушать территориальные запреты, со свободой передвижения, с возможностью посещать запрещенные для детства места или «страшные места». Это свидетельствует о том, что элементы жизни, которые актуальны в настоящий момент для конкретного ребенка, но которые невозможно воплотить в реальность здесь и сейчас, проецируются в будущее.

Первые свидетельства посещения «страшных» мест можно отнести к возрасту пяти лет, это своего рода вход в иное пространство¹¹. Отношение ребенка к «страшному» месту, по сути, выступает одним из способов освоения и присвоения окружающего мира, своего рода обрядом инициации для ребенка в современном обществе.

Один из атрибутов зрелости, по мнению детей, это паспорт как символ закрепленной документально ответственности человека. Точками отсчета «взрослости» могут выступать достижение человеком определенного возраста, получение паспорта, наличие работы, профессии, семьи. На основе этих точек получаем конструкт «взрос-

лости» как ответственности юридической и/или социальной. Хотя многие дети хотят поскорее вырасти, некоторые все же не спешат становиться взрослыми, выстраивая представление о «взрослости» в оппозиции к детству, и в этом отношении можно выделить конструкт взрослости как «не детства». Вместе с тем дети указывают на трудности, с которыми сталкиваются взрослые. Из такого понимания будущей жизни вытекает конструкт «взрослости» как проблемы, причем точками отсчета такого проблемного понимания зрелости выступают потребность много работать, «усталость» после работы, а также много «домашних дел», необходимость что-то «чинить».

В целом у детей позитивное восприятие «взрослости», но встречались такие сочинения, в которых дети говорили о том, что не хотят становиться взрослыми. Конструкт «взрослости» может быть и состоянием, которого человек может желать или не желать достичь. Конструкт «взрослости» представляется и как неизбежность, когда дети понимают, что вообще отсутствовать зрелость в их жизни не может. Однако в скрытом виде конструкт «отсутствующей» зрелости присутствует, хотя прямо он и не артикулируется.

Многие дети считают, что их будущая зрелость – это то, что «наступит еще очень не скоро». Точкой отсчета здесь выступает время, когда у человека будут работа, собственная семья, когда можно будет «планировать» будущее.

На основе анализа текстов сочинений можно выделить конструкты «взрослости» как компетентности, активности и самостоятельности, когда взрослые – это люди, которые «больше знают», «больше делают», причем самостоятельно. В целом взрослость связывается с возможностью свободы в собственных действиях, с расширением прав, но не всегда обязанностей.

Несмотря на дифференциацию в детских сочинениях точек отсчета «взрослости», можно выделить те, что составляют их основу, прописаны более глубоко и встречаются во многих сочинениях. Это определенный возраст, работа, материальные основания будущей жизни, семья, домашние животные, получение паспорта, отсутствие контроля со стороны родителей, свобода в территориальных перемещениях. Смыслы, которыми наделяют дети эти точки, могут быть полярно противоположными. Можно отметить, что у девочек чаще, чем у мальчиков, встречались более детально прописанные точки отсчета, связанные с описанием внешности, с возможностью самостоятельно выбирать гардероб.

Выявленная основа точек отсчета задает лишь самые общие рамки «взрослости». В каждом конкретном сочинении эти точки имеют свою специфику и показывают множественность возможных векторов

собственного развития в представлениях детей о будущем. Рассогласованность в текстах сочинений проявляется в различных композициях блоков взрослой жизни. Третьеклассники рассказывают о значимых для них компонентах зрелости, и поэтому в каких-то сочинениях взрослость не связывается с профессией или семьей, а важно другое.

Некоторые третьеклассницы указывали, что не будут выходить замуж, иметь детей, менять фамилию, когда выйдут замуж, или в их жизни мужей может быть больше, чем один. На наш взгляд, это является отражением имеющейся ситуации в обществе, когда стирается грань между мужскими и женскими социальными ролями, нет обозначенных и разделяемых всеми ценностей и норм, регулирующих общественную жизнь, стирается социальная грань между возрастными границами, отсутствует четкое понимание атрибутов каждого возрастного этапа жизни человека. Нарушение границ между детством и зрелостью не является формальным признаком достижения определенного возраста, но определяется содержательными трансформациями во взаимоотношениях детского и взрослого миров. Современная культура создает прецедент актуальной востребованности детства, реализации его потенциала в настоящем. Тем самым функции границ, разделяющих пространство детства и зрелости, которые выделяет исследователь, становятся принципиально нереализуемыми в обществе потребления: 1) защитная; 2) субъектно-образующая; 3) межгенерационная; 4) подчиняющая, поддерживающая иерархичность связей и отношений¹².

Современное общество далеко не всегда держит границы детства, не позволяя детству обрести необходимые для будущей жизни психические и социальные структуры и компетенции. С задачами, которые стоят перед детством, можно справиться только в «безопасной» обстановке, под защитой устойчивых границ, отделяющих пространство детства от пространства взрослого мира, когда ребенку позволено не нести ответственность за свою жизнь, ему разрешено быть неправильным, слабым, разрешено многое не знать. Жить так он может только когда есть те, кто знает, что хорошо, а что плохо и берет на себя ответственность, держит границы, чтобы, став взрослым, ребенок смог сделать это сам¹³.

На основе выявленных нами точек можно обозначить следующие конструкты взрослости: ранней взрослости, поздней взрослости, компетентности, активности, самостоятельности, ответственности, проблемы не детства, времени, о котором мечтаешь, чтобы оно скорее наступило, или, наоборот, не хочешь, чтобы оно пришло, неизбежности, чего-то далекого, свободы в собственных действиях (посещать «страшные» места, поздно ложиться спать, ходить в гости).

Выявленные конструкты «взрослости» не исчерпывают полностью все содержание представлений детей о зрелости, но, на наш взгляд, они составляют основу этих представлений, что позволяет сделать некоторые выводы об изменении самого пространства детства. Одновременное присутствие столь разных, а порой полярных конструктов «взрослости» в пространстве детства свидетельствует о плюральности самого феномена детства. На наш взгляд, это следствие того, что взрослая культура очень дифференцирована, и изменившееся в современном обществе содержание детства есть следствие трансформации и дифференциации зрелости. Сегодня «традиционная» модель социальной зрелости, связываемая с наличием работы, семьи, определенным материальным статусом и т. д., размывается и для некоторых детей вообще перестает быть критерием взрослости.

Эта позиция подтверждается результатами исследований современных ученых. По принципу дополнительности в нынешней эпохе уживаются такие крайности, как детоцентризм и сегрегация детства, убеждение в его суверенности и размывание демаркационной границы взрослого и детского миров, инфантилизация и индивидуализация¹⁴. Те процессы, которые происходят в обществе, оказывают влияние на все возрастные группы, и изменения во «взрослой» культуре находят отражение в пространстве детства. В рамках каждого возрастного этапа, и в детстве в том числе, судя по точкам отсчета и конструктам «взрослости», которые были нами выделены в текстах детских сочинений, сосуществуют и конкурируют ценности, роли, смыслы, теряющие привязку к определенному периоду жизни человека.

В современном обществе общественные указатели и личностное самоощущение взрослости не совпадают. Роль ребенка в современном обществе выстраивается прежде всего в направлении ее противопоставления роли взрослого и в обыденном сознании вербализируется в таких формулах, как «ребенок еще не может или не должен делать». В детской среде разрушен нормативный образ взрослого, но некоторые контуры этой модели все еще сохраняются. Взрослый – этот тот человек, который имеет паспорт, получил образование, имеет оплачиваемую работу, ведет сексуально активную жизнь, имеет семью и детей, освобожден от опеки родителей, обладает неким психологически зрелым пониманием жизни. С.Н. Щеглова подчеркивает, что в данном наборе находятся индикаторы, которые в современных реалиях серьезно рассогласованы¹⁵. Выводы ученых в целом подтверждают и результаты нашего исследования, демонстрирующие рассогласованность представлений детей о будущем.

Подводя итог анализу представлений третьеклассников о зрелости, подчеркнем, что изменяющиеся общественные условия меняют уклад жизни человека, а это, в свою очередь, безусловно отражается на детской картине мира, в нашем исследовании – на представлениях детей о взрослости. Именно поэтому «новая» зрелость для современных детей становится более размытой и может не связываться с традиционным нормативным пониманием «взрослой» жизни.

Примечания

- ¹ *Щеглова С.Н.* Трансформация детства в современном российском обществе и императивы развития государственной политики в интересах детей // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 175–188.
- ² *Кудряцев В.Т.* Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 19–24.
- ³ *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: Учеб. пособие. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 345.
- ⁴ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- ⁵ *Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: ИС РАН, 2000. С. 60.
- ⁶ *Гидденс Э.* Устроение общества. М.: Академический Проект, 2005. С. 82.
- ⁷ *Мамычева Д.И.* Детство – метаморфозы культурного взгляда. Таганрог, 2013. 148 с.
- ⁸ *Улыбина Е.В.* Инцестуозная реальность детства в современной культуре // Мир психологии. 2002. № 1. С. 30–46.
- ⁹ *Зюнкер Х., Бюлер-Нидербергер Д.* От исследований социализации к социологии детства / Пер. с англ. И. Шолохова и В. Безрогова // Развитие личности. 2003. № 4. С. 69–94.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2000. С. 83.
- ¹² *Мамычева Д.И.* Указ. соч. С. 124.
- ¹³ *Улыбина Е.В.* Указ. соч. С. 30–46.
- ¹⁴ *Мамычева Д.И.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁵ *Щеглова С.Н.* Указ. соч. С. 179.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО КОНТЕНТА САЙТОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются существующие подходы к классификации сайтов по различным основаниям, описываются их особенности, области применения. Особое внимание обращается на необходимость создания универсальной классификации.

Ключевые слова: дети, подростки, Интернет, сайты для детей, электронный контент, классификация.

С течением времени Интернет стал неотъемлемой частью жизни современных детей и подростков, а его роль в детской и подростковой культуре – неоспоримой и всё возрастающей. Часто исследователи, занимающиеся изучением проблематики использования Интернета детской аудиторией, слышат высказывания родителей, педагогов и других специалистов, работающих с детьми, о вреде новых средств массовой коммуникации: «Из-за компьютера и Интернета дети не читают», «Дети становятся жестокими из-за компьютерных игр», «Компьютер и Интернет занимает свободное время подростков, они не гуляют, мало общаются со сверстниками». Стоит отметить, однако, что подобные страхи не обоснованы. Для современных детей Интернет стал важной частью повседневной жизни наравне с общественным транспортом, телевизором и бытовой техникой, он больше не является чем-то чуждым. В связи с этим особое значение приобретают возможности Интернета как мощной среды и инструмента для развития личности ребенка.

Классификация электронного контента сайтов имеет большое значение в современном информационном обществе: упрощение поиска в Интернете, создание, поддержание и дополнение каталогов электронных ресурсов, разработка критериев оценки качественных ресурсов по тематическим и смысловым признакам для последую-

щего создания сайтов – только некоторые из целей, которых возможно достичь с помощью классификации. Бесконтрольный электронный контент создает дополнительные проблемы для классификации по сравнению с традиционной классификацией текстов, но в то же время гипертекст в силу своего взаимосвязанного характера предоставляет возможности, которые могут помочь этому процессу¹.

Ци и Дэвисон предлагают использовать следующие основания для классификации: тематическое, функциональное и смысловое. Под тематической классификацией они понимают тему или предмет страницы или сайта (например, страница об искусстве, бизнесе или спорте). Функциональная классификация исходит из той функции, «роли», которую выполняет сайт или страница сайта в Интернете (персональный сайт). Для классификации по смысловому признаку используется мнение по какой-либо тематике, отраженное на странице или сайте (личный сайт эксперта в какой-либо области).

Классификация может быть разделена на бинарную, включающую в себя только два класса (например, коммерческий сайт и некоммерческий сайт), и многоклассовую, состоящую из более чем двух классов (искусство, спорт, литература, техника).

В то же время существует и другое распределение интернет-сайтов по видам – согласно национальным докладам в России существуют следующие виды информационных ресурсов: информационно-библиотечные; научно-технической информации; общественной и социально-политической направленности; образовательные; государственной статистики; правовые; органов исполнительной и правительственной власти; музейные; по экономике и финансам; гидрометеорологические, геологические и др., связанные с природными процессами; транспортные; медицинские и биологические; архивные фонды; патентные фонды и др.²

Иная классификация приводится в Государственном стандарте ГОСТ Р 52657-2006³, который предусматривает деление образовательных ресурсов по десяти основаниям: по целевому уровню образования, по форме обучения, по тематике, по целевому назначению, по функции, выполняемой в образовательном процессе, по степени дидактического обеспечения, по виду образовательной деятельности, по характеру представления информации, по степени интерактивности и по степени соответствия действующим государственным образовательным стандартам.

Согласно Государственному стандарту, электронный образовательный ресурс классифицируют следующим образом.

1. По целевому уровню образования: выделяют два типа ресурсов – общеобразовательный (дошкольное образование, начальное общее,

основное общее, среднее (полное) общее) и профессиональный (профессиональная подготовка для лиц, не имеющих основного общего образования, начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское профессиональное).

2. По форме обучения: очный; очно-заочный; заочный; семейное образование; самообразование; экстернат.

3. По тематике на следующие виды науки и искусства: физико-математические; химия; биология; геолого-минералогия; техника; сельское хозяйство; история; экономика; философия; филология; география; юриспруденция; педагогика; медицина; фармацевтика; ветеринария; искусствоведение; архитектура; психология; военное дело; социология; политика; культурология.

4. По целевому назначению: научный; научно-популярный; производственно-практический; нормативный производственно-практический; учебный; массово-политический; справочный; для досуга; художественный.

5. По функции, выполняемой в образовательном процессе: учебно-методический комплекс по дисциплине; учебная программа; конспект лекций; хрестоматия; словарь; справочник; практикум; тест, комплект тестовых заданий; иллюстративный материал (набор слайдов, анимационные и видеофрагменты, аудиосопровождение); методические указания, методики изучения дисциплины, выполнения практических и лабораторных работ, решения задач, проведения курсовых, дипломных и научно-исследовательских работ, организации и проведения деловых игр и т. д.; учебно-методическое пособие; научно-популярная публикация; научная публикация.

6. По степени дидактического обеспечения специальности: по специальности, по дисциплине, по теме (разделу) дисциплины, по части темы дисциплины.

7. По виду образовательной деятельности: лекционное сопровождение (слайды, видеофрагменты, аудиосопровождение); сопровождение практикумов; самостоятельная работа; для системы дистанционного обучения; для системы электронного обучения; для самообразования; для краткосрочных курсов и системы повышения квалификации.

8. По характеру представления информации: мультимедийные; программные продукты; изобразительные; аудио; текстовые; электронные аналоги печатных изданий.

9. По степени интерактивности: активные; описательные; смешанные; неопределенные.

10. По степени соответствия действующим государственным образовательным стандартам интернет-ресурсы делят на полно-

стью соответствующие, соответствующие частично и несоответствующие.

Данная классификация представляется удобной для применения в отношении образовательных интернет-ресурсов, однако она не включает в себя некоторые категории сайтов, не имеющие непосредственного отношения к образованию, но входящие в число сайтов, целевой аудиторией которых являются дети и подростки.

С учетом существующих классификаций интернет-ресурсов, а также особенностей детской аудитории и соответственно сайтов, созданных для детей, мы предлагаем использовать следующую классификацию открытых общедоступных сайтов и интернет-порталов, целевой аудиторией которых являются дети и подростки.

1. По целевому назначению следует различать:

а) развлекательные – к данной категории относятся игровые сайты и форумы, где собраны разнообразные игры, или же являющиеся самостоятельным игровым пространством (www.detionline.org, shararam.ru);

б) учебные – сайты, на которых собраны материалы для учебы (учебники, пособия, рефераты и т. п.);

в) справочные – сайты, содержащие энциклопедии, словари и справочники различной тематики, также могут являться самостоятельными информационно-справочными ресурсами (dic.academic.ru, gramota.ru);

г) научно-популярные – тематические сайты, посвященные какой-либо науке или научной тематике, содержат научные статьи, книги, результаты исследований (www.historycivilizations.ru, www.znanie-sila.ru);

д) досуговые – сайты, посвященные различным увлечениям, хобби, творчеству (<http://scrap-info.ru>, <http://www.youngcreat.ru>).

2. По тематике выделяют сайты, посвященные следующим предметам:

а) математические науки (<http://www.fxyz.ru>);

б) естественные науки: физика, химия, биология, геология, география и др. (<http://elementy.ru>, <http://www.chemistry.ssu.samara.ru>);

в) техника (<http://www.nt-magazine.ru>, <http://computer-museum.ru>);

г) социально-гуманитарные науки: история, экономика, философия, филология, литературоведение, социология и др. (<http://www.m-a-bulgakov.ru>, <http://grechistory.ru>);

д) медицинские науки (<http://meganauka.com/medicine/>, <http://detsport.ru>);

- е) искусствоведение (www.impressionism.ru, www.allcastles.ru);
ж) архитектура (<http://www.archi.ru>, <http://sobory.ru>) и др.

3. По степени включенности пользователей:

а) интерактивные – сайты, предоставляющие возможность общения с авторами сайта, статей и другими пользователями, часто содержат в структуре форумы, для общения на них необходимо пройти процедуру регистрации (<http://chamaeleon.ru>, <http://www.nihongo.aikidoka.ru>);

б) описательные – сайты, содержащие тексты и статьи различной тематики, не имеющие функции комментирования и специальных разделов для общения (<http://louvre.historic.ru>, <http://mirckazok.ru>).

4. По возрастной аудитории: а) 3–6 лет; б) 7–10 лет; в) 11–14 лет; г) 15–17 лет.

При составлении классификации сайтов по возрастной аудитории использована возрастная периодизация этапов социализации, предложенная А.В. Мудриком⁴, которая была адаптирована в соответствии со спецификой интернет-сайтов, ориентированных на детей и подростков.

Предложенные нами основания для классификации включают в себя несколько принципиально важных параметров, таких как целевое назначение, тематика, степень включенности пользователей и возраст пользовательской аудитории. Это позволяет использовать ее для систематизации большего количества сайтов, упрощения поиска информации в Интернете, создания и разработки качественных и ориентированных на детскую и подростковую аудиторию ресурсов.

Примечания

¹ Xiaoguang Qi, Davison B.D. Web Page Classification: Features and Algorithms [Электронный ресурс] // Google Документы. URL: <https://docs.google.com/viewer?docx=1&url=http://www.cse.lehigh.edu/~brian/pubs/2007/classification-survey/LU-CSE-07-010.pdf> (дата обращения: 10.10.2014).

² Земсков А.И., Шрайберг Я.Л. Электронная информация и электронные ресурсы: публикации и документы, фонды и библиотеки / Под ред. Л.А. Казаченковой. М.: ФАИР, 2007. С. 56–57.

³ ГОСТ Р 52657-2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Образовательные интернет-порталы Федерального уровня. Рубрикация информационных ресурсов». М.: Стандартинформ, 2007. 12 с.

⁴ Мудрик А.В. Социализация человека. М.: Академия, 2006. С. 25.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН ОБ ОТЦАХ И ОТЦОВСТВЕ*

В статье рассматриваются представления россиян об отцах и отцовстве. На основе исследований выявлено противоречие: современные отцы видятся россиянам неспособными к выполнению своих отцовских обязанностей, безответственными и безразличными. Вместе с тем свои собственные отцы представляются им добрыми, заботливыми, любящими и во многом «идеальными».

Ключевые слова: семья, мать, отец, отцовство, дети, социализация.

Семья по-прежнему остается главной ценностью для россиян. В 1990 г. об этом сказали 95 %¹, в 2010 г. – 96 %² опрошенных. Семья, построенная на доверии, эмоциональном комфорте, проживающая отдельно от родителей, с двумя детьми и равной степенью участия в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей – такой представляют себе идеальную семью большинство. Россияне, как правило, считают, что при вступлении в брак нужно руководствоваться скорее чувствами, нежели рассудком. Лишь 12 % россиян могли бы назвать свою семью идеальной, еще у 36 % есть хотя бы одна в их окружении, которую они считают таковой³.

В рейтинге главных жизненных целей, которые ставят перед собой россияне, лидирует создание счастливой семьи и воспитание хороших детей (93 %)⁴. Семья представляет собой один из важнейших институтов социализации личности. Родители являются для детей основными трансляторами социальных, в том числе гендерных, норм и представлений. Гендерные представления, в свою очередь, влияют на процесс формирования гендерной идентичности ребенка, взаимоотношения молодого человека с представителями

противоположного пола, на создание собственной семьи в будущем. В семье ребенок получает понятие о распределении семейных ролей, обязанностей, авторитета и власти.

Какое место в жизненном мире россиян занимает отец, каковы их представления о распределении семейных обязанностей и ролей в семье, кто является главой семьи, принимает важнейшие и повседневные решения, каков образ идеального и современного отца – такие вопросы ставились автором при изучении темы.

В статье использованы данные следующих исследований: 1) «Отцы и отцовство», проведенного методом анкетирования под руководством автора весной 2014 г.⁵ Респондентами являлись россияне, представляющие три возрастные группы: от 18 до 30 лет, от 31 до 45 лет, от 46 до 60 лет (N = 253). Выборка квотирована по полу и возрасту; 2) «Значимость отца в представлениях выросших детей», проведенного автором в 2010–2013 гг. Информантами выступали молодые люди в возрасте от 17 до 25 лет, которым предлагалось написать эссе на тему «Отец в моей жизни» по определенному плану (N = 676); 3) «Авторитет отца в семье», проведенного И.О. Шевченко в 2010–2011 гг. Глубинное интервью, 20 респондентов, 10 мужчин и 10 женщин (семейные пары) разного возраста.

Представления россиян о роли отца в семье. Большинство респондентов рассказали о том, что, несмотря на то что в семье оба родителя работают и функции, которые они выполняют, могут меняться в зависимости от их загруженности на работе, некоторые обязанности четко закреплены. У мамы в основном хозяйственные и воспитательные обязанности, отец, как правило, обеспечивает жену и детей всем необходимым, зарабатывает средства для жизни, принимает участие в воспитании детей. *«В нашей семье существует четкое разделение обязанностей: каждый выполняет свою функцию. Отец работает и является главным источником дохода, мама занимается работой по дому и организационными моментами. Что касается семейной иерархии – я не могу поставить кого-то на первое или второе место, потому что семья является такой структурой, в которой каждый элемент важен по-своему. Можно провести аналогию с карточным домиком: если убрать хотя бы один элемент, то он просто напросто порушится. Мы – семья, а следовательно, каждый из нас по-своему важен»⁶.*

В исследовании «Отцы и отцовство» респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как, по Вашему мнению, в семье должны разделяться обязанности между мужчиной и женщиной?» 70 % указали, что в семье обязанности не должны четко делиться между мужчиной и женщиной, оба могут зарабатывать деньги и помогать друг

другу в воспитании детей и домашнем хозяйстве; 19 % – мужчина должен зарабатывать деньги, а женщина оставаться хранительницей очага; 7 % – женщина должна работать наравне с мужчиной, при этом забота о семье и детях остается женской обязанностью; 4 % – женщина может зарабатывать деньги, а мужчина заниматься домашним хозяйством. Налицо, по крайней мере, декларированное стремление нести груз семейных обязанностей поровну – это наблюдается во всех возрастных группах. Фактически обязанности в семьях регламентируются и делятся между супругами, несмотря на то что, по ответам респондентов, мужья часто помогают женам в работе по дому. *«Домашними делами в основном занимается мама (стирка, уборка, приготовление пищи). Папа занимается мелким ремонтом в квартире, но также иногда выполняет “женскую” работу по дому»*⁷.

Респондентам задавался вопрос: «По Вашему мнению, кто должен являться главой семьи?» 50 % считают, что каждый должен вносить равный вклад в «семейное управление», 45 % – что главным в семье должен быть отец. При этом большинство молодежи склонны полагать, что главой семьи должен быть именно отец, люди старшего возраста говорят, что «семейное управление» – это совместное дело. В исследовании «Авторитет отца в семье» выяснилось, что абсолютное большинство женщин считает главой семьи мужа. Некоторые мужья при этом указали на жену как на главу семьи; значимые функции в такой «двуглавой» семье все равно остаются за мужчиной. Авторитет отца основан в первую очередь на его личных качествах (76 %), на его взаимоотношениях с матерью и детьми (46 и 41 % соответственно), а уже потом на его финансовых возможностях (18 %). Таким образом, определяющими являются личные качества отца, его душевный вклад в детей, жену и семью в целом, степень участия в жизни семьи.

При ответе на вопрос: «На Ваш взгляд, кем в семье в большей степени должен быть мужчина? (расставьте варианты в порядке значимости)» наиболее важные мужские роли в семье выстроились в следующем порядке: 1) мужчина; 2) отец; 3) муж; 4) глава семьи; 5) семьянин. Респонденты отмечают, что мужчина в первую очередь должен оставаться мужчиной, несмотря на то что есть отцы, которые в более значительной степени, чем мать, принимают на себя груз ежедневных семейных проблем, будь то бытовые вопросы или воспитание детей.

Образ современного российского и «идеального» отца. Для определения образа современных отцов респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся качеств, присущих отцам, и их обязанностей.

На вопрос: «На Ваш взгляд, какими главными качествами должен обладать хороший отец?» респонденты отвечали, что отец должен быть ответственным – 19 %, умным, понимающим, заботливым – по 15 %, добрым – 10 %, сильным и веселым – по 7 %, смелым и строгим – по 6 %. В исследовании «Значимость отца в представлениях выросших детей» на просьбу описать идеального отца большинство респондентов ответили, что их отец – самый лучший для них в любом случае, даже если он не идеален. Среди качеств идеального отца оказались ответственность, отзывчивость, мудрость, ум, равнодушие к своему ребенку. Таким образом, ответственность – это главное качество хорошего отца, остальные перечисленные качества тоже во многом совпадают. Многие респонденты указали, что именно их отец, со всеми его достоинствами и недостатками, плюсами и минусами, является для них идеальным папой. *«Мой отец и является для меня идеальным, несмотря на то, что он воспитывал нас достаточно строго, за что я ему благодарна. Он очень заботливый, с чувством юмора, любящий мою мать, уважающий своих детей, ставит цели семьи выше своих собственных, создает все условия для нашего развития. Также отец является учителем в каких-то жизненных ситуациях, всегда помогает нам преодолеть некоторые трудности. Для меня это и есть идеал отца»⁸.*

Респондентам был задан вопрос, какими они видят современных российских отцов в своем окружении. Предлагались противоположные варианты, из которых нужно было выбрать ответ, наиболее полно характеризующий современных отцов. Было отмечено, что современные отцы «отстраненные» – 16 %, не участвуют в воспитании детей и являются бесхозяйственными – 13 %, безразличные и нерешительные – 12 %, безответственные – 11 %. При ответе на вопрос о том, выполняют ли современные отцы свои основные задачи в семьях, 50 % указали, что выполняют лишь единицы, 25 % ответили, что большинство отцов справляются и выполняют свои задачи, 6 % считают, что в современном обществе отцы не выполняют своих задач, 18 % затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, получается, что качества современных отцов не только не совпадают с чертами «идеального» и собственного отца, но во многих аспектах противопоставлены им. Ответственности, заботе и пониманию противопоставляются отстраненность, безразличие и сведенное к минимуму участие в воспитании детей. Вероятно, при определении черт современного отцовства респонденты не воспроизводили характеристики собственного отца и опыт взаимодействия с отцом, а опирались на некие обобщенные представления и стереотипы отцовства, существующие в общественном

сознании и общественном мнении и сформированные при участии средств массовой коммуникации. Можно также выдвинуть предположение о том, что те, кто негативно относится к своему отцу или с ним не общается, могли не принимать участие в опросе.

Ответы на вопрос: «Что, по Вашему мнению, должно входить в обязанности отца по отношению к детям?» распределились следующим образом: отец должен совместно работать с ребенком (мастерить, ремонтировать) – 13 %, обсуждать важные проблемы в его жизни, заниматься спортом – 12 %, играть – 11 %, содержать (оплачивать его жизнь), гулять – 9 %, помогать выполнять домашние задания – 8 %, водить/забирать из школы, детского сада; ходить в кино/развлекательные центры и т. п. – 7 %, водить ребенка к врачу – 5 %, сидеть с больным – 4 %, готовить еду, кормить – 3 %. Итак, отец в жизни ребенка должен играть важную роль: не только развлекать, но и заниматься с ним совместной работой, обсуждать проблемы в его жизни.

Респондентам был задан вопрос: «Согласны ли Вы с высказыванием: “Хороший муж обычно бывает и хорошим отцом”?» Выяснилось, что 56 % скорее согласны, 21 % – полностью согласны, 12 % – скорее не согласны, а 11 % не разделяют данную точку зрения. На вопрос о том, чем с ними занимался их собственный отец, респондентам на выбор были предоставлены те же варианты ответов, что и в вопросе об обязанностях отца. В итоге было получено фактически такое же распределение ответов. Это свидетельствует о том, что определение списка отцовских обязанностей возникает на основе собственного семейного опыта. Респонденты, ориентируясь на свои взаимоотношения с отцом, выстраивают определенную модель отцовского поведения.

Отвечая на вопрос: «Хотели бы Вы быть похожи на своего отца?» 42 % ответили, что им хотелось бы перенять многие черты его характера, но они не хотели бы быть на него похожими, 14 % – что хотели бы быть похожими на него, 11 % отвечают отрицательно, считая, что у их отцов много негативных черт характера, 4 % затруднились ответить. Цитата из эссе подтверждает данную информацию: *«Я не могу описать идеального отца. Мне кажется, у каждого человека в голове есть свой идеальный, в чем-то даже утопический образ. Когда я буду отцом, я буду вести себя немного иначе, по-другому. Как мне кажется, картинка идеального отца или матери меняется в голове человека постепенно с его взрослением. Но я могу с уверенностью сказать, что для меня мой отец является идеальным»*⁹. Большинство респондентов указывали на схожесть отца и ребенка в характере, мировоззрении и системе взглядов. *«Говорят, что характер у меня отцовский, но чуть более лояльный в силу возраста и непосредственного мамино влияния. Но строгость,*

ответственность, коммуникабельность и уверенность в себе – это те качества, которые были привиты с отцовской помощью»¹⁰.

Что же касается оценки вклада отцов в воспитание, то 31 % ответили, что отец дал многое, без чего сейчас было бы трудно, но какие-то вещи приходилось постигать самостоятельно, 21 % – что отец помогал, но учились самостоятельно или у других, 18 % – что вклад отца неоценим, он многому научил и ко всему подготовил. И ни один респондент не выбрал вариант «мой отец практически ничего не смог мне дать».

Роль отца в жизни ребенка. В исследованиях был сформулирован ряд задач, касающихся воспитания детей, и основных задач отца в жизни ребенка. На вопрос «Должен ли отец нести ответственность за благополучие семьи и детей?» 69 % респондентов ответили, что за благополучие семьи супруги отвечают поровну, а 31 % – что именно отец несет ответственность за благополучие в семье. При этом 42 % мужчин и всего 19 % женщин считают, что именно мужчина несет ответственность за благополучие семьи, тогда как 58 % мужчин и 81 % женщин полагают, что супруги несут ответственность поровну. Близкое соотношение ответов наблюдается и в ответах на вопросы о воспитании детей: 79 % считают, что существенно важен вклад как женщины, так и мужчины.

На вопрос «Согласны ли Вы с высказыванием: “В серьезных вопросах воспитания, касающихся образования, нравственности, общего развития, мнение отца должно быть решающим”?» 34 % ответили, что скорее не согласны, чем согласны, 15 % опрошенных полностью не согласны с данным высказыванием, 28 % скорее согласны, чем не согласны, 19 % затрудняются ответить и только 4 % полностью согласны. Респонденты ответили на вопрос о том, может ли мужчина заменить женщину в вопросах воспитания детей. Мужчина может полностью заменять женщину – считают 3 %, мужчина никогда не сможет полностью заменить женщину – ответили 13 %, 84 % указали, что существенно важен вклад как женщины, так и мужчины.

Довольно часто можно услышать мнение, что присутствие отца в жизни мальчика намного важнее, чем в жизни девочки. Респондентам был задан вопрос, согласны ли они с высказыванием: «Отец важен для обеих детей?» 79 % полностью согласились, 16 % – скорее согласились, 3 % – скорее не согласны, 2 % – затруднились с ответом, отрицавших это не оказалось вовсе.

На вопрос «Согласны ли Вы с высказыванием: “После развода дети должны оставаться с матерью”?» ответы распределились таким образом: скорее согласен, чем не согласен, – 33 %, скорее не согласен, чем согласен, – 31 %, полностью не согласен – 29 %, полностью согла-

сен – 7 %. Любопытно, что мнения женщин и мужчин почти совпали. 69 % респондентов ответили утвердительно на вопрос «Согласны ли Вы с высказыванием: “После развода родители должны иметь возможность в равной степени принимать участие в воспитании детей”?», 24 % скорее согласны, чем не согласны, и 7 % не определились с ответом. 84 % респондентов посчитали, что для полноценного воспитания ребенка важен вклад обоих родителей. А вот на вопрос о том, можно ли быть хорошим отцом, полноценно участвовать в воспитании ребенка, если родители разведены и не живут вместе, 49 % респондентов ответили, что это зависит от взаимоотношений родителей.

Большинство респондентов в эссе указывают на то, что присутствие отца в жизни каждого ребенка важно и значимо. Описывая своих отцов, респонденты делают акцент на то, что те принимают немалое участие в воспитании ребенка (это касается не только общения к нравственным и моральным ценностям, поощрений, но и наказаний), являются опорой и носителем авторитетного мнения. *«Присутствие отца всегда было значимо для меня, в тяжелые дни, в радостные он всегда поддерживает меня и подбадривает, дает какие-то жизненные советы и наставления, помогает мне в каких-то делах и наставляет на, как можно выразиться, правильную дорожку»*¹¹. Респонденты указывали, что тяжело переносят нехватку внимания своих отцов и общения с ним.

Какова основная задача отца в жизни ребенка, что он должен дать ему?

1. Надлежащее воспитание. *«На мой взгляд, отец лучший воспитатель для ребенка, чем мать, начиная примерно с трехлетнего возраста. Поэтому основной задачей отца должно быть полноценное участие в воспитании»*¹².

2. Модель мужского поведения. *«Отец должен явиться для ребенка, одинаково и мальчика, и девочки, моделью мужского поведения, на которую ребенок сможет в течение жизни полагаться. Мой папа на своем примере воспитал чудесного ответственного и отзывчивого сына, готового на всё ради своей семьи и не отказывающего в помощи никому; а у меня, как дочери, сложилось, на мой взгляд, правильно понимание о том, какое мужское поведение достойно и каким оно должно быть у настоящего мужчины»*¹³.

3. Подготовить ребенка ко взрослой жизни, передать ему максимум навыков и знаний. *«Отец должен научить ребенка выживать в окружающей среде. Отец приучает к реалиям жизни»*¹⁴.

4. Сила и защита. *«Научить ребенка быть сильным, как морально, так и физически, помогать финансово, быть надежным другом и защитником»*¹⁵.

5. Любовь. *«По моему мнению, задача отца в жизни ребенка заключается в том, чтобы дать ему возможность жить в полноценной и любящей семье»*¹⁶. Таким образом, респонденты единодушно выделили пять основных моментов, которые должны быть транслированы отцами своим детям и которые тем или иным образом перекликаются с характеристиками «идеального отца». По мнению большинства респондентов, названные качества, принципы, умения и навыки способен передать только отец.

Выводы. В представлениях россиян о современных отцах и об их собственных отцах наблюдается явное противоречие. Россияне видят современных отцов исключительно в негативных тонах и говорят о них как о неспособных к выполнению отцовских обязанностей, безответственных и безразличных. В то же время свои собственные отцы видятся им добрыми, заботливыми, любящими и во многом «идеальными».

В ходе исследований было выявлено, что при принятии решений в семье учитывается мнение обоих супругов. Оба супруга несут ответственность за семейное благополучие, несмотря на то что мужчины готовы брать основную ответственность на себя. Стоит отметить, что современная молодежь, имеющая пока мало опыта в семейной жизни, тяготеет к традиционному распределению обязанностей в семье, в то время как люди старшего возраста говорят, что обязанности не могут быть четко разделены, важна взаимопомощь во всех жизненных ситуациях. Авторитет отца формируется на основе его личных качеств, характера, поведения, умения держать себя и способности подавать пример другим. Респонденты были единодушны во мнении о том, что в воспитании ребенка важен вклад как матери, так и отца. Можно сделать вывод о несомненной важности отца в жизни любого ребенка, так как мужчина несет в себе определенный набор качеств и характеристик, которые только он может привить и воспитать в ребенке. Также стоит обратить внимание на то, что наблюдение детьми полноценных семейных отношений, которые создаются матерью и отцом, помогает в дальнейшем в построении своей собственной семьи.

Примечания

¹ Всесоюзное исследование проблем образа жизни – III [Электронный ресурс] // Единый архив экономических и социологических данных. URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3392&T=m (дата обращения: 23.10.2014).

² Семейная статистика [Электронный ресурс] // Интернет-клуб «Просвещенная любовь». URL: <http://www.lyubi.ru/sem55.php> (дата обращения: 20.10.2014).

- ³ Образ идеальной семьи [Электронный ресурс] // Сайт ФОМ URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11024> (дата обращения: 23.10.2014).
- ⁴ Друзья, семья, честная жизнь: жизненные приоритеты россиян [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112593> (дата обращения: 20.10.2014).
- ⁵ Автор выражает благодарность выпускнице социологического факультета РГГУ М. Разгоновой за помощь в сборе информации.
- ⁶ Архив автора. Женщина, 20 лет.
- ⁷ Архив автора. Мужчина, 21 год.
- ⁸ Архив автора. Женщина, 19 лет.
- ⁹ Архив автора. Мужчина, 20 лет.
- ¹⁰ Архив автора. Мужчина, 20 лет.
- ¹¹ Архив автора. Мужчина, 20 лет.
- ¹² Архив автора. Женщина, 20 лет.
- ¹³ Архив автора. Мужчина, 19 лет.
- ¹⁴ Архив автора. Женщина, 21 год.
- ¹⁵ Архив автора. Мужчина, 19 лет.
- ¹⁶ Архив автора. Женщина, 21 год.

Abstracts

R. Anisimov

“NETWORK SOCIETY” AS A FORM OF ADAPTATION OF RUSSIAN POPULATION TO THE PROCESSES OF GLOBALIZATION

The article considers forms of adaptation of population to the processes of globalization. It is suggested that the reaction to the globalization process was the increase in interpersonal informal contacts – “network society”. “Network society” performs a latent function – is a form of adaptation of the population to the globalization.

Key words: globalization, unification, “network society”, latent function, adaptation, metis.

E. Belova

THE PHENOMENON OF LOBBYING IN RUSSIAN SYSTEM OF HEALTHCARE

The article is devoted to the phenomenon of lobbying in the Russian health care system. The results of author’s research are presented, his own definition of the term “the lobbying in health care” is proposed and approaches to the analysis of the essence of this phenomenon are indicated.

Key words: the lobbying, the lobbying in health care, the promotion of the interests, the legislative regulation.

N. Belova

HEALTH IN THE LIFEWORLD OF RUSSIANS.
CONTRADICTIONS AND PARADOXES

The article describes basic contradictions and paradoxes that are related to individuals' attitude toward their health and health preservation practices, as well as the place of these practices in the lifeworld of the Russians.

Key words: health, healthy lifestyle, lifeworld.

M. Bulanova

EDUCATION IN THE LIFEWORLD
OF THE RUSSIAN YOUTH

The author investigates the specifics of the relationship of present-day Russian youth's attitudes to the education. The specific nature of the education as professional and vital project of youth is revealed.

Key words: education, youth, lifeworld.

M. Cherkasova

PARADOXES OF THE EMPLOYMENT
IN A REGION

A dynamic economic development of a region, an active creation of new jobs does not guarantee the balance in labour relations. The article produces a sociological analysis of the structure of regional employment by the example of the Kaluga region, marks main problems of labour market in the context of changes in economic environment.

Key words: employment, the socio-economic development of a region, regional labour market.

A. Gubanova

CLASSIFICATION OF ELECTRONIC CONTENT
OF WEBSITES FOR CHILDREN.
SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article considers existing approaches to the classification of sites for various grounds, describes their characteristics and ranges of application. Special attention is paid to the need for creation of a universal classification.

Key words: children, adolescents, Internet, websites for children, electronic content, classification.

E. Irsetskaya

LIFEWORLD AS THE BASIS FOR WORKING LIFE
OF MODERN MAN

The attitude to the work makes extremely important social sense. It allows to define the place which work takes in system of values of the lifeworld of the person. The person works not only for the sake of welfare growth but for spiritual gratification as well. In recent years the value of work doesn't appear among the principle values of Russians. The approach of partnership in management is one of effective decisions on the way towards increasing the importance of value of work for the employee. Thanks to this forming the new picture of the social and labor relations in our country becomes possible.

Key words: values, lifeworld, partnership in management, social management.

O. Kitaitseva

TRUST IN NATIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS
AND HUMAN LIFEWORLD

Integration processes which actively proceed in recent years various regions of the world updated a problem of the trust to new supranational and national political institutes. The great importance is acquired by the efficiency of multilevel management which in its turn relies on the trust as essential social resource. At the same time these processes

define the lifeworld of the person in new social and political reality which unites people with similar vision and perception of surrounding reality forming the general space of social action for all participants of integration association.

Key words: trust, lifeworld, integration processes.

M. Kokoulina

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL INITIATIVES

The relevant data about increasing role of social media in modern society are analysed in the article. The article describes opportunities for both political and socio-economic uses of their potential. The ability of social networks to be a place for demonstration of the civic activity, abstracted from the power vertical is revealed. It also gives the specific examples of civic initiatives in the social networks as in the form of political protest associations and also by organizing the communities focused on fighting social problems.

Key words: social media, civic initiatives, housing sector, political and social role of social networks.

E. Kolosova

READING OF RUSSIAN CHILDREN AND TEENAGERS IN TRANSFORMING SOCIETY

The article provides the picture of Russian schoolchildren's reading (grades 1–9), it analyses main characteristics of their reading – traditional and new practices of reading, age and gender characteristics, preferences and favorite authors of the modern younger generation. The article specifies how fast the changes in children and teenage reading take place. Comparative analysis of studies in 2006 and 2013 provides an opportunity to outline main transformation of modern society from the perspective of children's reading through various characteristics of the reading.

Key words: childhood, reading, genre preferences, transformation

A. Kuchenkova

INTEREST WITHIN POLITICS WITHIN THE STRUCTURE OF RUSSIANS' ATTITUDES TOWARD LIFE

The article examines state, dynamics and factors of Russians' interest in politics. The place of politics in the structure of attitudes toward life is assessed. Interest in politics is explored in the interconnection with keeping up with politics, and frequency of discussions of political issues with relatives and friends. The presence of interconnection between interest in politics and participation in political actions and its strength are examined.

Key words: interest in politics, political attitudes, political behaviour.

E. Kuzmina

EVALUATION BY PATIENTS AND DOCTORS OF THE STATE PROGRAM TO ASSIST PEOPLE

The article gives an analysis of state program which has its goal to help population suffering from socially significant diseases, especially cardiovascular diseases, as seen by the patients and doctors involved in the program.

Key words: socially significant diseases, subprogram "Arterial hypertension", vascular center hospital, vascular branch hospital, patient, doctor, expert

S. Mayorova-Scheglova

SOCIOLOGICAL METHODOLOGY "MYSTERY VISITOR". FEATURES AND TECHNOLOGY OF CARRYING IT OUT

The article describes stages of the preparation and conduct of an external audit evaluation of social institutions carried out by researchers as ordinary customers. The methodology of collecting and analyzing the information is presented on the basis of the exact studies. The necessity of using the monitoring methodology is given.

Key words: evaluation by experts, monitoring, criterias and indicators of service quality, the sociological method, social services.

S. Mitrofanova

THE REFERENCE POINTS AND THE CONSTRUCTS
OF “ADULTHOOD” IN THE VIEWS
OF CHILDREN ABOUT THEIR FUTURE LIFE

The points of reference and constructs of adulthood are determined on the base of analysis of children’s compositions from school “Day Boarding Pansion – 84” (the third year of studies). As methodological basis of this work the author used constructivist direction P. Berger and T. Luckmann, as well as ideas of social time A. Giddens and V. Ilyin that allow to define the mechanism of construction of adulthood in terms of its points of reference in the views of children about their future. By the theoretical and empirical materials the article proves that there is a tendency of destructing the normative image of a grown man in the views of children about their future. The traditional model of social maturity stops to be a criterion of the adulthood, a new understanding of adult life becomes more blurred and uncertain.

Key words: childhood, points of reference, constructs of adulthood, views of children.

T. Netusova

AMATEUR PHOTO PORTRAIT
IN CONTEMPORARY CULTURE

The issue is devoted to the analysis of key functions of amateur photo portrait in XIX – XXI centuries. The special attention is paid to the definitions of “amateur photography” and “amateur photo portrait” in the field of sociology of culture. In addition, the key differences in the perception between two generations (the younger and the elder) as well as main themes of amateur photographs and core functions of photography in general are examined. The issue is backed by author’s complex sociological research that was conducted in 2013–2014.

Key words: amateur photography, photo portrait, culture, subject, visual sociology, generation.

N. Romanovskiy

EXAMPLE FOR OUR YOUNG SOCIOLOGISTS
TO FOLLOW. THE CASE OF JEFFREY ALEXANDER

What makes an outstanding specialist in contemporary theoretical sociology? The answer to this question is of special importance for Russian sociology today at its current stage of development. Such an attempt is made in the article using results of a study in biographical circumstances and academic efforts of an internationally renowned specialist in the field J.C. Alexander. In his case one might arguably speak of two groups of factors. The first concerns making one's strategic life choices, while the second one relates to ways and means of one's academic works to become widely known in professional community and in wider societal circles.

Key words: outstanding specialist, theoretical sociology, J.C. Alexander, biographical, factors, life goals, results of academic works.

I. Shevchenko

RUSSIANS' IDEAS ABOUT FATHERS
AND FATHERHOOD

The article deals with the Russians' ideas of fathers and fatherhood. The main contradiction revealed in the study is that in general modern fathers are perceived irresponsible and indifferent, unable to perform father's duties. At the same time their own fathers seem to them kind, caring and nearly ideal.

Key words: family, mother, father, fatherhood, children, socialization.

Zh. Toschenko

LIFEWORLD – METHODOLOGICAL
CHARACTERISTICS OF SOCIOLOGY OF LIFE

The emergence of the concept of “lifeworld” is a reaction to dissatisfaction with the existing theoretical concepts and methodological dimension of social reality. While looking for sustainable solutions to new needs of knowledge, an attention was drawn to the possibility of understanding the world around through a fundamentally new

approach to the interpretation of social processes of change. The article reveals the essence and content of lifeworld as a social reality, as a leading (basic) practices and as an object of study.

Key words: philosophy of life, phenomenology, everyday life, sociology of life, the lifeworld.

I. Vasilevskaya

LABOUR MIGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE.
THE EXPERIENCE OF THE UNION STATE
OF RUSSIA AND BELARUS

The article considers the process of labour migration in the framework of the policies of the Union state of Russia and Belarus. Aspects of the interaction and integration of labour migrants from the Republic of Belarus in the contemporary Russian society are presented. A brief analysis of the legal framework governing inter-state relations between Russia and Belarus in the labour market is given.

Key words: labour migration, the Union state of Russia and Belarus, post-Soviet space, migration management, integration of labor migrants, the Belarusian immigrants, Russian society.

I. Vorobyeva

ATTITUDE TO MIGRANT WORKERS
IN THE MINDS OF STUDENTS OF MOSCOW

The article deals with the attitude of Moscow students to migrant workers living and working in the capital region, analyses the ethnic and inter-ethnic setting in the minds of the youth in recent years.

Key words: youth, ethnic relations, labor migrants.

A. Zhirikova

THE PLACE OF THE THEATRE IN CULTURAL AND RECREATIONAL PRACTICES OF RUSSIANS

The article is devoted to the search of place of the theatre in cultural and recreational practices of Russians. The comparison of official statistics and public opinion polls allows analysing a set of indicators which determines efficiency of the theatres, among the indicators there are – total number of cultural institutions, their attendance, the supply in the field of culture, financial and technical means for theatre work, labour conditions of creative professionals. The author formulates a complex of measures, which might promote to increase attendance of the theaters in the sphere of cultural and recreational practices.

Key words: cultural and recreational practices, theater, culture, efficiency, cultural institutions.

E. Zhuk

THE THEORETICAL BASIS FOR THE ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA

The article is devoted to the search of a new theoretical foundation for the analysis of the demographic situation in Russia in the XXI century. Author provides an overview of demographic theories, which are based on the study of changes in population, depending on the volume of livelihood. Statistical indicators of the demographic situation in Russia are interpreted through 3 related theories: the theory of demographic cycles of S. Nefedov, a passionarity concept of L. Gumilev and socionatural history of E. Kulpin.

Key words: demography, demographic cycles, passionarity concept, socionatural history.

Сведения об авторах

Анисимов Роман Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, ranisimov@list.ru

Белова Екатерина Викторовна – аспирант социологического факультета РГГУ, macanga@rambler.ru

Белова Наталья Ильинична – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, n.i.belova@mail.ru

Буланова Марина Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии РГГУ, marina_bulanova@inbox.ru

Василевская Ирина Валентиновна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ИЭУП РГГУ, vasilevska@rggu.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, vorobyova.irina@list.ru

Губанова Александра Юрьевна – соискатель социологического факультета РГГУ; научный сотрудник отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки, gubanova@rgdb.ru

Жирикова Анна Андреевна – аспирант социологического факультета РГГУ, zhirikova.anna@gmail.com

Елена Ивановна Жук – аспирант социологического факультета РГГУ; советник Отдела музейно-выставочной работы Департамента культуры города Москвы, elena.zhuk90@gmail.com

Ирсетская Елена Александровна – кандидат социологических наук, преподаватель социологического факультета РГГУ, e.irs@rggu.ru

Китайцева Ольга Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, olga_kitaitseva@mail.ru

Кокоулина Мария Александровна – аспирант социологического факультета РГГУ, kitaitceva@ya.ru

Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, the_shmiga@mail.ru

Кузьмина Екатерина Викторовна – соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ; бизнес-аналитик ООО «НоваМедика», germanova_ev@mail.ru

Кученкова Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, a.kuchenkova@rggu.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, sheglova-s@yandex.ru

Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент Самарского государственного университета; доцент Самарского государственного технического университета, mit_s@mail.ru

Нетусова Татьяна Михайловна – аспирант социологического факультета РГГУ, netusova@gmail.com

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, romanival@yandex.ru

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, завкафедрой теории и истории социологии РГГУ; главный редактор журнала «Социологические исследования», zhantosch@mail.ru

Черкасова Мария Сергеевна – аспирант кафедры прикладной социологии РГГУ, mariacherkasova@mail.ru

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии организаций и социальных технологий РГГУ, sheviren@yandex.ru

General data about the authors

Anisimov Roman I. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, ranisimov@list.ru

Belova Ekaterina V. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, macanga@rambler.ru

Belova Natalia I. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, n.i.belova@mail.ru

Bulanova Marina B. – Dr. in Sociology, professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, marina_bulanova@inbox.ru

Cherkasova Maria S. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, mariacherkasova@mail.ru

Gubanova Alexandra Yu. – applicant, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities; chief specialist, Department of Sociology, Psychology and Pedagogy of Children's Reading, Russian State Children's Library, gubanova@rgdb.ru

Irsetskaya Elena A. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, e.irs@rggu.ru

Kitaitseva Olga V. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, olga_kitaitseva@mail.ru

Kokoulina Maria A. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, kitaitceva@ya.ru

Kolosova Elena A. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, the_shmiga@mail.ru

Kuchenkova Anna V. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, a.kuchenkova@rggu.ru

Kuzmina Ekaterina V. – applicant, Department of Applied Sociology, Russian State University for Humanities; Business-analyst, LLC NovaMedica, germanova_ev@mail.ru

Maiorova-Scheglova Svetlana N. – Dr. in Sociology, professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, sheglova-s@yandex.ru

Mitrofanova Svetlana Yu. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Samara State University, Samara State Technical University, mit_s@mail.ru

Netusova Tatyana M. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, netusova@gmail.com

Romanovskiy Nikolay V. – Dr. in History, professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, romanival@yandex.ru

Shevchenko Irina O. – Ph.D. in History, associate professor, Department of Sociology of Organizations and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, sheviren@yandex.ru

Toschenko Zhan T. – corresponding member, Russian Academy of Science, head, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities; editor in chief, Journal “Sotsiologicheskie Issledovaniya”, zhantosch@mail.ru

Vasilevskaya Irina V. – lecturer, Department of Government and Municipal Management, Institute for Economics, Management and Law, Russian State University for the Humanities, vasilevska@rggu.ru

Vorobyeva Irina V. – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, vorobyova.irina@list.ru

Zhirikova Anna A. – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, zhirikova.anna@gmail.com

Zhuk Elena I. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities; councilor of Museum and Exhibition Sector, Moscow Department of Culture, elena.zhuk90@gmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Т.В. Рютина*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 64

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru